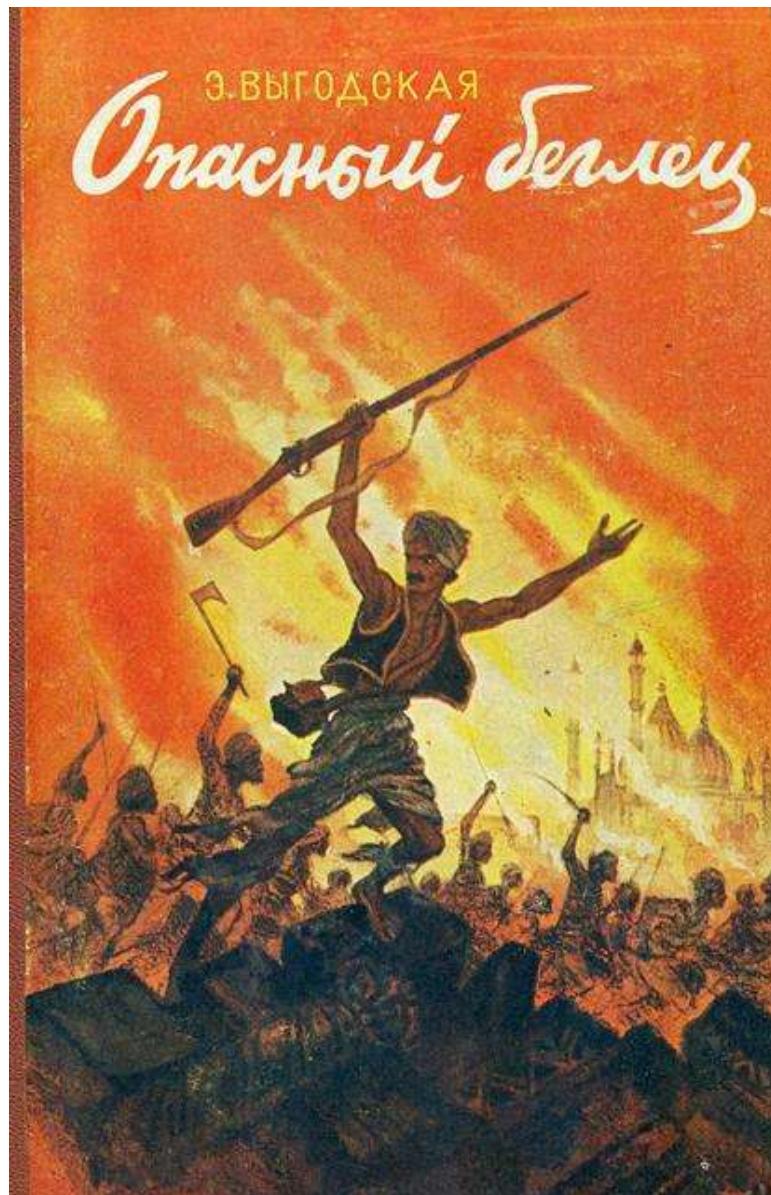

Э.И. Выгодская

Опасный беглец

Повесть о народной освободительной¹ войне в Индии

¹ Электронная версия книги Э. Выгородской сделана 1:1 по печатной версии книги издания 1948 года. По поводу ошибок, мнимых и явных, прошу обращаться к оригиналу. (KKK)

Часть первая
ПОБЕГ ИЗ ПЕТЛИ
Глава первая
ИНДУССКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Человек шел ночью и спал днем. Тесный кожаный пояс он давно бросил в лесу, скинул и обувь, шел босой. Чтобы не сбиться с дороги, он останавливался иногда и подолгу слушалочные звуки. С Большого Колесного Пути и ночью доносились ослиный рев, хлопанье бича, дальний скрип колес. Человек шел стороной от дороги – чащей, кустарником, высокой травой.

В полдень, в тяжкий зной, когда дороги в Индии безлюдны, как безлюдны бывают улицы на севере в глухую полночь, он взбирался на дерево и смотрел вперед. Там, где река Джамна светлой полосой пересечет Большой Путь, где широкую песчаную дорогу перережет верблюжья тропа, – там он повернет на север.

Человек шел неслышно, стопой легко касаясь земли, почти не взметая пыли, как ходят индусы и как не умеют ходить англичане.

Он шел и пел:

Чандала, чамара, Сакра-Чунда!..
Не давай им пощады, Чунда-Сакра,
Не давай им пощады, Чунда-Валка,
Убей всех саибов, разведи их по ветру,
Чандала, чамара, Сакра-Мата...

За спиной у путника, в крестьянской полотняной сумке, лежал хлеб. Обыкновенный жесткий хлебец пресного теста, шириной не более ладони, – чапатти, хлеб солдатского рациона, с сухими завитками по краям. Человек ел корни в лесу, жевал горький шиповник, молодые побеги бамбука, ячменные зерна, подобранные по краю поля, – хлеба он не трогал.

Иногда путник вынимал хлебец, внимательно разглядывал узор на нем, похожий на вязь стариинного письма, и прятал снова. Хлеб высох и окаменел за долгие дни пути, стал тверд как кирпич, сущенный на солнце.

Через много дней путник повернул на север. С каждым часом он удалялся теперь от Большого Колесного Пути, все реже попадались ему большие селения, джунгли ближе подступали к дороге. Бывали часы, перед восходом солнца, когда путник, уже не прячась, шел открытой дорогой. Здесь в Ауде, в недавно присоединенных провинциях, еще ничего не знали... Весть о том, что произошло на много миль южнее, близ Калькутты, еще не могла дойти до этих мест.

Но иногда вдруг на человека нападал страх, его начинало трясти, словно то, от чего он ушел, снова настигало его; казалось, на теле, по тем местам, где еще недавно впивалась веревка, снова вздувались полузажившие рубцы – на ногах, на спине, на руках у предплечий. Судорога била человека, он сворачивал с тропы в чащу, в колючие заросли, в высокую, выше головы, траву, шел кругами, без дороги, непролазным болотом...

– Плохо, Инсур, – шептал он тогда самому себе. – Ты теряешь спокойствие крови, так тебя легко поймают, Инсур!..

У бамбуковой рощи, близ перекрестка двух дорог, большой и малой, путник свернул направо. Сквозь заросли он пробился к ручью, неприметному на первый взгляд в чаще, лег на берегу и уснул. Спал он долго, солнце успело подняться, иссушить землю, накалить воздух и склониться к западу. Бродячий пес подошел к

ручью, обнюхал траву, босые ноги человека, плечо, потом потянулся к сумке, брошенной рядом. Человек проснулся от голодного урчания: собака, почувствав хлеб, рвала зубами полотняную сумку. Человек вскочил, он даже побледнел от волнения: пес едва не обокрал его! Он пнул собаку ногой и осмотрел сумку. Нет, хлеб цел, слава богу!

Уже почти стемнело, он пошел дальше, неровной тропой сквозь частый лес.

Эти места были путнику знакомы, он останавливался несколько раз и смотрел вокруг. Скоро заросли поредели, соломенные хижины большой деревни с двух сторон обступили лесную тропу. Путник подождал, когда совсем стемнеет, подошел к одной хижине и стукнул в тростниковую дверь.

Дверь отворилась, хозяин вышел, поглядел, тихо вскрикнул и впустил гостя.

– Издалека? – спросил хозяин.

Путник сел и сложил на коленях усталые руки.

– Калькутта, – сказал путник.

– О-о, какой долгий путь тебе пришлось пройти, Инсур! Что ты видел в пути?

– Много видел! – сказал Инсур. – Женщины в бихарских селениях уже толкуют в ступках сущеные листья вместо риса... Нищие бродят по улицам Аллахабада и из помета лошадей и верблюдов подбирают зерна. Во многих местах старики и дети уже вышли в леса и гложут молодые побеги бамбука.

– Скоро и у нас будет то же, – глухо сказал хозяин.

Инсур помолчал.

– Хлеб? – спросил Инсур.

– Вот наш хлеб! – хозяин достал из тростникового короба сухую лепешку и разломил. Просяная мякина посыпалась из разлома, как темный песок.

– Где же ваш рис?

– Увезли саибы.

Лицо Инсура потемнело.

– Трудной дорогой я пробирался сюда, – сказал Инсур. – Лесами и болотами, сквозь частый бамбук и колючую преграду джунглей. Белка не пролезла бы там, где проходил я. Но и здесь, вдали от больших городов, за лесами и каменистой степью, они нашли вас, Ордар-Синг!

– Тигр не разбирает дороги, когда рыщет по лесу за добычей.

– Тигру надо обломать лапы!..

Путник вынул хлебец из сумки и положил на стол. Хозяин взял хлебец в руку и долго смотрел на узор из сухих завитков.

– Барракпур? – спросил хозяин.

– Барракпур! – ответил гость.

– С чего начали?

– Начали с патронов.

Они заговорили очень тихо. Хозяин кликнул хозяйку, быстро сказал ей несколько невнятных слов и отдал хлебец. Хозяйка тотчас закопошилась в темной, неосвещенной половине хижины, в неурочный час раздула огонь в очаге, замесила пресное тесто... Мужчины ждали.

Хозяин рассматривал каменное лицо путника.

– Ты постарел, Инсур! – сказал хозяин.

Путник кивнул головой.

– Жива ли твоя жена, Инсур?

– Не знаю, – сказал путник. – Я не был дома с тех пор...

– Ай-ай! – сказал хозяин и жалостно защелкал языком. – Десять лет ты не был дома!.. Ай-ай, жена твоя терпит горе, Инсур!..

– Да, – сказал путник, – и дочь...

Он кивком головы указал на двух девочек хозяина, копошившихся в углу.

– Моя дочь старше их! – сказал Инсур. – Ей сейчас... – он помолчал, подсчитывая, – ей сейчас уже тринацать лет.

Хозяин снова защелкал языком.

Хозяйка вышла из темной половины.

Она положила на стол двенадцать одинаковых плоских хлебцев, точно таких же, как тот, который принес Инсур.

Шесть из них хозяин пододвинул гостю.

– Остальные мне, – сказал хозяин.

Он взял шесть хлебцев и вышел.

Скоро за тонкой бамбуковой стеной дома послышались заглушенные голоса, легкий топот босых ног по деревне, потом снова стало тихо. Хозяин вернулся.

– Гонцы пошли! – сказал хозяин. – На север, на запад и, вниз по Джамне, на юг.

– Скажи всем, Ордар-Синг, – пускай будут готовы! Времени осталось немного.

Прощай!

Путник взял оставшиеся шесть хлебцев и вышел. Хозяин светил гостю факелом.

– Завтра будут знать в Ферозабаде, в Бартпуре, – сказал хозяин. – Послезавтра – в Годуле... Шесть хлебов... в шесть деревень пошли гонцы... Не оступись, Инсур!

Он поднял факел. Белый свежеструженный столб недавно установленного в этих местах телеграфа выступил из темноты. Высоко над листвой гудела проволока, вести по ней с прошлого года летели из Лагора в Бенарес, из Калькутты в Пешавар, – из одного края полуострова в другой.

– Электрический дьявол летит там, поверху, – сказал хозяин, – по стальным жилам. В Дели, в Лагор, в Пешавар. Быстро летит, о-о!..

Он затряс головой.

– Мои вести летят быстрее, Ордар-Синг! – сказал путник. – Много быстрее! – И он улыбнулся, в первый раз за всю беседу.

Хозяин вскрикнул и отступил. Факел дрогнул у него в руке.

– Святая Парватти! – сказал хозяин. – Что стало с твоими зубами, Инсур?..

Он поднес факел к лицу гостя.

Вместо передних зубов, и верхних и нижних, у человека торчали только изломанные, истертые корешки, едва выступающие над деснами. Зубов не было, точно их спилили неровной пилой.

– Что стало с твоими зубами, Инсур? У тебя были зубы, как у рыси!..

Человек не отвечал.

– У тебя были зубы тверже железа!

– Железо оказалось тверже! – усмехнулся путник. – Прощай, Ордар-Синг!

Он отошел, потом, точно вспомнив о чем-то, вернулся.

– Ты называешь меня Инсуром? – сказал он. – Забудь это имя, Ордар-Синг.

– Инсур, да, Инсур-Панди, таким я знал тебя всегда, – забормотал хозяин.

– Забудь это имя! – жестко повторил путник. – Зови меня Панди, просто Панди, как зовут многих. Прощай!

И он ушел в темноту.

Глава вторая ИСКРЫ ЛЕТЯТ ДАЛЕКО

В полдень Панди пришел на небольшую военную станцию и прошел ее всю, от нарядного белого дома офицерского собрания до солдатских линий за пустырем. В полутемной лавке перса, в тени, под навесом, он переждал до ночи, а потом, когда совсем стемнело, пошел по линиям, вдоль одинаковых низких солдатских хижин, крытых свежим тростником. Присмотрелся и, завернув окольной тропой, с черного двора, кухней, вошел в помещение артиллеристов.

— Кто такой? — строго спросил наик, туземный капрал, и тотчас замолчал. Инсур протянул ему на ладони какой-то смятый тёмнокрасный цветок. Наик взгляделся в узор лепестков.

— Входи! — прошептал наик.

Он повел Инсура внутрь дома. Торопливый шопот понесся по низкому просторному помещению, с порога повставали люди. На глиняный пол поставили тусклую светильню. Все сели на пол в кружок, а Панди положил свой цветок в руку ближайшему к нему сипаю. Это был тёмнокрасный болотный лотос. Цветок пошел по рукам. Волнение отразилось на лицах. Каждый молча рассматривал узор лепестков и передавал соседу. Никто не произнес ни слова. Потом все повернулись к гостю. Инсур привстал.

— Искра, зажженная близ Калькутты, летит далеко! — сказал Инсур. — Два полка разоружены в Барракпуре, две тысячи сипаев пошли по родным домам. Вчера горели офицерские дома в Мирзапуре, — завтра будут гореть в Аллахабаде. Будьте готовы, сипаи!

Он оглядел суровые лица артиллеристов.

— Мы служим им, а они разоряют наши деревни. Мы работаем на них, а они забирают рис у наших отцов и жен. Сто лет бродит тигр по нашей стране, терзает и рвет когтями ее несчастное тело. Сто лет назад Роберт Клайв — саиб — обманул наших дедов. В несчастливой битве у Плэсси Индия покорилась Британии. Мы, внуки, отвечаем ударом копья на обман, кинжалом на обиду. Будьте готовы, сипаи! Власти чужеземцев должен прийти конец!..

— Конец! — с ненавистью подхватили негромкие голоса.

Старый седой наик встал со своего места.

— Они заставляют нас присягать своей королеве... Еще хуже стало при этой королеве, чем при том короле, который был до нее!.. Еще больше плывет мимо наших берегов судов с каторжниками в цепях, в далекие страны, из которых не возвращаются.

— Они гоняют нас за тысячи миль, в чужие земли, чтобы нашими руками убивать людей тех стран!..

— В далекие и пустынные места они увозят нас... В такие, где мы, индузы, не можем совершать нашего омовения и гибнем от холода...

— Власти саибов должен прийти конец!.. Последний день сотого года должен стать последним днем их владычества в Индии.

— Их мало, а нас тысячи тысяч!.. Мы прогоним их обратно в море, из которого они пришли!

— Наши отцы и братья в деревнях ждут только знака! — Молодой сипай в чалме мусульманина даже привстал в волнении.

— По военным станциям уже брошено слово!..

– Пожар зажегся под Калькуттой и искры летят далеко! – повторил Инсур.
Лотос обошел по кругу и вернулся к нему. Инсур положил цветок на ладонь правой руки и расправил лепестки.

И тотчас два сипая поднялись по знаку наика. Один из них, в чалме индуса, взял цветок из руки Инсура и молча коснулся его губами. Оба неслышно вышли.

– Мои гонцы быстро бегут! – сказал наик. – Завтра будут знать в Агре, послезавтра – в Мируте...

Инсур кивнул:

– В добрый час! – Он поднялся с пола.

– Мой путь далек! – сказал Инсур. – Я иду дальше на север.

Настало утро. Первые лучи солнца осветили пушистые розовые колючки высокой травы. Инсур-Панди шел дальше, ровным шагом сипая, с сумкой за плечами. О, он знал эти места – нищие деревни, поля, усыпанные камнем, быстрые реки, бегущие с гор!.. Он шел открытой дорогой и не боялся. Стальные нити телеграфа еще не протянулись в этих местах. Власти здесь еще не знали о событиях под Калькуттой: о том, что туземный солдат стрелял в британского офицера, что распущены два сипайских полка, что много ночных уже горят по стране офицерские дома, и виновных не найти...

Инсур шел быстро, миля за милем, не думая об отдыхе, забывая о еде. Раз он даже промаршировал, не прячась, мимо коричневой будки полицейского и не ответа на оклик дежурного, выглянувшего из окна. Крестьянская сумка за плечами, босые ноги, чалма и тугое панталоны сипая, изорванные в лохмотья о колючки и корни...

«Туземный солдат, отпросившийся в отпуск, в родную деревню», – подумал дежурный и не стал догонять Инсура.

Панди шел дальше, неутомимым ровным шагом. Райот,² согнувшись на своем поле у дороги, выпрямил спину и внимательно посмотрел на него.

Райот разбивал мотыгой сухую каменистую землю. Жена его прорывала канаву вдоль участка, чтобы пустить на поле воду орошения. Двое мальчишек отбирали руками самые большие камни и складывали их в кучи по сторонам. Голые спины ребят блестели от обильного пота.

Крестьянин глядел на Инсура, упершись мотыгой в землю.

– Далеко идешь, друг? И по какому делу? – спросил он.

– Только собаки и англичане бродят по стране без дела, – ответил ему Панди индусской пословицей.

Скоро Инсур повернулся на запад и пошел тропой вдоль берега Джамны. Где-то здесь, на десяток миль дальше, в глухом лесу была знакомая ему почтовая станция. И смотритель станции – кансамах – должно быть, еще помнит о нем, об Инсуре-Панди.

Он шел и пел:

Чандалы, чамары, бродячие чонгары,
Гончары, ткачи, метельщики улиц,
Убивайте саибов, трусливых саибов;
Они белы лицом и темны сердцем,
У них храбрость гиены и совесть тигра.
Гоните их прочь, не давайте пощады;
Мы солдаты, сипаи, вам поможем,

² Райот – индийский крестьянин.

Мы повернем свои штыки,
Мы опрокинем саибов с гор
И потопим их в море,
В море, из которого они пришли!..

К полудню он уснул у края дороги, в пыли.

Два верблюда шли на север той же тропой, вдоль берега Джамны. Первый верблюд был слеп на один глаз, он всё время сворачивал влево. Верблюд едва не наступил на человека, уснувшего на краю дороги.

– Что ты спишь на самой дороге? – закричал погонщик.

Индус ответил что-то невнятно, не поднимая головы.

Одноглазый верблюд потянулся мордой к спине Инсура: он почуял запах хлеба у него в заплечной сумке.

– А-а, ты припас корм для моего верблюда? – заорал погонщик.

– Кто там? С кем ты говоришь? – спросил резкий голос за его спиной.

Это был голос англичанина-саиба.

Панди всё еще не повернул головы. Он вынул чапатти из сумки и сунул его погонщику. Тот, увидев на хлебе узор из завитков, тотчас замолчал.

– А-а! – сказал погонщик и стегнул своего верблюда.

Панди неслышно ступил куда-то вбок и исчез, точно провалился в высокую траву.

– Кто там? Что ты видел? – спросил тот же голос.

– Что я видел? Я видел нищего в пыли на дороге. О-о... А-а...

Погонщик заорал песню.

– Это не тот, кого мы ищем? – спросил голос.

– Нет, саиб, это не тот, кого мы ищем, – ответил погонщик.

Он погнал верблюдов дальше.

Глава третья ЧАНДАЛА

Две поздние гости пришли на глухую почтовую станцию, стоявшую в лесу, вдалеке от Большого Колесного Пути. Пришли, низко поклонились кансамаху –смотрителю станции – и сели во дворе под навесом. Обе женщины были в длинных, спускающихся до самых пят белых широких юбках с узорчатой каймой, в белых шерстяных головных покрывалах – сари, низко закрывающих лоб и плечи.

Такую одежду в этих местах не носили. Женщины походили на горянок – путниц с далекого севера.

«Издалека идут», – подумал кансамах.

Путницы сели у дверей женской половины. Одна откинула сари со лба, и кансамах увидел красивое худое лицо, измученное усталостью и болезнью. Женщина сидела, прислонившись к столбу навеса, уронив вдоль колен худые руки в синих стеклянных браслетах. Вторая из путниц, должно быть дочь первой, девочка лет тридцати, невысокая и смуглая, принесла воды, чтобы омыть ноги старшей после долгого пути.

Кансамах взгляделся в худое лицо матери; глаза женщины нехорошо блестели от снедавшего ее жара, руки судорожно подергивались.

«Голод? – думал кансамах. – Лихорадка?»

Путницы не спрашивали еды.

«Нищенки», – решил кансамах.

Но странницы не просили милостыни. Старшая потянула нить четок с худой шеи и

начала тихо шептать молитвы.

Кансамах был добр, он принес остатки риса в деревянной чашке и подал девочке. Потом он смотрел, как они ели. Девочка брала рис из общей чашки. Старшая вынула из тряпок собственную и ела отдельно от дочери.

«Браминка», – подумал кансамах.

Ближе к ночи женщине стало совсем худо. Страшно было глядеть, как лихорадка ломает всё ее тощее тело, как вздрагивает нить четок в слабой руке. В почтовом бенгало расположилась на ночь проезжая мем-саиб, жена английского офицера. Ее служанки заняли всю женскую половину. Кансамах отвел обеих странниц в сарай. В дальнем углу лежала охапка свежей рисовой соломы.

– Здесь проведете ночь, – сказал кансамах.

Браминка низко поклонилась ему и едва слышно прошептала благословение.

Кансамах ушел.

Девочка взбила солому и подготовила ложе для матери. Она села рядом, не смея уснуть.

Скоро женщина впала в полузабытье, и девочка со страхом глядела, как тяжело дышит мать, как беспокойны ее руки под сбившимся белым платком.

Мать говорила что-то в бреду, – девочка еле улавливала слова.

– Скорее, Лела! – говорила мать. – О, как медленно мы идем... Скорее перейдем эту реку... вода уносит тебя... держись за меня, Лела... Скорее, скорее на берег!..

Лела сжала руки матери – они были вялы и холодны.

«Как она ослабела!» – с тоскою и страхом подумала девочка.

Так она просидела около матери всю ночь, держа ее руку в своей руке, слушая ее дыхание, ее прерывистую, лишенную смысла речь. Ночь была безлунная, шакалы выли где-то близко за оградой дома. Глухой лес шумел вокруг, до Большого Колесного Тракта было много дней пути.

Страх и тревога томили сердце Лелы.

В какие далекие неприютные места зашли они с матерью!.. Никто здесь не знал их, не встречал с лаской, как бывало прежде. Прежде они всегда ходили по селениям вблизи Джодпур, в своей родной стране. Крестьяне в тех местах, были бедны, но гостеприимны. Женщины спешили встретить мать Лелы, низко склонившись на пороге своего дома, торопились принести ей свежей воды, плодов и ячменных лепешек; дети садились вокруг нее на пестрые половики. Все знали Батму-Севани и ее дочь Лелу.

Батма была браминка, дочь брамина, она предсказывала судьбу новорожденному и отгоняла, как верили крестьяне, злых духов от его колыбели. Батму звали в дом, где родился ребенок или праздновали свадьбу; она освящала порог новобрачных молитвой над рисовыми хлебами и совершила поклонение земле, дереву и золоту; в доме покойника она первая высоким волосом заводила поминальный плач и разбивала горшок с рисом о стену, как велит обычай похорон.

Батма знала пророчества Веды и черное гаданье Сарва-Хари. Она умела в несколько мгновений свернуть из тряпок куклу – подобие человека – и пророчество над нею заклинание смерти или исцеления.

Леле иногда страшно было глядеть на мать, когда, повязав лоб голубоватой тканью, она бормотала слова древних заклинаний:

– Батта-Бхаратта!.. Сакра-Дар-Чунда!..

Батма никогда никому не объясняла, что значат эти странные слова. Она не учила

Лелу ни заклинаниям, ни молитвам.

— Ты — другого рождения, — как-то раз сказала она Леле. — Тебе нельзя знать то, что открыто мне.

У Лелы был ясный, высокий, чистый голос, она пела по вечерам, после заката солнца, усевшись на низкой глиняной ограде приотившего их дома. Лела сама складывала свои песни:

Сакра-Чунда, дай нам ясный день.
Ясный день — прохладную погоду.
Дождь к ночи, — нетрудную дорогу...
Сакра-Чунда, Мата-Лалла!..

Слова, услышанные от матери, Лела повторяла как припев к своей песне, не зная их значения.

Их звали и в дома саибов. Здесь их кормили хорошо, но на мать глядели как на фокусницу или колдуны. Хозяева дома по вечерам созывали гостей, чтобы показать им браминку, читающую заклинания. У одной мем-саиб, жены богатого англичанина, они прожили довольно долго. Лела уже научилась хорошо понимать язык иноземцев, но потом матери стало невмоготу, и они ушли со двора саибов.

Никогда мать не ходила в дальние селения западнее Джодпур, в плодородные «красные земли», где была ее родная деревня, где жили ее отец и мать. Лела никогда не видела ни деда своего, ни родных. Об отце она также почти ничего не знала. Когда-то, очень давно, он играл с нею, когда она была еще маленьким ребенком; Лела смутно помнила его высокую шапку козьего меха и белую рубашку горца, шитую красным и черным. Отца угнали в солдаты, на службу к англичанам-саибам. Больше десяти лет прошло с тех пор.

Раджа³ их страны, Раджпутаны, охраняя свое княжество, два раза в год откупался от саибов хлебом, золотом и людьми. Мужа Батмы и многих других угнали в тот год далеко на юго-восток, за великую реку Ганг, где никто из здешних людей никогда не бывал.

— Кто ушел на службу к саибам, того не жди обратно домой, — говорили крестьяне.

Настал год, когда британская королева, затеяв спор с Персией за город Герат, потребовала с раджи вдвое больше зерна, чем обычно. Раджа разослал по деревням своих заминдаров,⁴ и крестьянские кладовые опустели. Не стало риса для нового посева, голод начался в стране. Больше не звали Батму-Севани в крестьянские дома. Женщины, встав на пороге хижин, отводили взгляд, когда Батма с Лелой проходили мимо: у крестьянок не было хлеба для своих собственных детей. Батма решилась искать новых мест, куда еще не протянулись длинные руки саибов.

Как-то раз Лела с матерью, скитаясь, зашли далеко на запад, дальше чем обычно. Мать была грустна: эти места ей о чем-то напоминали... Они остановились на ночь в афганском серайле — постоялом дворе. Хозяин, молодой афганец с пестрой от краски бородой, отвел их на женскую половину. Еще днем, когда они сидели на пороге, Лела приметила во дворе древнего старика в высокой шапке факира. Старик прошел мимо них, поглядел и вернулся обратно. Белые язвы изъели его лицо, лоб, переносицу, даже веки и подглазья, но глаза остались целы, глаза смотрели зорко. Едва увидев факира,

³ Раджа — местный правитель, индийский князь.

⁴ Заминдары — владельцы более мелких поместий, подчиненные радже, его чиновники или слуги.

мать побледнела и надвинула на самое лицо свой белый платок. Но старик уже узнал Батму-Севани, дочь своего брата. Он сел у стены во дворе, скрестив ноги и, не двигаясь, смотрел на Батму. Не двинулась и она, — точно окаменела. Когда стемнело и все разошлись по местам, отведенным для ночлега, старики встали и медленно подошел к ним.

— Вот я нашел тебя, Батма! — сказал старики.

Мать пригнулась, точно ожидая удара.

— Ты прятала от нас свою дочь! Ты думала, никто не узнает о тебе и о твоем муже?.. Ты, браминка, стала женой гуджура, пастуха, крестьянина низкой касты, пила и ела с ним, позабыв о своем рождении...

— Уходи!.. — прошептала Батма. Лела почувствовала, как рука матери слабеет у нее в руке.

— Твоя дочь — низкорожденная, чандала, и ты не скроешь этого от людей!

Факир выхватил откуда-то из-за пояса, из тряпок, длинную медную палочку с тремя острыми зубцами и трубочку с краской.

— Уйдем! — закричала Лела, еще не понимая, что он хочет сделать. Но факир с силой притянул Лелу к себе и трезубцем больно ударил по лбу, глубоко рассек кожу меж бровями, над переносицей.

— Чандала!.. Дочь браминки и гуджура, низкорожденная, чандала! — завопил факир.

— Отпусти!

Лела изо всех сил уперлась старику в грудь и далеко оттолкнула его от себя.

Только тут опомнилась мать. Она схватила Лелу за руку и выбежала с нею за ворота серайля.

С того дня они больше не просили ночлега на постоянных дворах. Рана на лбу Лелы, на которую факир не успел брызнуть черной ядовитой краской, чтобы вытравить знак касты, быстро зажила. Остался только едва приметный белый знак над переносицей, похожий на белую звезду.

Они шли на север, дальше и дальше от Джодпуря, точно мать хотела навсегда оставить эти места. Скоро кончились степи, дорога стала камениста, селения редки. Они шли дальше и дальше на север, словно хотели дойти до края земли. Через много дней пути далеко на горизонте повисли острокрылые белые облака и больше не уходили.

— Это горы! — сказала Леле мать. — Хималаи, снежные горы на краю земли.

Вблизи склоны гор оказались черны и серы, тропы вились по зеленым кручам. Высоко над изломом дороги стояли сосны.

Лела никогда не видела прежде таких деревьев: частые зеленые иглы вместо плодов и листьев.

— Север! — сказала мать. — Край земли!

Высоко в горах они с матерью заночевали.

Здесь была хижина для ночлега, сложенная из камня, высокий колокол на перекладине, чтобы сывать заблудившихся, и соломенное ложе для нищих и странников. Вместе с ними в хижине остановились на ночлег два молчаливых тибетца с неподвижными желтыми лицами, старуха-нищенка из Мадраса и еще какой-то молодой усталый путник в изодранной синей повязке деревенского гончара. Тибетцы всю ночь перебирали черные четки и шептали молитвы, мать разговорилась с молодым путником. Он шел издалека, из Калькутты, и искал пути в Раджпутану — страну, откуда они с матерью пришли. Когда молодой путник сказал, что он хочет

найти в той стране женщину по имени Батма-Севани, мать стала белее риса, сари поползло с ее плеча.

– Зачем тебе эта женщина? – спросила мать.

– Я знал ее мужа, – ответил путник.

– Ты знаешь Инсура? Я – его жена, – сказала мать. – Где он?

– Я видел его под Калькуттой... еще недавно.

Путник стал говорить очень тихо... «Терпеть дольше было невмоготу... – уловила Лела, – два полка восстали против саибов... Инсура схватили... он теперь в темнице...»

– В темнице? – сказала мать, и Лела не узнала ее голоса.

– Да, казнь грозит ему и еще двоим сипаям... Я обещал Инсуру найти его жену и рассказать...

Лела запомнила слегка хриплый, точно простуженный голос молодого путника, его изодранную куртку, лицо, тронутое оспой, и серые блестящие глаза. Путника звали Чандра-Синг.

Утром мать поделила с Чандрой-Сингом единственную оставшуюся у нее рисовую лепешку.

– Я пойду туда, где мой муж! – сказала мать. – Может быть, еще не поздно...

Они повернули на восток и искали дороги в долину великого Ганга. Они шли очень быстро, но с того дня, как Батма услыхала дурные вести о муже, ей все казалось, что они идут слишком медленно. Наконец голубая вода Ганга блеснула среди холмов. Они шли низким песчаным берегом великой реки; темные паруса лодок, плывущих вниз по течению, обгоняли их.

– Скорее, Лела! – говорила мать. – О, как медленно мы идем!

Как-то раз они заночевали на берегу, в сырой низине, и с тех пор Батму начала снедать эта злая лихорадка.

И вот теперь, после долгих дней пути, Батма в беспамятстве лежала на соломенном ложе, в сарае кансамаха. Батма и сейчас торопилась, уже в бреду, точно хотела еще итти дальше.

– Почему мы идем так медленно, Лела?.. Скорее, может быть, мы еще увидим его!

Чем неподвижнее становилось тело больной, тем торопливее стремилась ее горячечная, лишенная смысла речь.

– О, как далеко еще итти... Несчастье... Подгибаются ноги... Скорее, девочка, беги... Бежим! Мы еще успеем, Лела!..

– Да, да, – говорила Лела, сжимая ее руку.

Скоро руки Батмы-Севани стали слабы и потны, горячка отпустила ее. Батма открыла глаза.

– Мы опоздали, Лела! – со смертной мукой в лице сказала она. – Мы опоздали, он погиб!

Руки Батмы бессильно повисли. Она завела глаза кверху, зрачки остановились и начали медленно тускнеть.

Утром кансамах стоял над мертвой, жалостно щелкал языком и качал головой:

– Ай-май! – сказал кансамах. – Умерла!

Лела сидела над матерью не шевелясь. На лбу покойницы, теперь открытом, ясно обозначились две синие полосы – знаки браминской касты.

– Браминка? – спросил кансамах.

Лела кивнула головой.

Вдвоем с Лелой они подняли и вынесли легонькое сухое тело и положили его у стены сарая, в тени.

Кансамах ушел.

Лела прикрыла лицо Батмы старым белым сари с узорчатой каймой, сняла с ее руки на память синие стеклянные браслеты, молча, без молитвы, сжав руки, постояла над матерью и пошла прочь.

— Погоди, девочка! — остановил ее кансамах.

Он повел Лелу на веранду дома.

— Куда ты идешь?

— В Калькутту.

— Так далеко? — изумился кансамах. — Зачем?

— У меня там отец, — просто сказала девочка. — Он в темнице. Мать велела мне итти к нему.

— Разве ты можешь его спасти? — спросил кансамах.

— Я должна итти, — сказала Лела. — Мать хотела дойти и не дошла. Может быть, я дойду.

— Долгий путь! — сказал кансамах. — До Калькутты, ай-ай! — Он затряс головой. — Трудно, далеко!

Лела молчала.

— Я дам тебе рису на дорогу, — сказал кансамах.

Он достал мешочек и начал ссыпать в него из чашки вареный рис.

— Какого ты рождения? — спросил кансамах, точно вспомнив о чем-то. — Ты ела отдельно от матери.

Он хотел отдернуть сари с лица девочки, чтобы посмотреть знаки касты у нее на лбу. Но Лела шагнула назад к ступенькам веранды.

— Я чандала! — сказала девочка. — Не касайся меня.

Кансамах отступил, пораженный: «Чандала? Дитя недозволенного брака?.. Отверженная для всех каст, чандала?..»

— Ай-ай, — сказал кансамах. — Трудно тебе будет, девочка!

— Прости! — Лела хотела итти.

— Погоди! — Кансамах издали бросил ей мешочек с рисом. — Бери и иди с миром.

Лела низко поклонилась и пошла.

— Иди с миром! — кричал ей вслед кансамах. — Вон той тропой, вдоль берега Джамны, вниз, всё вниз по течению, выйдешь на Большой Колесный Путь. Иди Большим Путем, поверни на восток, спрашивай Калькутту, город саибов у моря. Проси милостыню в дороге, будешь сыта. У крестьянина проси, у райота, он сам беден, — подаст. Проси у сипая, пешего солдата, и у конного совара⁵ проси — не откажет. Далеко обходи только слепцов, факиров и нищих. И не проси милостыни у саибов, они светлы лицом и темны сердцем. А пуще всего бойся тощего саиба на одноглазом верблюде!.. Иди, дитя, может быть, дойдешь.

Глава четвертая УЗОР НА ПЛАТКЕ

Знакомая тропа привела Инсуру к глухой почтовой станции, затерянной в лесу. Тростниковая крыша низкого почтового бенгало пряталась в густых зарослях. Инсур

⁵ Совары — туземная кавалерия.

прошел прямо на кухню станции. Кансамах, повар, он же и смотритель станции, в одной белой повязке вокруг бедер и белой тряпке на голом черепе, тотчас узнал гостя.

– Добрый день! – сказал кансамах.

– Добрый день! – поклонился Инсур. – Есть ли новости?

– Есть! – ответил кансамах. Он повел гостя в свое собственное помещение, полутемную комнатку с тростниковой занавеской вместо двери. Здесь, в углу, на половике, под ворохом пахучей сущеной травы лежала небольшая связка писем.

– Вот! – сказал кансамах.

Инсур развязал пачку. Письма были и недавние, мартовские, были и старые, еще от начала февраля. Инсур быстро перекидывал конверты: он искал правительственные сообщений. Ага, вот! Серый пакет с большой сургучной печатью. Кто пишет? Генерал Герсей доносит из Калькутты генералу Ансону, в Симлу. Генерал Ансон, командующий Бенгальской армией, уже третий месяц отдыхает – это знает вся Индия, – он охотится на тигров в живописных окрестностях Симлы, в отрогах Гималайских гор. Генерал не нашел для себя более подходящего дела в такое время. Так, так. Что же пишет Герсей-саиб Ансону-саибу?

Инсур надорвал конверт.

«... Условия таковы, что я бессилен что-либо предпринять, – доносил генерал. – Я не имею возможности не только быстро перебросить воинскую часть из одного пункта Бенгала в другой, но даже во-время разослать приказы. Почта приходит с огромным опозданием, регулярная связь отсутствует, в период дождей все дороги становятся непроходимыми, курьерских верблюдов в достаточном количестве в моем распоряжении нет. Медлительность, нерасторопность, несвязанность действий, которые едва не стали губительными для Британской империи так недавно, во время Крымской войны, со всей силой проявляются сейчас в Индии. Приказы не выполняются или выполняются с непозволительным опозданием. Простые донесения с места на место идут по несколько суток, – так, весть о прискорбных событиях в Барракпуре дошла до Калькутты только через семь суток, четвертого марта, – в то время как простой всадник доскачет от одного пункта до другого за два с половиной часа».

Улыбка поползла по смуглому лицу Инсура. Он читал дальше:

«... Мне нехватает британских солдат. Из-за войны с Персией почти вся королевская пехота отзвана к персидской границе, на всем протяжении от Калькутты до Динапура – четыреста миль – один европейский полк. Военные станции Бенгала и северо-западных провинций обнажены; в Аллахабаде пороховые склады под охраной одной лишь туземной стражи, в Канпуре одна неполная рота европейцев на четыре полка туземной пехоты, в крепости Дели – ни одного британского солдата... И это в такой момент, когда нужны меры решительные и крутые, когда малейшая слабость, малейшее промедление может стоить нам всей Индийской империи...»

Кансамах громко застучал медным котелком на кухне. Инсур сунул письмо за пазуху, быстро собрал разбросанные письма, прикрыл их травой и сел на пол перед занавеской, скрестив ноги, в спокойной позе молящегося индуся.

В щели тростниковой занавески он хорошо видел двор почтовой станции и всё, что во дворе происходило. Английская леди, проведшая ночь в бенгало, вышла во двор со всем своим штатом. Мем-саиб отъезжала. Четверо слуг вынесли сундуки и саквояжи леди. Носильщики стояли наготове, занавески, украшенные бусами, колыхались над просторными носилками. Служанки бегали по двору и испуганно сутились. Двое слуг подсаживали леди. Под балдахином носилок расправили большой походный веер. Сначала в носилки села нянька с грудным ребенком на руках, потом и сама леди с мальчиком постарше. Слуги подняли на плечи саквояжи, мешки. Наконец всё было готово. Носильщики, дружно вскрикнув, разом затопали босыми ногами и вынесли тяжелые носилки из ворот.

Снова стало тихо. Инсур вернулся к письму; дочитал его, затем сложил пополам и разорвал на много мелких кусков. Пускай командующий Бенгальской армией подольше охотится на тигров среди прекрасных холмов Симлы!.. Потом он откинул занавеску.

Двор был пуст. Кансамах сметал в угол мусор, оставшийся после отъезда английской леди.

Инсур вышел во двор. Что-то длинное и узкое лежало в тени, у стены сарая, прикрытое смятым женским платком с узорчатой каймой.

— Что это? — спросил Инсур.

— Женщина, — неохотно ответил кансамах. — Умерла сегодня ночью, в сарае.

— Голод? — спросил Инсур.

— Не знаю. Горячка, должно быть. Пришла издалека... С нею была девочка.

Трудно было поверить, что под платком лежит труп человека, — что-то узкое и тонкое, точно две-три брошенные сухие веточки, едва приподнимало смятую ткань.

Инсур шагнул к стене сарая и остановился. Узор каймы на платке — черные и красные павлины по белому полю — показался ему знакомым.

Инсур взгляделся. Что-то толкнуло его в сердце, он подошел ближе и наклонился над трупом.

— Откуда эти женщины шли? — спросил он сдавленным от волнения голосом.

Никто не ответил ему: кансамаха не было во дворе.

Инсур постоял, словно не решаясь, потом отдернул платок.

Несколько секунд он стоял недвижно и глядел в лицо мертвой. Никого не было во дворе, никто не видел муки, исказившей лицо Инсура.

Потом он прикрыл лицо покойницы белым сари и отошел.

— Батма! — сказал он. — Вот как мне пришлось увидеть тебя снова, Батма!..

Он стоял долго, точно забыл, что ему надо идти дальше.

Кансамах снова вышел во двор.

Инсур спросил его:

— Ты говоришь, с нею была девушка?

— Да, лет тридцати... Она уже ушла.

— Какая она была? — спросил Инсур с жадным любопытством.

— Чернобровая, красивая, только очень худая.

— Имени не знаешь?

— Нет. Она сказала только, что они идут издалека. Из Раджпутаны.

— Да, — сказал Инсур, — Раджпутана...

Он долго стоял в воротах.

— Куда она пошла? — спросил Инсур.

– На юг... далеко! – махнул рукой кансамах. – Я дал ей риса на дорогу. Инсур всё еще стоял в воротах, точно ему не хотелось уходить. Потом он подтянул свою сумку, потуже завязал ремешок у пояса.

– Уходишь? – спросил кансамах.

– Да, – сказал Инсур. – Прощай.

Он свернулся из ворот направо, к реке, и остановился.

– Ты дал ей риса на дорогу? – издали крикнул он кансамаху. – Да пошлет тебе судьба удачу в твоих делах, кансамах!..

И он пошел дальше на север.

Глава пятая

БОЛЬШОЙ КОЛЕСНЫЙ ПУТЬ

Труден и долог был путь Лелы.

Иногда, присев на камень у дороги, она пела:

Голубь, дай мне крыло,
полечу над водой!

Лебедь, дай мне перо, поплыву за волной. О, Сакра-Валка!..

Рыба, плавник мне дай, поплыву под водой. О, Чунда-Сакра!

Дай мне тысячу ног, многоножка,
поползу под землей. О, Сакра-Датта!..

Лела шла вдоль Большого Колесного Пути, тропкой для пешеходов, и навстречу ей, и мимо нее весь день шли люди, тащились телеги, скакали конные, с гулким топотом бежали слоны, позывая колокольцами под толстой шеей. Носильщики бегом проносили на длинных шестах носилки под ковровым навесом. Офицер-саиб скакал на коне, и слуги бежали рядом, не отставая от коня.

– Дорогу саибу!.. Капитану-саибу! – кричали слуги.

Завидев издали ковровые носилки саиба, Лела уходила подальше. «Не проси милостыни у саибов, они светлы лицом и темны сердцем», – помнила Лела слова кансамаха.

– Дорогу саибу!.. Могущественному саибу!..

Стоял май – знайное время года. Дожди еще не начались. Пыль клубилась над Большим Колесным Путем, огромным дымным облаком постоянно висела над дорогой.

Только в полдень приникала к земле пыль, затихали крики. Люди широким лагерем располагались по сторонам пути, отдыхали в тени повозок, спали. Когда жара спадала, шли и ехали дальше.

Не раз пряталась Лела за дерево или большой камень, завида издали старика в высокой факирской шапке. Не тот ли это старый страшный факир, который изуродовал ей лоб своим трезубцем?.. Навстречу шли факиры со змеями, с обезьянами, с медными шарами. Факир с цепью, факир с деревянным ящиком, факир без руки, – факира с трезубцем не было.

Мешочек с рисом скоро опустел. «У крестьянина проси, у рабочего, он сам беден, – подаст», – наказал Леле кансамах. Долгий жаркий день она брела без еды, потом, решившись, свернула с дороги в поле.

Крестьянская семья работала на вскопанном участке. Рабочий, согнув худую спину, осторожно выбирал руками сорные травинки с поля, чтобы ни один росток риса не пропал на его клочке земли. Две маленькие девочки, продев палку под дужку тяжелого

деревянного ведра, с трудом тащили воду, чтобы полить драгоценные всходы. Крестьянка-мать сидела, отдохшая, прислонившись к высокому колесу арбы.

Лела подошла и низко поклонилась крестьянке.

Женщина вынула из тряпок плоский ячменный хлеб, коричневый от примеси пережженной травы.

– Это всё, что у нас осталось, – она нерешительно смотрела на мужа.

Райот, худой, изможденный, с темным от усталости лицом, внимательно оглядел Лелу.

– У тебя нет дома, девушка? – строго спросил крестьянин.

– Нет. Моя мать умерла.

– Отец?

– Отец служит в полку у саибов.

Крестьянин повернулся к жене.

– Ее отец – сипай. Дай ей хлеба, – сказал крестьянин.

Женщина отломила добрую треть своего каравая и подала Леле.

Скоро Колесный Путь сравнялся с берегом реки. Лела шла дальше и дальше вперед, не зная, что отец ее давно бежал из Барракпур на север, в противоположную сторону, в глубь страны.

Баржи, лодки под темными треугольными парусами плыли вниз по Гангу, к Бенаресу. Лела брела берегом, у самой воды.

Всё чаще видела Лела крестьянские семьи, надолго расположившиеся у края дороги. Другие путники, дождавшись прохлады, снимались с места и шли дальше, – эти оставались. Им некуда было итти.

Дома у них больше не было хлеба. Две трети урожая забрали англичане, риса на посев не осталось, – райоты бросали родные деревни и уходили.

Их возвращали и заковывали в цепи. Саибы сажали крестьян в джелхану – тюрьму для тех, кто не внес налога. Их пытали, зажимали им пальцы в надколотый ствол бамбука, подвешивали на брусе, сыпали красный перец в ноздри. Райоты убегали и снова ложились у края дороги. Там, под жестоким индийским солнцем они лежали помногу дней, – худые, истощенные.

Как-то раз Лела села отдохнуть на берегу. Две женщины возились у лодочного причала.

– Куда идешь? – спросила Лелу одна из женщин.

– Моя мать умерла, я иду к отцу, – прошептала Лела.

Женщины посадили ее в лодку, и несколько дней Лела плыла по великой реке. Она отдохнула от жары под тростниковым лодочным навесом.

Ночью они плыли мимо города Бенареса, священного города индусов. Был праздник Девали – праздник света. Фонари качались на высоких и гибких бамбуковых шестах. Женщины на берегу пускали по воде зажженные светильники, вся широкая река светилась огнями. На ступеньках у воды молились люди. Лела видела темные фигуры вокруг огней. Люди молились Кали Тысячерукой – богине-мстительнице. Они призывали гнев Черной богини на головы саибов.

Лела надолго запомнила запах трупов. Слишком много людей умирало в Бенгале; на Ступеньках Сожжения, вдоль берега Ганга, трупы были навалены, как поленья. Их не успевали сжигать. Трупы плыли по воде.

– Голод! – сказали женщины. – Голод в стране!..

Лодка остановилась у чужого селения, Лела пошла дальше. Всё реже подавали ей хлеб. Райоты сами выходили из своих домов и протягивали руку. В Нижнем Бенгале голодали так же, как голодали в Верхнем.

Казалось, вся Индия бросила свои дома и вышла на дорогу: так много нищих было на Большом Колесном Пути.

Лела шла через деревни. Целые семьи умирали на порогах затихших домов. Лела видела ребра, обтянутые кожей, лихорадящие глаза, почерневшие веки... Крестьянские ребята бродили по лесу, жевали траву, листья, молодые побеги бамбука. Третий месяц без хлеба, все запасы вышли, крестьяне умирали.

Трупы плыли по реке, скоплялись в затонах, в изгибах и у островков огромной дельты Ганга, гнили под солнцем, отравляли воздух и воду. Ядовитые миазмы рождались в устье Ганга, и холера, страшная гостья, снова, как несколько лет назад, начинала шагать по полям Индии.

Страшный торг увидела Лела на площади у одного большого селения. Крестьянские женщины вывели на базар своих детей. Доведенные голодом до отчаяния, матери продавали их в неволю. Афганские купцы бродили меж рядов, присматривались, ощупывали детям худые руки, спины, недовольно цокали языками.

— Плохой товар!.. Совсем плохой товар!.. Они умрут в дороге!.. — сердились купцы.

Лела шла дальше. Никто больше не подавал ей хлеба. Она искала съедобных плодов в лесу, откапывала в земле клубни дикого ямса.⁶ Сил у нее становилось всё меньше, она едва тащилась. «Дойду ли?» — думала девочка.

В одной деревне она долго искала ночлега. Дома были тихи, прорезы окон забиты. В одном доме, на самом краю деревни, Лела услышала слабый стон, какое-то движение...

Она перешагнула порог.

Очаг был пуст, на глиняном полу валялись черепки, обломки. Людей в доме не было. Две маленькие зеленые обезьянки возились в углу, над очагом. Повиснув на медных прутьях, обезьянки кидали друг в друга пучками соломы. Они были злы, как люди: им тоже нечего было есть. Все плоды, все корни, всю съедобную кору в лесу давно ободрали люди. Одна, сердито заворчав, швырнула в Лелу глиняным черепком. Кругом был мусор, запустенье, смерть. Здесь нечего было делать. Лела хотела уйти. Снова слабый стон донесся до нее, едва слышный голос... Ворох соломы в углу зашевелился, голова ребенка поднялась из него.

Потухшие глаза глядели на Лелу, глаза мертвеца, глубоко запавшие на темном личике ребенка. Голова качнулась на слабой шейке и снова опустилась, — у ребенка не было сил. Лела подошла. Это был маленький мальчик, лет шести или семи. Лела подняла мальчика, — связка сухих костей, он был легче кролика.

Лела уложила ребенка на скамью.

— Кто ты, сестричка? — спросил мальчик.

Больше он ничего не мог сказать. Лела растерла в пальцах немного мягкой съедобной коры, попыталась накормить его. Мальчик с усилием проглотил щепотку и сразу отдал обратно. Он уже не мог есть.

Лела нашла воду в глиняном ведерке, смочила ребенку губы. Полежав, он начал

⁶ Ямс — растение с мучнистыми клубнями, которые употребляются в пищу.

говорить, торопясь, едва слышным, слабым голосом.

Они все умерли с голоду, все, кто был с ним в хижине... Мать, старший брат, две младшие сестренки, отец... Он плакал первое время, когда остался один, потом замолчал. Он лежал в углу на соломе и смотрел в прорез окна. Сколько дней прошло так, – он не знает. Змеи шуршали в соломе, но змеи не трогали его, так тихо он лежал. Теперь ему недолго осталось ждать, – он умрет, как умерли его сестры, его отец и брат...

– Нет, нет! – сказала Лела. Сердце у нее болезненно сжалось.

Она подмела пол в хижине, убрала черепки, прогнала обезьянок. Отощавшие, злые, они могли обидеть ребенка. Потом снова взяла мальчика на руки, усадила его на порог. Она принесла ему свежей травы, цветов.

Мальчик слабо улыбнулся ей, перебрал травинки тоненькими пальцами.

– Иди, сестричка! – сказал мальчик. – Иди, куда идешь.

– Я возьму тебя с собой! – с жаром сказала Лела. Слезы подступили ей к сердцу. – Я возьму тебя с собой, мы пойдем вместе... Мы достанем хлеба.

Мальчик слабо качнул головой.

– Я не могу итти, – сказал мальчик.

– Я понесу тебя на руках!

– Нет! – Мальчик качал головой. – Иди, сестричка! – сказал он. – Одна ты дойдешь как-нибудь... А я уж останусь здесь.

Он был прав. Ничто не могло уже спасти мальчика, – даже если бы она достала для него хлеба.

– Ты боса, сестричка? Возьми сандалии моего брата, вон там, под скамьей... Так тебе легче будет итти.

Ребенок приник головой к бамбуковому косяку двери и замолчал. Леле показалось, что он дремлет. Но когда, час спустя, она окликнула его, мальчик не пошевелился. Он так и умер с открытыми глазами.

Лела простилась с ним и пошла дальше.

С каждым днем итти становилось всё тяжелее. Всё чаще садилась девочка на землю и сидела подолгу, смотрела на берег, на великую реку. Она уже не всегда понимала, куда она идет и зачем.

Сайбы проезжали мимо, в легких двуколках, на арабских скакунах. Они ни на кого не глядели, у них были недобрые, надменные лица, точно вся эта страна, и не только земля, но и воздух и небо над нею принадлежали им. Точно вся Индия, всё золото Индии, и земля, и люди, и шелк, и рис, и жемчуг, – всё принадлежало им.

«Весь мир принадлежит нам! – словно говорили эти надменные лица. – А вы – грязные индусы, рабы!.. Ваше дело – носить нас на носилках, нянчить наших детей, сажать для нас рис, растить хлопок, копать землю, погонять верблюдов, петь, просить милостыню и подыхать с голоду...»

Лела нашла на дороге брошенный кем-то недоеденный початок кукурузы и съела его весь, с зернами и со стержнем. Она научилась отличать съедобных муравьев от ядовитых, подбирала их в ладонь и ела. На сердце у нее было тяжело, ее мучило от голода, ноги дрожали.

Так она брела еще день, еще два... Как во сне, шла она мимо большого пруда, зеленой ограды какого-то сада. Лела не знала, что это уже окрестности Калькутты.

У зеленой ограды она остановилась. Сад был прекрасен: прозрачный бассейн, цветы, зеленая листва платанов. Большой белый дом прятался в тени деревьев. На

скамье у ограды сидел мальчик, — нарядный, в белой куртке с атласным синим воротником. Но то, что мальчик держал в руках, было прекраснее и сада, и цветов, и фонтанов. Лела впилась глазами в руку мальчика. Он ел сандвич: большой кусок холодного мяса между двумя пухлыми ломтями хлеба.

— Дай! — сказала Лела. Она забыла наставление кансамаха.

Мальчик обернулся и вскрикнул от испуга. Он увидел глаза Лелы.

— Бери! — сказал мальчик. Он отдал ей и хлеб и мясо. Потом побежал в дом и вынес большой кусок пирога.

— Еще! — сказала Лела. — Я очень голодна.

Мальчик кивнул головой.

— Индусы всегда голодны, — сказал мальчик. Он принес ей еще пирога.

— Теперь уснуть, — сказала Лела.

В саду за оградой была тень. Лела перелезла через ограду, легла в тени и тотчас уснула.

Мальчик побежал в дом.

— Мама, у нас в саду лежит девочка, — сказал мальчик. — Большая, красивая, только очень худая. Нельзя ли оставить ее у нас?

Миссис Пембертон вышла в сад.

— Ты так добр, Фредди, ты всех жалеешь! — сказала миссис Пембертон.

Она разбудила и внимательно осмотрела девочку.

Живописные лохмотья вместо платья, пышные косы, белое сари, упавшее на смуглый правильный лоб...

— Красивая девочка! — сказала миссис Пембертон.

Лела поняла все, что ей сказала мэм-саиб, и очень толково ответила. Ее взяли в дом, помощницей к няньке младшего ребенка.

Грудная Бетси целый день спала в люльке, под белой кисеей. Лела подавала теплую воду для купанья Бетси, освежала глиняный пол ароматной эссенцией, дергала шнур большого веера, укрепленного над люлькой, когда нянька и кормилица засыпали.

Лела была ловка, смышлена. Скоро ей надели кружевной передник и приставили к парадным комнатам.

Хозяин, мистер Пембертон, был высокий носатый человек с громовым голосом и тяжелой походкой. Весь день, топота, он ходил взад и вперед по кабинету и громко диктовал писцам деловые письма.

— Рис, рис, рис, — слышала Лела. — Пятьсот мешков риса в Бристоль, две тысячи в Копенгаген.

Мистер Пембертон торговал рисом, бенгальским рисом, лучшим в мире. Суда, груженные индийским рисом, отходили во все европейские порты.

— Сто тысяч центнеров продано в прошлом году, — слышала Лела, — сто двадцать пять тысяч в нынешнем...

Половину Бенгала можно было бы накормить тем рисом, который вывозил хозяин.

Вокруг дома ходили голодные люди, у ограды останавливались нищие. Они просили хлеба. Хозяйка была добра, она подавала нищим. Хозяин качал головой.

— Индусы всегда голодны, — говорил хозяин.

Скоро хозяйскому мальчику привезли в подарок куклу из Бомбея. Увидев куклу, Лела побледнела: тот самый старик! Кукла-факир, искусно сшитая из шелковых тряпок. Высокая шапка, крючковатый нос, пестрые лохмотья... Когда куклу дергали за

шнурок, факир поднимал руку.

Фредди был счастлив. Лела две ночи не спала. Страшный старик с поднятой рукой стоял у нее перед глазами. Она встала ночью, пробралась в детскую, взяла куклу и унесла ее в сад. Здесь она спряталась в дальний угол, оторвала кукле-факиру руки, ноги, голову и закопала в разных местах. Ее поймали в саду и привели к хозяину.

Фредди катался по полу и орал:

— Моя кукла!.. Моя кукла!.. — Все слуги собирались в хозяйские комнаты. Хозяйка громко негодовала. Хозяин вышел в столовую в халате. Он брезгливо морщился: Лела украла куклу молодого саиба!.. Она посягнула на вещь, принадлежащую британскому подданному...

В то же утро Лелу свели в тюрьму.

Глава шестая

ДЖЕЛХАНА

Весь первый день Лела просидела в углу тюремного двора, на раскаленных от солнца каменных плитах, у стены, прикрывшись платком, не смея глядеть на то, что происходит вокруг.

«Джелхана!.. Неволя!.. — думала Лела, глотая слезы. — Теперь меня никогда не отпустят к отцу».

Она слышала стоны, шорох; кто-то проходил мимо, кто-то толкнул ее и прошептал оскорбительное слово. Лела не шевельнулась.

— Сними с меня сари! — услышала она подле себя чей-то голос.

Рядом с нею, у стены скорчились две женских фигуры под белыми платками. Одна из женщин громко стонала.

Лела сдернула платок с лица соседки.

Она увидела сидящую на корточках растрепанную молодую женщину со сведенными к груди руками. Кисти рук у женщины были зажаты двумя деревянными дощечками и крепко обвиты веревкой. Забитые в дощечки гвозди проходили насквозь через суставы. Из распухших пальцев сочилась темная кровь.

— Что это? — испуганно спросила Лела.

— Колодки, — ответила женщина.

Вторая женщина, повидимому мать первой, тоже зашевелилась.

— Посмотри!

Она показала Леле свои руки: почерневшие суставы, обнаженное до костей гниющее мясо.

— С меня только вчера сняли колодки! — сказала женщина.

— За что их надели на тебя? — спросила Лела.

— За то, что мы ткали шерсть. Мы родом из Бихара, а у нас в селениях ткут такую тонкую шерсть, какую не умеют ткать саибы.

— Саибы не позволяют нам ткать шерсть на наших станках, — сказала вторая ткачиха. — Нас будут судить. Если судья добрый, — велит отрубить пальцы на одной руке. А если злой, — отрубит на обеих. Судья ведь тоже саиб.

Ужас охватил Лелу, она не знала, что сказать.

Тут раздались голоса. Вошли двое людей. Женщины замолчали.

Один из вошедших, рослый афганец в зеленой чалме, в больших серыгах, оглядел двор. Все притихли.

— Вот этого! — указал ему низенький саиб в белом пробковом шлеме, с недобрым

бритым лицом. Он указал на скорчившегося у стены пожилого индуса в белом поварском колпаке, в полосатой тряпке вокруг бедер.

Это был баберчи – повар.

Афганец вытащил индуса на середину двора.

Повар побелел и затрясся.

– Бедный Рунбар! – сказала старшая ткачиха.

Два тюремщика подошли на помощь к афганцу. Все трое потащили индуса куда-то за глиняную ограду, в угол двора.

Маленький саиб бегал и распоряжался.

– Кирпичи! – приказывал маленький саиб.

Один из тюремщиков пробежал по двору с раскаленными кирпичами.

– О-о!.. – Ужасный вой понесся из-за ограды.

– Я посажу тебе мехтара, нечистого, на живот! – резким голосом кричал маленький саиб.

По двору, подталкивая, провели мальчишку в коричневой повязке, с короткой метелкой за поясом. Это был мехтар, метельщик улиц.

– Ай-ай!.. Какое бесчестие! – закричали женщины. – Метельщик улиц коснется его тела!.. Бедный повар, он потеряет свою касту...

– Где пояс Гордон-саиба? – кричал за оградой маленький саиб.

Повар только стонал в ответ.

– У его хозяина, Гордон-саиба, пропал шелковый пояс, – объяснила младшая ткачиха. – Второй день мучают бедного Рунбара, хотят дознаться, не он ли взял пояс.

– Мешки! – приказал саиб афганцу.

Афганец пронес по двору два длинных мешка, скрепленных вместе и похожих на гигантские кожаные шаровары. Что-то живое билось в мешках, ворочалось и визжало.

– Крысы! – расширив глаза, сказала Леле младшая ткачиха.

– О-о!.. О-о!.. – Снова ужасный вой послышался за оградой. Мешки, набитые голодными крысами, натянули старику на ноги.

– Отпустите! – вопил повар.

– Где пояс Гордон-саиба?..

– Не знаю, клянусь, не знаю!.. – хрипел индус.

Мешки ходили, как живые. Крысы, с визгом облепив ноги бедного повара, терзали его тело.

Скоро стоны за оградой затихли. Повара протащили за ноги через весь двор. Он потерял сознание.

Маленький саиб обошел заключенных. Люди стояли под солнцем долгие часы без пищи. У одного руки были скручены веревкой за спиной и к рукам подвешена тяжелая гиря. У другого веревка стягивала всё тело, крепко прихватывая левую ногу. Он стоял на правой ноте, согнувшись, с кладью кирпичей на пояснице. На обнаженной спине у него запеклись раны от солнечных ожогов. Третий, самый крайний, висел, привязанный за руки к поперечному брусу. Свесив голову набок, он часто-часто дышал и изредка дергался, словно в судороге.

– Третий день им не дают воды, – сказала старшая ткачиха. – Это крестьяне, не заплатившие налога.

Маленький саиб обошел всех. Он велел посыпать солью спины самым упорным и ушел.

«Скоро придут и за мной», – думала Лела. Она ждала до вечера. Но солнце зашло, и

никто о ней не вспомнил.

— Сиди тихо, девушка! — сказала ей ткачиха. Может быть, маленький саиб не так скоро вспомнит о тебе.

Лела быстро изучила свою тюрьму. Скоро она знала все ее закоулки, места пыток, подвалы и глубокую нишу за решеткой, в толстой стене, где лежали больные.

Один заключенный с первых дней привлек ее внимание. Он сидел в углу двора один, отделенный от всех невысокой глиняной оградой; сидел на корточках, равномерно покачиваясь взад и вперед, и тихо тянул одну и ту же ноту, не то мычал, не то пел без слов, точно немой. На лбу у него, из-под белой тряпки, которой была повязана голова, виднелись три поперечные черные стрелы.

«Неприкасаемый!» — поняла Лела.

Никто не подходил к заключенному. Метельщики улиц — мехтары низкой касты, — кожевники-чамары, пахнущие кожей убитых животных и потому тоже нечистые, даже люди касты «пасси» — чистильщики выгребных ям, — и те не смели коснуться его. Он был пария — человек самой низшей из всех каст Индии. Он не имел права напиться воды из общего арыка. Сторожа далеко обходили его, чтобы невзначай не коснуться краем одежды. Коснувшись парии, человек тотчас становился таким же парией. Хлеб ему кидали издали.

Даже дыхание парии считалось нечистым.

Пария казался немым. Он сидел молча, равномерно качаясь взад и вперед.

Лела внимательно присматривалась к немому. Что-то в его лице показалось ей знакомо. Где она видела этого человека? Слегка тронутые осью худые щеки и взгляд серых глаз, быстрый взгляд, которым заключенный как-то раз неожиданно зорко обвел тюремный двор!..

Глядел ли он на нее? Нет, не глядел. И всё же Лела чувствовала, что он всё видит и всё замечает.

Девочка плохо спала по ночам: всё увиденное за день терзало ее воображение ночью. Как-то раз, устав лежать без сна на холодных каменных плитах, Лела встала и пошла вдоль стены. Она явственно услышала голоса за глиняной оградой неприкасаемого. Лела тихонько заглянула за ограду.

Человек пятнадцать сидели вокруг парии, тесно сгрудившись на небольшом пространстве. Все слушали неприкасаемого.

— Ворон принес мне вести с воли, — глухо говорил пария, и Лела вздрогнула, услышав его голос. — ... Узники, будьте готовы... Скоро раскроются тюрьмы!

Этот чуть хриплый, точно слегка простуженный голос! Лела прикрыла глаза, воспоминание ослепило ее... Высокие черные ели, колокол на перекладине, хижина в горах и молодой путник, принесший ее матери вести из Барракпурा.

«Чандра-Синг!» — едва не вскрикнула Лела.

— Власти саибов приходит конец... Коршуны кричат о том в небе, вороны каркают на кладбищах. Вся Индия поднимается, чтобы навсегда прогнать демона-притеснителя со своих полей.

— Слушайте, слушайте! — Все сдвинулись тесным кругом, люди боялись шелохнуться, боялись проронить слово.

— Мечи махрантов уже поднялись. Поднимаются копья раджпутов, полумесяц мусульман!.. За рекою Сатледж раскрываются тюрьмы... Двадцать тысяч заключенных по единому слову возьмутся за оружие. Ждите знака, узники!.. Теперь уже скоро!..

– Скоро, скоро! – нестройные голоса подхватили слова Чандра-Синга.

– Скоро мы погоним злого демона из наших городов и деревень!..

Лела не слушала больше. Она тихонько ушла к себе. Утром снова подошла к глиняной ограде парии. Чандра-Синг качался взад и вперед, сидя на скрещенных ногах, глаза его были полузакрыты.

– Чандра-Синг! – тихонько позвала Лела.

Неприкасаемый вздрогнул, но век не поднял...

– Чандра-Синг, ты помнишь Батму-Севани? – спросила Лела.

Неприкасаемый открыл глаза.

– Я ее дочь, – сказала Лела.

– Где Батма? – быстро спросил Чандра-Синг.

– Умерла. Я пришла сюда издалека, Большим Колесным Путем. Я ищу отца.

– Твой отец уже ушел отсюда.

– Где он? – спросила Лела.

– До Дели далек путь, – загадочно ответил ей Чандра старой пословицей индусов.

– Как мне найти его, Чандра-Синг?

– Я скоро буду там, где он.

– Возьми меня с собой, Чандра!

Чандра-Синг помолчал.

– Ты слыхала, о чем я говорил с людьми ночью? – спросил Чандра-Синг.

– Слыхала, – ответила Лела.

– Что ты мне скажешь в ответ?

Лела вынула из-под женского платка небольшой изогнутый кинжал – подарок матери.

– Мне еще немного лет, Чандра, – сказала Лела. – Но руки у меня сильные и удар верный.

Чандра-Синг взгляделся в ее упрямое лицо, в потемневшие от внутреннего жара глаза.

– Да, – сказал Чандра-Синг. – Ты – дочь нашего Панди.

Тяжелые шаги послышались позади них.

– Спрячь кинжал! – быстро сказал Чандра-Синг.

Лела оглянулась.

Два тюремщика несли по двору кадку с водой.

Лела тотчас сунула обратно свой кинжал. От ее торопливого движения белый платок соскользнул на плечи, обнажив лоб и волосы.

– О-о! – вдруг сказал Чандра-Синг и замолчал, точно ему что-то перехватило дыхание. Он увидел белый трехконечный знак на лбу Лелы.

Краска прилила к смуглым щекам девушки.

Лела сказала:

– Да, я низкорожденная.

Она натянула до самых глаз узорную кайму платка.

– Кто видит этот знак, гонит меня прочь, – покорно сказала Лела. – И ты... – она не договорила.

– Никто не гонит тебя, девушка! – торопливо сказал Чандра-Синг. – Нет, нет!.. Ты – дочь моего друга.

И он улыбнулся ей неожиданной добродушной улыбкой.

– Не бойся ничего, Лела. Я уведу тебя отсюда.

С того дня Лела стала более спокойна. Пембертоны, должно быть, забыли о ней. Маленький саиб, проходя по двору джелханы, даже не глядел в ее сторону. Чандра-Синг обещал ей избавление от тюрьмы. Лела снова вспомнила свои песни.

По вечерам, усевшись у стены, на остывающих от дневного жара каменных плитах, она тихонько пела:

Белым сари прикрою лоб,
Белым сари закутаю плечи.
Труден мой путь, долог мой путь,
Далек мой путь до Дели.

Глава седьмая

ГЛАВНЫЙ ПАНДИ

Полковник Гаррис был встревожен. Он застал у себя в солдатских линиях незнакомого человека. Все замолчали, когда Гаррис вошел в помещение артиллеристов. Он увидел замешательство на лицах. Чужой стоял вполоборота и не повернулся к полковнику. Он был грязен, хмур и не отвечал на вопросы. Гаррис велел задержать бродягу.

Полковник шел к себе большими шагами, через всю военную станцию. Только что зашло солнце; земля, накалившаяся за день, жгла ему ступни сквозь тонкие подошвы сандалий.

Крытый водоем, за ним бамбуковая роща и круглые каменные строения, где хранится оружие солдат, отдельно от жилых помещений. А там, дальше, широкая платановая аллея, нарядные офицерские дома по обеим ее сторонам. Полковник шагал не глядя, ему давно надоели и эта аллея, и роща, и дома.

«Что означал этот неожиданный визит? Нехватало еще неприятностей у себя в полку».

Гаррис был в дурном расположении духа. Не вовремя он затеял забирать свою dochь Дженнин из спокойного пансиона в Лондоне и переправлять ее в Индию.

Капитан Генри Бедфорд, старый друг полковника по индийской службе, обещал, возвращаясь из Англии после отпуска, взять Дженнин с собой. Как теперь предупредить Генри? Писать уже поздно, письмо в Лондон идет три месяца. А Генри собирался отплыть в середине марта.

Везти сейчас с собой в Центральную Индию, в это пекло, двенадцатилетнюю девочку – какое безумие!.. Нет, Индия в настоящий момент не место для женщин и детей. Мы не знаем, что с нами самими будет завтра.

Гаррис на ходу нервно закурил сигару. Он снова возвращался мыслями к недавним тревожным событиям...

Всё началось с Барракпуря. Точно вспышка молнии при ясном небе! Два полка на ученье вдруг отказались принять вновь розданные патроны. Кто-то сказал сипаям, что бумага, в которую завернуты патроны, смазана запрещенным жиром, – не то свиным, не то коровьим.

– Жир священной коровы! – кричали индусы. – Мы не можем его коснуться. Отцы и деды повелели нам почитать корову и не убивать ее ни для жира, ни для мяса... Коснувшись патрона, мы потеряем касту!..

– Сало поганой свиньи! – волновались мусульмане. – Коран запретил мусульманину осквернять себя прикосновением к нечистому животному... Мы не

изменим вере отцов и дедов!

Дело обернулось серьезнее, чем можно было ожидать: туземный солдат Панди стрелял в британского офицера.

Два туземных полка пришлось расформировать. И теперь разоруженные сипаи разбрелись по всей стране, мутят народ на военных станциях...

Ружейный ствол блеснул среди перистой листвы. У крытого водоема – каменная будка и часовой.

– Всё ли спокойно на посту?

– Всё спокойно, полковник-саиб.

«Спокойно»? А третьего дня лейтенант Франк принес ему хлебец с таинственным узором, обнаруженный в третьей роте. Эти хлебцы путешествуют из полка в полк, из деревни в деревню. Что она значит, эта условная весть? Если спросить Лалл-Синга, своего наика, туземного капрала, он улыбнется, как дитя, и скажет, что никогда в жизней не видел никаких хлебцев с узором, ни отец его, ни дед и что Гаррис-саибу, должно быть, почудилось или дьявол нашептал, – будь его нечистое имя трижды проклято среди людей!

– С благословения божьего, Гаррис-саиб, с благословения божьего, у меня в роте всё спокойно!

«Всё спокойно»? А на соседней станции вот уже две ночи подряд горят офицерские дома. По всему Верхнему Бенгалу офицеры второй месяц спят с пистолетами под подушкой. Туземные линии⁷ по ночам гудят, как растревоженные ульи...

Полковник швырнул сигару. Дома, в Англии, еще ничего не знают: письма в Лондон идут слишком долго. И Бедфорд с Дженнингсом, быть может, уже плывут в Индию.

Луна взошла. Она осветила круглое каменное здание, полуприкрытое большими лапчатыми листьями банановых деревьев. Склад оружия, и туземная стража у склада.

Кто дежурный? В свете луны полковник разглядел круглое веселое лицо Лалл-Синга, своего туземного капрала.

– Всё спокойно на посту?

– Всё спокойно, полковник-саиб!

«Всё спокойно» и эта улыбка, за которую полковнику хочется ударить Лалл-Синга в челюсть.

– Доброй ночи, Лалл-Синг!..

– Доброй ночи, полковник-саиб!..

Полковник вышел на главную аллею. Справа, за деревьями, светились большие окна офицерского собрания. Там молодые офицеры, ошалевшие от дневной жары, пьют ром, пальмовую водку, играют в карты. Духота, скука!.. Сегодня в собрании ждут новостей: обещал приехать Ходсон. У Вильяма Ходсона всегда есть какие-нибудь особенные новости.

Но полковник свернулся к своему дому. В собрание – потом. Сперва надо допросить бродягу, пойманного сегодня. Полковник велел джемадару – туземному лейтенанту – привести человека к нему в бенгало.

Вестовой принес светильник и поставил на стол. Вскользнулась тростниковая занавеска веранды, мошкара тучами зарила вокруг света.

Полковник сбросил китель – жарко. Сел в плетеное кресло-качалку и,

⁷ Линия – улица на военной станции; в линиях располагаются Индийские войска, по тростниковым хижинам. Солдаты-европейцы живут в казармах.

оттолкнувшись ногой, слегка раскачал кресло.

– Вести! – приказал полковник.

Индуса ввели. Стража встала по бокам двери.

– Имя!

Человек невнятно пробормотал что-то, не разжимая губ. Он смотрел куда-то вбок с бесстрастным, тупым выражением.

– Откуда идешь?

Опять невнятное бормотание и тупой, непонимающий взгляд.

Чалма у человека была завязана, как у мусульманина, узлом с правой стороны, но из-под мусульманской чалмы виднелись длинные волосы индуза.

– Мусульманин? – спросил полковник.

Человек отрицательно мотнул головой.

– Индуист?

Опять неясное бормотание.

– Патан? Перс? – полковник терял терпение.

– Нет.

– Кто же? Говори! – крикнул полковник.

– Земледелец с гор, – равнодушно сказал человек. Он указал рукой куда-то на север.

Услышав этот голос, глухой, невнятный, полковник насторожился. Человек говорил на языке урду, – на этом языке говорят по всей Верхней Индии. Но что-то в его произношении было необычно, – Гаррис не мог уловить, что именно.

Он внимательно взгляделся в индуза.

Тот осторожно перевел взгляд, и на секунду они встретились глазами, – индус и полковник, – точно померились силами. Дерзкая усмешка блеснула в глазах индуза, он отвел глаза.

«Опасный дьявол!» – подумал полковник.

– Откуда идешь? – еще раз резко спросил Гаррис.

– Издалека! – Всё тот же неопределенный кивок куда-то на север.

– Пенджаб?

Человек неохотно мотнул головой:

– Да. Панчанада.

И снова полковник насторожился.

Человек сказал не «Пенджаб», как говорят персы и коренные жители Пятиречья, а «Панчанада», то есть «Страна Пяти Рек». Так называют Пятиречье индузы северо-западной Индии, живущие по соседству с Пенджабом.

«Раджпутана!..» – подумал полковник.

В том, как индус стоял, вытянувшись, у косяка двери, полковник узнавал привычную манеру солдата. Высок, статен, широк в плечах, – таких крестьян набирали в Синде, в Раджпутане, по всей Верхней Индии. Они обычно дюйма на два выше ростом, чем солдаты-европейцы, ловки на ученье, выносливы в походе и очень хороши на парадах.

А эта непонятная смесь одежды: чалма, крестьянская патка, безрукавка и грязные лохмотья на бедрах!.. Гаррис готов был бы поклясться, что это – потерявшие цвет и форму обрывки солдатских панталон.

– Обыскать! – сказал полковник.

Голая волосатая грудь под безрукавкой, жалкая крестьянская сумка за плечами.

– Ничего! – сказал джемадар.
Человек улыбался, смотря в сторону.
И вдруг Гаррис остановил раскачавшееся кресло.
– Дай мне сумку! – сказал он.
Сумка была пуста, несколько сухих хлебных крошек на дне, и ничего больше. Но полковник выдернул перевязывавшую ее полоску кожи и поднял над головой.
– Сипай! Беглый сипай!
Полоска кожи была ремешком от солдатского подсумка.
На какую-то долю секунды лицо человека изменилось: стало опасливым, настороженным. И опять это притворно-тупое выражение.
– Какого полка? – кричал полковник.
Человек молчал.
– Я тебя повешу, мерзавца! Зачем ты пришел ко мне в линии?
– Земляков повидать.
Незнакомец смотрел теперь прямо в лицо полковнику и, не скрываясь, широко, откровенно улыбался, показывая странно укороченные, точно стертые железом передние зубы.
Полковник Гаррис соскочил со своего кресла.
«Зубы!..» – Какое-то неясное воспоминание шевельнулось в сознании Гарриса. Где это он слышал недавно: «зубы, перетертые веревкой»?.. Но мысль так и ускользнула, не успев стать ясной ему самому.
Гаррис махнул рукой джемадару.
– Уведи...
– Слушаю, полковник-саиб!
– Двойную стражу, – сказал полковник. – Отвечаешь ты!
– Слушаю, полковник-саиб!
Еще не поздно было идти в дом офицерского собрания. Полковник натянул свежий китель. «Завтра допрошу еще раз», – решил он.
Ходсон уже был в большой гостиной собрания.
Его знали во всем Пенджабе, от Пешавара до Лагора. Длинный, худой, узкоплечий, «тощий саиб», как называли его индузы, офицер Ост-Индской компании Ходсон исходил на своем быстроходном верблюде все дороги Верхней Индии.
– Верблюд мой крив, зато я хорошо вижу на оба глаза, – говорил Ходсон.
Он всегда привозил самые свежие новости.
Перед Ходсоном поставили стакан крепкой пальмовой водки, офицеры бросили карты, все слушали гостя.
– Не явный враг страшен, а тайный! – говорил Ходсон, неторопливо оглядывая собеседников зоркими светлыми глазами. – Знаете ли вы, джентльмены, что в Индии с начала этого года уже идет война? Война тайная, творимая сотнями невидимых рук. Кто видел хлебец, который переносят из селения в селение? Он путешествует с непонятной быстротой. Сегодня знают шесть деревень, завтра – сто. Мои люди пробовали крошить эти хлебцы, резать их на куски, размешивать в воде, – ничего. Мы не смогли разгадать их язык.
– Уж если вы не смогли, дорогой Ходсон, значит, никто не сможет!..
Гаррис развел руками.
– Да. Если не я, значит никто, – снисходительно подтвердил Ходсон. – Я расставил моих людей по базарам, молельням, по баням и торговым местам. Я нашел одного

факира в Нуэирабаде. Замечательный факир! Старик не мылся с самого рождения – лет шестьдесят – и не стриг волос и ногтей на руках и ногах. Он спал на досках, утыканных острыми гвоздями, и в праздники подвешивался на несколько часов к столбу над жаровней с пылающими углями. Народ ходил смотреть на него и дивился его святости. За десять рупий старик принес мне целую груду перехваченных писем. Но я не смог прочесть ни одного. Непонятный восточный шифр, таинственные намеки, иносказания. «Закрытые глаза Вишну... Языки пламени над жертвенной чашей... Тысячерукая Кали, богиня мести...» Сам сатана сломит ногу в этой индийской чертовщине!..

Ходсон потянулся к водке, глотнул.

– Я поймал несколько душителей детей, сжигателей вдов. Но это всё пустяки. Старая Индия. Опасность в другом, джентльмены. Новая Индия страшна – та, которая идет на смену старой. Не изуверства фанатиков бояться надо нам в этой стране, а восстания народного.

Что-то похожее на легкий озноб прошло по спине Гарриса. Он отставил от себя стакан с ромом.

– Война уже идет. Уже льется кровь, – продолжал Ходсон. – Тайный сговор среди крестьян, условные знаки идут от деревни к деревне, сипай шепчут непонятные слова, назначают сроки... О, этот тайный сговор, эта круговая порука, которой связаны все, кто идет против нас! О нем и представления не имеют в Европе... Надо разбить этот сговор!

– Попробуйте! – предложил Гаррис.

– Мусульман натравить на индусов. Пускай дерутся между собой, – усмехнулся лейтенант Франк.

– Старый способ, – спокойно сказал Ходсон. – Но он не всегда действителен. Борясь с нами, они стараются действовать сообща, мусульмане и индусы. «Бхай банд» называется это у них, – «братья одного дыхания»...

Маленькой нервной рукой Ходсон начертил на столе круг и замкнул его крепким решительным движением:

– Бхай банд!.. Брат за брата!.. Круговая порука!.. На пытку идут, на казнь, а друг друга не выдают. Да вот, вспомните хоть эту историю в Барракпуре. Один сипай стрелял, другой покрывал, а третий весь полк призывал к неповиновению. И все трое назывались одним именем: Панди. Один – Мунгал-Панди, второй – Инсур-Панди, а третий – Баджонат-Панди. Поди разбери, кто главный зчинщик. В каждом полку не меньше десятка Панди, как у нас Джонсонов или Джэксонов. Панди – родовое индусское имя. Да вот странно: взяли троих Панди, а повесили только двоих. Третий исчез неизвестно куда. Произошла какая-то индурская путаница: кажется, казнили какого-то другого Панди, не того, кого надо было, или кто-то за него добровольно пошел на казнь, – разобрать невозможно. Известно только, что этот третий Панди бежал, и может быть, он и был главный смутьян. Он зубами перетер веревку – да, да, представьте себе, претвердую веревку из пальмовых волокон! – и бежал. И теперь ходит по деревням, по военным станциям, мутит райотов, солдат... Говорят, его только дней пять назад видели в Мируте. Каналью легко узнать по зубам, зубы у него...

– Зубы!

Легкий плетеный стул полетел в угол. Полковник Гаррис вдруг стремительно сорвался с места и побежал к двери.

— Что случилось, полковник?

Гаррис не отвечал.

— Это он!.. Панди!.. Главный Панди! — бормотал полковник, сбегая со ступенек террасы.

Задыхаясь, он бежал к солдатским линиям. Сержант-англичанин выскочил к нему навстречу.

— Джонсон!..

— Да, сэр!..

— Скорее, Джонсон!.. Ведите ко мне этого бродягу!

— С вашего позволения, сэр... Я хотел доложить сэр...

Испуганный сержант едва шевелил губами.

— Потом доложите. Ведите мерзавца сюда...

— Он убежал, сэр!..

— Убежал?! — Кровь бросилась полковнику в лицо. Он схватился за пистолет. — Как он смог?.. А стража?.. Джемадара сюда!.. Застрелю джемадара!..

— Вся туземная стража убежала вместе с ним, сэр.

— И стража? Будь я проклят!.. — Гаррис расстегнул ворот кителя: он задыхался от ярости.

— Усильте посты! — приказал он. — И пригласите ко мне капитана Ходсона.

Глава восьмая

КРАСНЫЙ ЛОТОС

— Дорогу сайбу!.. Могущественному сайбу!..

Деревня открылась сразу, как это бывает в Индии, заросли бамбука незаметно сменились бамбуковыми кольями, натыканными в землю вокруг загородок для скота. Крытые потемневшей соломой дома обступили лесную поляну.

— Дорогу сайбу!.. Могущественному сайбу!.. — Слуга бежал впереди, вровень с конем.

Ходсон привстал на своей одноколке.

— Саиб, саиб! — Ребятишки убегали прочь, увидев офицерскую упряжку.

Смуглый англо-индус в белом парусиновом костюме вышел Ходсону навстречу. Это был мистер Форстер, английский коллекtor. Он только недавно обосновался здесь, в глухой деревне Доаба.

Ходсон велел сбрать крестьян у круглого пруда, на деревенской площади.

В двух словах он объяснил коллектору, в чем дело. Нужно строить новый форт. Постройка форта требует камня, а камень надо возить издалека. Нужны люди, и не только люди, — буйволы и повозки.

Ходсон вышел на площадь, к пруду.

Райоты уже собирались. Они стояли неподвижно, понурив головы, как всегда.

— Мне нужно сорок человек, — коротко сказал Ходсон. — Молодых, — не старше тридцати. С повозками и с буйволами, — по паре на каждого.

Крестьяне топтались на лугу. Они молчали, но какое-то новое выражение заметил Ходсон на их лицах.

— Доставить сегодня же, — сказал Ходсон. — Не позже вечера.

Райоты расступились, пропуская кого-то.

Старик Рунават, хранитель воды,⁸ вышел вперед. Старик уперся палкой в землю, — сухую, потрескавшуюся от горячего ветра, от долгих дней без дождя.

— Зной сковал нашу землю, — сказал старик, — как в твоей холодной стране, саиб, говорят люди, сковывает землю мороз. Твердым камнем стала наша земля от жестокого солнца. Ни плуг, ни мотыга не берут ее. Но скоро начнутся дожди. Небеса пошлют нам воду, смягчится земля, настанет время разбивать ее железом и сеять рис. Ты забираешь у нас людей, саиб, кто же засеет наши поля?

— Женщины остаются, — коротко сказал Ходсон. — Женщины и дети постарше.

Глаза старика печально замигали, его сухое лицо еще больше сморщилось.

— Да, саиб, — сказал старик. — Женщины впряженут вместо буйволов в плуги. Дети на себе повезут воду на наши поля, полют и пересадят всходы риса... Да, саиб!

Он оборотил ко всем собравшимся свое лицо, строгое и болезненное.

— Саиб требует людей, — сказал сторож. — Надо дать ему людей, райоты. Саиб сильнее нас.

— Сегодня, не позже захода солнца, — повторил Ходсон.

Он услышал сдержанный ропот. В голосах была глухая угроза. Несколько коротких возгласов, и вдруг, точно по чьему-то знаку, крестьяне замолчали.

«Надеются! — понял Ходсон. — Эту ночь они надеются еще провести в деревне, в своих домах, а ночью друзья, сообщники помогут им сбежать в джунгли...»

У Ходсона был большой опыт.

— Всем, кого отберет староста, собраться у дома коллектора. Ночь проведете во дворе у Форстер-саиба, — сказал он.

Бенгало мистера Форстера стояло на холме, за деревней. Дом был большой, нарядный, с крашеной черепичной кровлей. Ходсон не пошел ночевать к Форстеру. Духота, скука, москиты под ситцевым пологом... Нет! Он велел разбить для себя палатку на лугу, у въезда в деревню.

Двое слуг раскинули палатку, поставили в ней походный столик, стул, постелили кошмы. Хозяин отпустил их движением руки. Он сел к столику.

Что-то сделано все же. Люди будут, буйволы будут. Еще один небольшой шаг вперед. Можно написать сэру Джону Лоуренсу: «Постройка форта успешно продолжается».

Ходсон достал сигару, закурил. Он отдыхал.

Кто-то осторожно подошел снаружи к полотняной стене палатки.

— Позволь войти к тебе, саиб!..

Это был слуга — класси. Класси переступил песчаный порог. Он прижал ладонь к сердцу и склонил голову в почтительном поклоне.

— Позволь обеспокоить тебя, добрый саиб!..

— Да! — нетерпеливо сказал Ходсон.

— Взгляни, саиб, что я нашел возле твоей палатки...

Он поднес на ладони к лицу Ходсона какой-то темно-красный комок.

Это был цветок, — смятый, почти раздавленный.

— Хорошо. Уйди, — сказал Ходсон.

Он бросил цветок на стол. Поглядел, расправил пальцем измятые, потемневшие по краям лепестки.

⁸ В Центральной Индии, в местах, бедных водою, в каждой деревне есть старик, выбранный деревенской общиной для охраны запасов воды в водоеме.

– Опять лотос! Красный болотный лотос.

Вот уже третий или четвертый раз этот странный цветок попадается ему на пути. Как тайный огненный знак, он путешествует по деревням, по военным станциям.

В туземный полк приходит посланец. Он приносит красный болотный цветок – пятилепестковый лотос. Старший офицер-туземец передает цветок младшему офицеру, тот – ближайшему сипаю. Сипай передает соседу, тот – другому, и так лотос проходит через весь полк. Молча они берут его из рук товарища, разглядывают и без единого слова передают дальше. Когда лотос попадает в руки последнего сипая, тот так же безмолвно исчезает и уносит цветок на соседнюю станцию. Там весь круг повторяется сначала.

Что они рассматривают? Форму лепестков? Их расположение? Число?.. Может быть, всё значение в цвете?.. Красный цвет – цвет огня, цвет крови. Скоро прольется кровь и всё станет красным?..

Ходсон осторожно скинул лотос со стола.

Да, он, Ходсон, знал это лучше, чем какой-либо другой англичанин в Индии. Может настать день, когда невозможное станет возможным. Когда вся Индия, все эти миллионы поднимутся в один час, и тогда – кости англичан будут белеть на солнце от Пешавара до Калькутты.

Ходсон вышел из палатки. Глухое раздражение томило его. Этот цветок!

Ночь была холодна. Слуги разложили костер. От соседнего болота тянуло сыростью.

Ходсон стоял и смотрел. Бамбук, треща, разгорался в костре.

Незнакомый человек подошел к огню, почтительно поклонился, встал у костра.

Ходсон смотрел на него. Человек был рослый, сильный. Чуть сутулясь, он стоял боком, полуотвернув лицо. Почти голый, он кутался в обрывок черного шерстяного одеяла, какие в холода носят на плечах горцы Кашмира.

Под одеялом у человека была маленькая индурская грелка – чангрис.⁹ Человек отобрал из костра несколько угольков для своего чангриса.

Человек не уходил. Он стоял вполоборота к огню, пламя сбоку освещало его щеку и угол рта. Он не поворачивал головы, точно не хотел, чтобы саиб видел его лицо.

Человек что-то невнятно говорил додвалле – погонщику верблюдов.

«Больная нога… Язва у колена»… – долетело до Ходсона. Да, что-то о большой ноге верблюда.

Эта неясная речь и отвернутое лицо… Глухое раздражение начало мучить Ходсона, смутная догадка…

Человек, подошедший к костру, стоял неподвижно, всё так же полуотвернув лицо. Кажется, он улыбался. Или это пламя костра неровно играет на щеке?

Ночь была темна. Ходсон отвел взгляд от костра, и вдруг пламя, большое, сильное, полыхнуло ему в глаза, точно прямо с неба.

Большой огонь! Что-то горит, где-то совсем недалеко, за деревней.

«Да это бенгало коллектора!» – понял Ходсон.

Пламя полыхало перед ним, буйное, дикое. Длинными языками оно взмывало к небу, точно говорило: «Гляди! Вот я. Я живое!.. Я не молчу!.. Я мщу! Я отвечаю!..»

«Мы не смирились! – кричало пламя. – Всё станет красным!.. Мы не смолчим!..»

⁹ Чангрис – индурская самодельная грелка из медных или железных прутьев. Распространена в Кашмире и в горной Индии, где ночи бывают очень холодны.

Это был ответ Ходсону на то, что было днем.
Это был ответ: восстание.
Райоты подожгли бенгало коллектора, и собранные на его дворе люди разбегались.
Топот услышал Ходсон, топот ног, бегущих в разные стороны, шум толпы, крики...
Он бросился вперед.

— Панди!.. — услышал Ходсон сквозь гул. — Панди...

«Панди»? И тут всё, в одной молниеносной вспышке, разом соединилось в сознании Ходсона: красный цветок, вестник восстания, Панди — имя человека, бежавшего из петли, и этот рослый, сильный у костра... Так вот почему человек прятал рот! Это был Панди, Панди!.. Где же он?..

Ходсон вернулся к костру. Заметались слуги. Тот человек?.. Он ушел. Простыл и след его на песке, — след угольков, рассыпанных из его чангриса.

Глава девятая ДЕЛИ, СЕРДЦЕ ИНДИИ

Восемьсот конных соваров и две тысячи пехотинцев в Мируте готовы и ждут только знака. В Аллигуре — предупреждены. В Агре — готовятся. Нана-саиб, мятежный раджа Битхурский, копит силы в Гвалиоре. Ни с юга, ни с севера, ни с востока не будет помочи саибам.

А Дели, сердце Индии? «До Дели далеко», — говорит индусская пословица.

До Дели было близко.

Лес расступился и привел Инсура на открытое место. Две знакомые пальмы, сплетвшись вершинами, отмечали начало лодочной переправы. Инсур поднялся на холм.

Светлая и быстрая Джамна делилась здесь на два неравных рукава. Плавучий мост, настланный по лодкам, вел на другую сторону. Там, на другой стороне реки, из самой воды поднимались высокие стены красного камня. Это был дворец старого шаха, правителя Дели. За дворцом — белое здание европейской резиденции, а там, дальше, — дома, каналы, мусульманская мечеть, тесные улицы базара, индусские храмы и снова дома.

Большой город лежал на равнине, на другом берегу реки.

Стена подковой опоясывала город, — каменной подковой на семь с половиной миль длины, с глубокими прорезами ворот в пяти местах: Кашмирские ворота, Лагорские ворота, Кабульские ворота, Аймерские, Южные... Дорога в Кашмир, дорога в Кабул, дорога в Лагор — на север, на запад, на юг, на восток, — все дороги Срединной Азии вели через этот город.

Это был Дели — древняя столица Индии.

Там, за высокими тёмнокрасными стенами, в великолепном дворце доживал свой век бессильный и согбенный старик, Бахадур-шах, последний правитель из династии потомков Тимура. Старший сын Бахадур-шаха умер, и Ост-Индская торговая компания запретила шаху назначить наследником другого сына. Совет лондонских купцов постановил: со смертью Бахадур-шаха положить конец древней династии. Шах Дели умирал без наследника, и английский резидент терпеливо дожидался часа, когда он сможет, наконец, переехать из резиденции во дворец со своей счетной конторой.

Ауранг-Зеб, Надир-шах, жестокие завоеватели Азии, ступали по камням этого города. Персы, афганцы, махранты прошли через него. Дели когда-то назывался Индрапутрай, сыном грозного Индры, и был гордостью индусов, потом стал

Шеханабадом, оплотом мусульман. Арабские и тюркские архитекторы строили его мечети, план его знаменитого дворца чертил сам шах Джехан.¹⁰ Этот город стоял и был славен, когда Лондона еще не было на свете, а Париж был только кучкой жалких глиняных хижин на берегу безыменной реки.

После афганцев, персов, махрантов пришли британцы. Город притих. Британцы были скучны на слова и щедры на смертные приговоры. Город стал сумрачен. Заглох шум его крикливых уличных процессий, оскудели лавки базаров. И Шеханабад и Индрапутра равно стали историей. Великий город терпел британского полисмена у стен мечети и британского резидента у стен дворца.

И всё же город был велик. Он таил в себе силу.

Долго стоял Инсур на холме и смотрел. Бойницы, башни, каменные завесы от бастиона к бастиону, парапеты, отвесные скаты, рвы...

Город был велик и прекрасен. Башни его ворот глядели на все стороны света. Пушки грозили из каменных прорезов башен. В погребах Арсенала, под двойным каменным сводом, хранились запасы пороха, равных которым не было во всей Индии.

Инсур глядел на город. Он хорошо знал все его закоулки: два года его полк – Бенгальский артиллерийский – стоял здесь в казармах, у городской стены.

В этот полуденный час, час зноя и тишины, город был безмолвен, как в глухую полночь. Минареты Большой Мечети тонули в светлом от зноя голубизне; каналы сонно струили воду в ложах красного известняка; в этот час не вертелись жернова мельниц; ни одного горожанина не было видно на плавучем мосту...

Два дня тому назад, в такой же тихий час, в полдень, полисмен у Большой Мечети отодрал от мраморной стены белый лист индийской бумаги, плотный, как полотняная ткань.

«Индусы и мусульмане, вставайте! – начертано было на листе. – Вставайте все как один, гоните чужеземцев из своей страны. Они попирают законы справедливости, они ограбили нашу родину. Поднимайтесь, молодые и старые, ученые и неученые, крестьяне и жители городов!..»

«Бойцы, опояшьтесь поясом храбрости, украсьте себя оружием, выходите на бой! Час настал! Теперь или никогда!..»

«Поднимайся, Индостан, на священную войну!.. Неси барабаны и трубы, знамена, громы и песни!.. Ты победишь, ибо даже звезды будут биться на твоей стороне!..»

Третий день солдатские помещения у северной стены гудят, как развороженный улей:

– Восстань, о Индостан, восстань!.. Умри за родину, за веру отцов! Сварадж!¹¹ Свадхарма!¹² Бей своих врагов, добивайся свободы и, умирая, бей хорошо!

Инсур смотрел на городские стены, на притихший город. Надежные форты, бастионы, дома в бойницах, каждый дом как крепость... Восемьдесят тысяч индусов в городе и столько же мусульман. Неприступные стены, каменные ограды, пушки, несметные запасы бомб и ядер, искусные бомбардиры, стрелки, саперы, самые

¹⁰ Шах Джехан – один из старых мусульманских властителей Дели, талантливый архитектор. Делийский дворец и подземный ход под реку Джамну построены по плану, начертанному шахом Джеханом.

¹¹ Сварадж – своя, народная власть.

¹² Свадхарма – своя вера, вера отцов.

большие пороховые склады в Индии – и ни одного британского солдата!..

Солнце жгло. Город дремал, как в жаркой колыбели, в равнине на другом берегу.

Пущечный выстрел раздался в форту. Далеко по воде разнеслось эхо: пушка форта Селимгур с островка на рекезвестила городу полдень. Инсур вздрогнул. Он точно очнулся.

Форт Селимгур и пушки под самыми стенами дворца... В Селимгуре знают, Аллигур предупрежден, в Мируте готовы... Четыре полка своих в Мируте, из них один конный, Туземный кавалерийский, конные совары, надежда повстанцев. От Мирута до Дели кавалерии полдня пути. Инсур огляделся и сбежал с холма.

Река была быстра и глубока. Инсур легко спрыгнул с берега на мост и дважды принаел ногой на зыбкий настил из досок, точно испытывая прочность моста. Он думал о том, пройдет ли по мосту конница.

Глава десятая НАЧАЛОСЬ

Приказ пришел ночью, с гонцом из Агры. Полковнику поступали с террасы. Гонец подал приказ в окно и ускакал.

«Туземные полки взбунтовались в Мируте и двинулись к Дели. Приказываю немедленно выступить наперерез и препятствовать переправе через реку Хиндун».

– Одна туземная рота остается в линиях, две в форту! – распорядился Гаррис. – Остальных собрать на плацу, в боевом порядке. Через час выступаем.

– Слушаю, полковник-саиб!..

Лицо Лалл-Синга, туземного капрала, расцвело счастливой улыбкой. Полковник не стал разгадывать ее значения. Пыхтя, он засовывал в каждый карман по пистолету.

К веранде подвели оседланного полковничьего коня Робинзона. Гаррис поспешил к полю, освещенному дымными факелами.

«Всего двести пятьдесят британских солдат в форту, – с тоской думал полковник. – Не меньше ста надо оставить на месте, остальных с собой. А индусов – шестьсот человек!»

Он нагнал в платановой аллее лейтенанта Франка. Лейтенант сгорбился в седле, как больной. Гаррис понял: Франк думает о том же.

Гаррис не поверил глазам: все шестьсот сипаев уже собирались на поле. У людей были возбужденные лица, однако выстроились они в образцовом порядке.

– Сипаи! – обратился к солдатам полковник. – Ваши товарищи в Мируте изменили присяге. Забыв честь и совесть, они взбунтовались против нашей королевы... Ваш долг – образумить мерзавцев!..

Полковник сделал паузу.

Солдаты молчали.

– Я надеюсь на вас, мои верные сипаи! Вы знаете хорошо, как сильны мы, саибы. Вы знаете, что мы можем, если понадобится, уставить виселицами всю дорогу от Мирута до Агры. Кто из вас хочет повиснуть на столбе непогребенным, пугая птиц и привлекая злых духов? Я уверен, вы справитесь с бунтовщиками, как они того заслужили!..

Солдаты молчали.

Полковник повернул коня. Он подал команду: «Ш-а-а-г-о-м м-а-а-рш!» и замер, прислушиваясь.

Раздался мерный, ровный топот: сипаи двинулись.

Полковник облегченно вздохнул.

В полном боевом порядке все шестьсот человек вышли из ворот военной станции. Был второй час ночи. Восточный край неба чуть светел, до восхода солнца было еще далеко.

Сипаи шагали молча. Разъезды британских солдат по флангам прикрывали отряд. Пушки тянулись сзади.

«Прислуга при орудиях вся туземная», – думал полковник.

В полукилометре от станции дорогу пересекала небольшая речушка. Переправа через нее могла задержать отряд.

Вот уже показался изгиб дороги перед спуском к реке и небольшой лесок на ее берегу.

Кавалерийский разъезд вдруг выскоцил из леса и повернул навстречу отряду.

Сипаи ускорили шаг. Они шли быстро, пожалуй, чересчур быстро... И эти странные, возбужденные лица!..

Всадники приближались. Росткий совар скакал впереди, уже видна была его белая чалма и пригнутые вперед плечи...

Гаррис, еще не видя издали ни лиц, ни мундиров, снял: «Повстанцы!..»

– Девятый полк!.. Аллигурцы!.. Мы ждали вас еще вчера! – кричал совар.

Громкие крики в ответ... Полковник оглянулся: пехота почти бегом бежала вперед.

– Стой! – крикнул он.

Люди затоптались на месте.

– Огонь!..

Ни одного выстрела.

– Огонь! – заревел полковник.

Сипаи не слушались команды.

– Лалл-Синг, сюда!

Лалл-Синг подъехал к полковнику на своем худом гнедом коньке.

– Почему они не стреляют, Лалл-Синг?

– Не взяли патронов, саиб, – сказал Лалл-Синг. Радостная улыбка расцвела на его лице.

– Сипаи, ко мне! – кричал росткий всадник в белой чалме. – Переходите к нам, аллигурцы!

Он был совсем близко. Гаррис уже отчетливо видел на нем светлосинью форму совара. Но вместо высокого кивера на голове у человека была белая чалма, завязанная по мусульманскому обычаю.

«Магометанин? Впрочем, они сейчас все заодно: и мусульмане, и индусы... Проклятый бунтовщик!» – Полковник выстрелил.

Совар припал на мгновение к шее коня и тотчас выпрямился снова.

– Ко мне, сипаи! – кричал совар. – Мирут восстал!.. Наши конные полки идут на Дели. Все пешие и конные солдаты, все канониры, все саперы, все минеры бьются на нашей стороне!.. Конец пришел власти саибов!..

– А-ла-а! – заревели в ответ аллигурцы. Передние хлынули вперед.

– Переходите к нам, сипаи! Индусы, мусульмане, махранты! Разве мы все не братья одного дыхания?.. Разве наши отцы в деревнях не бьются вместе с нами?

– Бхай-банд! Братья!.. – подкинув ружья, ломая ряды, сипаи с радостными криками устремились вперед.

– А вы, канониры? – кричал совар. – Чего вы ждете? Чтобы полковник запорол вас

на плац-параде? Чтобы саибы разорили ваши дома в деревне?

– Бхай-банд!.. Братья!.. Вперед!..

Конные канониры, обрубив постройки, с бешеным криком поскакали вперед, перегоняя пеших.

– Стой!.. Ни с места!

В ответ полетели сипайские пули.

– Огонь по саибам!.. – командовал совар. – Пушки катите к нам!..

Вся масса сипаев насела на кучку британцев, сгрудившихся вокруг брошенных орудий. Сипаи с криками перекатили пушки на свою сторону.

Британцы рассыпались вдоль дороги отстреливаясь.

Полковник кивком головы подозвал к себе Франка.

– Обратно в форт! – сказал полковник.

Лейтенант отъехал, короткая команда вполголоса, и стрелки-британцы сомкнулись вокруг обоих офицеров.

– В Аллигур, – сказал Гаррис. – Будем пробиваться обратно в Аллигур!..

Это еще было возможно. Британцы были на конях, хорошо вооружены и упорно отстреливались.

И вдруг лейтенант Франк тронул Гарриса за рукав.

– Смотрите, полковник! – сказал Франк.

Он указывал в сторону Аллигура.

Гаррис приложил к глазам подзорную трубу.

Уже рассвело, первые лучи встающего солнца легли по равнине. Гаррис разглядел какое-то движение в левой башне форта.

Самая большая пушка медленно повернулась, облачко дыма поднялось над фортом, грохот орудийного выстрела потряс воздух.

Пушка стреляла по дороге.

Пушечное ядро, не долетев, упало в лесу, за ним второе, третье.

– Это в нас! – сказал Франк.

Гаррис глядел, не отнимая от глаз подзорной трубы. Черные фигурки людей хлопотали вокруг орудий. Это Темал, должно быть, или Накхан – лучшие его солдаты, самые опытные бомбардиры! Он сам оставил их в форту.

– Изменники! – сказал Гаррис.

Пушечный снаряд упал совсем близко и разорвался, взметнув землю.

Кольцо сипаев снова смыкалось вокруг. Одна за другой, две пули, просвистев у самого уха, едва не задели полковника. Франк подъехал к нему.

– Надо уходить, – сказал Франк.

– Нет! – ответил Гаррис.

Он слышал, как часто зашлепали пули по листве соседнего дерева. Сипаи подступали ближе, он видел их лица, яростный блеск их глаз. Молодой индус пробился к полковнику из толпы. Индус был бледен.

– Беги, саиб! – сказал индус. – Они застрелят тебя. Беги!..

Полковник сжал в руке пистолет.

– Разве ты не знаешь, Мунгар, – медленно сказал он, – разве ты не знаешь, что британцы никогда не бегут?

Он в упор выстрелил в индуза.

– Напрасно, полковник, – сказал Франк. – По-моему, совет хороший. Глядите!..

Большой отряд конных выезжал из леса. В свете дни теперь уже ясно виден был

широко раскинувшийся лагерь повстанцев на другом берегу реки. Позади был Аллигур. Оставалась едва приметная тропинка в джунглях и быстрые кони, которые еще могли их унести.

— Совет хороший! — повторил лейтенант Франк. Он почти насильно заставил полковника повернуть коня, и они поскакали.

За лесом раскинулось кукурузное поле, потом пошел редкий кустарник. Полковник скакал через поле наискосок.

Пуля, просвистев мимо, задела ремешок на белом шлеме полковника.

Он скакал дальше. Потом услышал, что кто-то догоняет его.

Это был Лалл-Синг.

— На этом коне тебя пристрелят, саиб, — сказал Лалл-Синг. — Возьми моего!..

Он спешился и подвел к полковнику своего худого конька.

Лалл-Синг улыбался.

Разгадывать значение этой улыбки у полковника не было времени. Он отдал индусу своего могучего пегого Робинзона, а сам вскочил на худого Лалл-Сингова коня.

— Спасибо, Лалл-Синг, — сказал полковник. Он поскакал дальше.

«Неужели эта скотина всё-таки предана мне?» — думал он.

Конь уносил его дальше через поля, незнакомой дорогой. Пушечная пальба доносилась издали, потом запахло дымом: где-то близко горели джунгли.

Британские стрелки рассеялись по полю. Франк давно отстал.

Солнце поднялось высоко, зной и жажда томили полковника.

Сколько уже часов он провел так в седле? Он не мог бы сказать.

За бамбуковыми зарослями открылась широкая мощеная дорога. Полковник гнал коня по дороге. Он увидел впереди гряду невысоких оголенных холмов, за холмами блеснула светлая полоса реки.

«Да ведь это дорога в Дели!» — узнал Гаррис.

Неужели конь унес его так далеко? Он допытался определить время по солнцу. Было уже не меньше трех часов пополудни.

Мучительно хотелось пить.

Где взять воды? Наполовину высохший пруд виднелся впереди у шоссе, — не пруд, а стоячая лужа в глинистых берегах. Напиться из лужи? Невозможно! Гаррис дал шпоры коню. Вперед!

Впереди Дели. Древняя крепость, резиденция шаха, старый укрепленный город. В Дели — сильный туземный гарнизон, прекрасные стрелки, саперы, лучшая в стране артиллерия. В Дели — несметные запасы пороху и ядер.

Неужели полковник Риплей в Дели откажет ему в батальоне стрелков, чтобы усмирить аллигурских бунтовщиков? Гаррис шпорил гнедого конька.

Облачко пыли поднялось впереди. Кто-то скакал навстречу.

В придорожном селении — тишина. Дым не струится над тростниковых крышами. Точно деревня вдруг поднялась и ушла, — вся, до последнего человека.

Облачко пыли ближе и ближе. Встречный всадник шел карьером. Гаррис уже видел треугольник леопардовой шкуры на высокой уланской шапке и морду коня, облитую пеной.

Улан подскакал и круто осадил своего коня.

— Назад! — кричал улан. — Поворачивайте назад, полковник!

— Что такое? — спросил Гаррис, оторопев. — Что случилось?

— Дели взят, — сказал улан. — Занят восставшими полками.

Он спешился и, подбежав к пруду, жестом отчаяния погрузил в грязную воду лицо и руки.

Только тут Гаррис увидел: пятна крови на мундире, разодранный рукав.

— Без единого выстрела! — сказал улан. — Без сопротивления.

Гаррису казалось: он слышит всё это в бреду.

— Дели? Лучшую крепость в стране без боя отдали мятежникам? А как же знаменитый форт и пушки? Три полка? Арсенал? Бастионы?

— Всё отдали! — сказал улан. Он уже вытирая лицо полой нарядного белого мундира. — Первые повстанцы выступили из Мирута еще вчера в полночь. Все деревни по дороге снимались и шли за ними. К утру были под Дели. Прошли по плавучему мосту... Таможенного чиновника — в воду! Стража салютовала у ворот. Ворота настежь. Четыре тысячи туземных солдат да тысячи полторы крестьян без препятствий вошли в город.

— А гарнизон? Полковник Риплей?

— Риплей убит! — сказал улан. — Свои же сипаи пристрелили. Гарнизон весь на стороне повстанцев. Обнимались как братья. Ни одного британского солдата не оказалось в Дели в решающую минуту...

Улан уже вернулся к своему коню. Он наклонился и тем же жестом отчаявшегося человека подтянул коню подпругу.

— Одно успели сделать наши: взорвали арсенал. Два молодых лейтенанта, отчаянные храбрецы. Должно быть, погибли.

— А майор Аббот? А его туземные стрелки? — Гаррис не мог опомниться.

— Майор Аббот бежал, бросив коня, бросив оружие, пешком по Курнаульской дороге... А его туземные стрелки сейчас расстреливают в кордегардии своих офицеров.

Улан заметил резкую бледность на лице полковника.

— Погодите, полковник, я сейчас вам помогу.

Он засорпнул воды всё из той же лужи и, сняв с Гарриса шлем, облил его голову грязной водой.

— Назад, полковник! — сказал улан.

Оба вскочили в седла и рысью пустили коней назад, по пустынному шоссе.

— Теперь нам надо подумать, как бы вернее до наступления ночи добраться до Курнаульской дороги, — сказал улан.

Глава одиннадцатая

В СТЕНАХ КРЕПОСТИ

Еще никто не знал, что произошло в Мируте, а уже с ночи все чего-то ждали. Горожане не спали с четырех утра, купцы сомневались: открывать или не открывать лавки? В Шайтан-Пара и вовсе никто не ложился. Что бы ни принес этот день другим, — жителям Шайтан-Пара, квартала нищих, этот день мог принести только освобождение.

На стене города, обращенной к реке, с восхода солнца толпились люди. Все смотрели на Джамну, на плавучий мост, на белую ленту дороги, ведущей к Мируту.

В девять утра далекое облачко пыли поднялось над гладкой дорогой.

— Они, они! — кричали люди.

Облачко приближалось. Теперь уже хорошо было видно: большое войско,

несколько тысяч человек идут к переправе.

Вот голубые мундиры соваров замелькали сквозь пыль, — конница идет впереди.

Все в белых чалмах, — конные совары поснимали ненавистные кивера, повязали головы белым полотном, — все в белых чалмах, ровным строем, по четыре в ряд.

— Они, они, повстанцы!.. Смотрите, смотрите!..

Конница подходит к мосту через Джамну. Люди замерли на стене.

Вот первые ряды кавалерии вступают на плавучий мост. Зыбкие доски пляшут под копытами коней. Песня доносится, нестройная песня повстанцев.

— Глядите, глядите! Таможенного чиновника в белом кепи кинули в воду! Вот часовые у таможни, побросав карабины, пропускают соваров!.. Глядите, глядите!..

На башнях Дели — загадочная тишина. Будут ли стрелять по восставшим пушки? Как встретит их стражи у городских ворот?

Сегодня караульную службу по городу несет Тридцать восьмой пехотный, знаменитый Тридцать восьмой, тот самый, который пять лет назад возмутился против своих офицеров, отказался ехать морем на покорение Бирмы. Найдется ли сегодня в крепости хоть один сипай, который послушается офицерской команды и поднесет запал к заряженной пушке?

Головная колонна уже под стенами города. Гончары, водоносы, башмачники, шорники, кузнецы смотрят сверху. Сегодня решается судьба города, судьба, быть может, всей страны.

Как один человек, затаив дыхание, люди смотрят с городской стены.

Ворота — настежь. Ликующие крики у ворот. Стража стреляет в воздух, — салют!.. Стража расступается, первые ряды конницы вступают в город!

— Ха-ла-а, Дели!.. Ха-ла-а, Мирут!..

Пушечный выстрел. Еще и еще. Со всех башен палят в воздух.

Пушки Дели салютуют повстанцам.

Радостный многоголосый крик на стене: «Ха-ла-а!» Толпа неистовствует и машет:

— Привет вам, братья!.. Бхай-банд!..

За кавалерией идет пехота, цепочкой набегая на мост, то разбивая, то вновь ровняя ряды. В красных форменных куртках, с барабанным боем, с развернутыми знаменами, как на параде. У самого берега сипай спрыгивают в воду, добираются вплавь, вброд. Радостный крик всё громче, вот и вторые ворота раскрылись, со стороны реки. Что такое? Да ведь это дворцовые ворота! И правитель Дели, Бахадур-шах, заодно с повстанцами!.. Ха-ла-а, Бахадур-шах!..

Крестьяне идут по мосту. Райоты Индии, в одежде цвета пыли, в синих домотканых тюрбанах. Копья, отточенные камнем, блестят на солнце, колышутся длинные самодельные пики. Райоты, как братья, плечом к плечу шагают с пехотой.

— Салаам!.. Райоты Бхагпата! Привет вам!..

В переулке Трубачей мерный топот, крики. Это Пятьдесят четвертый туземный полк вышел из своих линий.

Сипай Пятьдесят четвертого теснятся на открытом пространстве у северной стены.

— Кто вам разрешил выйти из своих помещений?.. Измена! Бунт!.. — Полковник бежит к ним наискосок через плац, он застегивает ремешок шлема на ходу.

Сипай слышат шум толпы по ту сторону стены, приветственные клики. Вот первые совары показались.

— Огонь по бунтовщикам!.. — командует майор. Сипай вскидывают ружья. Только один раз успели прокричать команду офицеры. Несколько выстрелов, и полковник

убит, убиты два лейтенанта; майор бежит, перескочив через глубокий ров, ищет спасения за стенами города.

Офицеры бегут! Конец пришел власти саибов...

– Ха-ла-а! Радж ферингов кончился! – ликует толпа.

Пятьдесят четвертый спешит на соединение с мирутскими полками. Сипаи Дели и совары Мирута встречают друг друга и обнимаются, как братья.

– Дели наш!.. Конец пришел саибам!.. Бхай-банд!..

Узкая улица по эту сторону городских ворот уже не вмещает всех, волной напирает толпа, и передняя колонна повстанцев выходит на главную улицу города – Серебряный Базар.

Во дворце – смятение. Бахадур-шах и рад и не рад повстанцам. Англичане бегут, – это хорошо; но они еще могут вернуться. Трясущимися руками правитель Дели надевает свой парчёвый убор. Он отдает приказ – раскрыть ворота, ведущие к реке, и закрыть ворота, ведущие в город. Старый шах не знает, как ему быть.

Несколько англичан из города ищут спасения во дворце. Внизу под лестницей, ведущей в покой шаха, стоит Фрэзер, главный управитель города, палач мусульман и индусов – большой саиб среди саибов. Капитан Дуглас, начальник дворцовой охраны, поднимается вверх по лестнице. Он просит Бахадур-шаха укрыть англичан в своих покоях.

Старый шах, седой, испуганный, выходит к нему навстречу. Он придерживает полы парчёвой одежды над разъезжающимися от страха худыми старческими ногами.

– Уходи, капитан! – трясущимися губами говорит Бахадур-шах. – Если я спрячу англичан, – восставший народ убьет меня.

Внизу слышны крики. Хаджи, хранитель шаховой печати, уже заколол Фрэзера у входа. Слишком много гнева против угнетателей скопилось в народе, слишком велики преступления англичан. Толпа бежит наверх. Фрэзер убит, убит и капитан Дуглас, в покоях самого шаха.

Большая толпа повстанцев идет по Серебряному Базару. Ткачи, оружейники, каменотесы, медники, бочары присоединились к сипаям, – беднота города, рабочий люд.

– Оружие! – слышны крики. – Взять оружие саибов!..

Толпа теснится у западного тупика улицы. Здесь, за высокой стеной – круглое здание Арсенала. Кузнецы, седельники, гончары, грузчики, погонщики верблюдов знают, что им нужно. Здесь оружие: ружья, патроны, порох, пушки, снаряды – тысячи ружей, десятки тысяч патронов; оружие – хлеб восстания.

Ворота Арсенала закрыты. Два королевских лейтенанта заперлись и забаррикадировались изнутри. Вся арсенальная прислуга еще рано утром ушла от офицеров, они все – индусы, солдат-британцев нет. Некому защищать кладовые Арсенала.

– Именем правителя Дели, открыть оружейные склады!..

Конный риссальдар, Рустем-хан, туземный офицер мирутского полка, подъехал к воротам.

Мертвое молчание отвечает Рустем-хану.

– Именем Бахадур-шаха!

Риссальдар соскачивает с коня и стучит рукоятью шашки в железные ворота:

– Именем шаха Дели!..

– Уходи! – отвечают ему из-за ворот. – Мы не откроем бунтовщикам.

Это лейтенант Форрест вышел из внутренних помещений Арсенала.

Ага, феринги отвечают!.. Куски железа, камни летят в крепкие перекладины ворот.

– Отдавайте оружие, феринги!

– Патроны!.. Порох!..

– Оружие повстанцам! Открывайте кладовые!..

– Прочь, бунтовщики!.. – тонким срывающимся голосом кричит лейтенант. – Вы изменили нашей королеве!..

– Больше нет над нами твоей королевы!.. Открывай! – ревет толпа.

Бешеные удары по воротам. Штурмом идут на стену повстанцы. Ворота крепки, – двойные, обитые железом.

– Лестницы! Несите лестницы! – командует Рустем-хан. Группа сипаев идет обходом, приставляет штурмовые лестницы к боковой стене, люди карабкаются наверх, десятки голов уже на гребне стены...

И тут толчок чудовищной силы колеблет землю. Грохот раскалывает небо, – грохот, какого не слыхивала земля Азии.

Точно огненные недра земли, прорвав кору, с бешеною силой устремляются в небо.

Два британских лейтенанта взорвали пороховые склады.

Центральное круглое здание Арсенала лопается, как набитая порохом огромная бомба. Столбы пламени и черного дыма устремляются к небесам. Меркнет солнце. С грохотом рушатся окрестные дома.

– Великий бог!.. Спасите! Спасите!.. – Окровавленные люди мечутся среди развали кирпичей, в тучах белой известковой пыли.

Далеко отхлынула толпа. Горожане бегут из соседних улиц.

– Где Рустем-хан? Риссальдар убит. Силой взрыва его швырнуло на стену соседнего дома.

Замешательство в рядах соваров. До самого Мусульманского Базара, до Раджратских ворот отхлынула конница. Пустеют кварталы, прилегающие к Арсеналу.

– Горе нам, братья!.. Чем будем воевать?..

Новые и новые облака дыма поднимаются к небу, – это взрываются новые подземные кладовые. Долго не стихает треск взрывающихся на складах ракет, пальба воспламенившихся патронов.

Три часа пополудни. Зной невыносим в этот час. Люди ищут тени. Они хотят скинуть ранцы, напиться воды у фонтанов, отдохнуть.

Отдельные кучки сипаев бродят по переулкам.

– Мы отбились от своих... Где нам становиться? – спрашивают одни.

– Идите во дворец. Там укажут! – кричат другие.

– Радж ферингов кончился. Теперь Бахадур-шах будет ставить начальников над нами...

Но Бахадур-шах молчит. Он велел запереть ворота, ведущие из дворца в город. Бахадур-шах боится восставшего войска.

– Рустем-хан убит взрывом... Кто же теперь будет нашим риссальдаром? – спрашивают друг друга конные совары.

Высокий сипай в форме grenadierского полка взирается на уцелевший обломок стены.

– По своим полкам, солдаты! – кричит grenadier. – Или вы хотите, чтобы саибы захватили вас врасплох и перебили, как стадо коз?.. Сипай из Мирута!.. Девятый аллигурский!.. Конники Восемьдесят второго!.. Каждый к своему знамени!..

— Да! Да!.. Держаться старых товарищней. Правильно, правильно! — кричат солдаты. — Каждый при своем знамени.

Сипаи-пехотинцы шумным табором располагаются на Серебряном Базаре и прилегающих улицах.

— Радж ферингов кончился!.. Сам Бахадур-шах будет ставить начальников над нами!..

Сипаи ждут у походных костров на площади базара.

— Почему же молчит Бахадур-шах?

— Скоро он пошлет своих глашатаев по городу.

Огромное черное облако, пронизанное пламенем, долго стоит над центром города, оно видно на много миль кругом, из дальних и из близких селений.

Шестой час пополудни. Скоро зайдет солнце. Конные совары, разбившись на мелкие отряды, шагом проезжают по улицам.

— Рустем-хан убит... Совары, братья, кто же будет начальником над нами? — спрашивают друг друга мирутские конники.

— Ждите, ждите вестей от Бахадур-шаха. Шах сам выберет начальника над конными и пешими войсками.

Во дворце — совещание. Старый шах нескоро пришел в себя после волнений долгого дня. Он собрал своих министров на совет.

— Кого мы назначим начальником над восставшими полками? — спрашивает у министров Бахадур-шах.

Министры озабочены. Городская беднота вышла из своих домов. Восставшие крестьяне табором стоят на городских площадях. Улицы полны солдат, и конных и пеших. Еще никогда не видел старый город такого многочисленного войска.

Министры хмурятся.

— Нужна сильная рука, чтобы держать наших гостей крепко.

Сам Мирза-Могул, сын шаха, хочет говорить. Все смотрят на Мирзу-Могула.

Принц разжирел от пирам и празднеств, от неподвижной жизни в покоях отцовского дворца. Ленивым движением Мирза поправляет на груди атласную безрукавку.

— Я, сын шаха, буду начальником над всеми войсками, — надменно говорит Мирза.

Министры смотрят друг на друга. Министры не смеют возражать Мирзе. Но сам старый шах качает головой.

— Ты отяжелел, мой сын, — говорит шах. — Едва ли ты сможешь сесть на коня. Станут ли слушаться тебя восставшие совары?

— Опасно! — шепчут министры. — Народ в нашем городе горяч, мусульмане вспыльчивы, — кто знает, против кого обернется гнев народа?..

Долго совещаются во дворце и не могут прийти ни к какому решению.

В селениях к западу от Джамны еще не знали о происшедшем. Весь день, с восхода солнца, Инсур вдвоем с Лалл-Сингом объезжал деревни и военные станции к югу и к западу от Курнаульского шоссе. Под Инсуром был добрый конь — подарок одного мирутского совара. Лалл-Синг, в нарядной шелковой чалме с серебряной пряжкой, в новом поясе из серебряных колец, скакал не отставая, рядом, на гнедом полковничьем Робинзоне. Лалл-Синг был счастлив, как дитя.

— Полковник наш был, как толстый буйвол, неповоротлив и умом и телом, под ним и конь шел тяжело. А подо мной, гляди, как легко идет, играет, — хвастал Лалл-Синг.

Они уже повернули назад к крепости и подскакали к переправе через Джамну.

Вдруг кони остановились под ними и взметнулись на дыбы, их точно подбросил кверху мощный толчок земли. Вода в реке всколебалась и прилила к берегам.

– Смотри, Инсур! – сказал Лалл-Синг.

Высокий столб дыма и пламени встал над крепостью. Гул донесся из Дели, точно огромные здания рушились, превращаясь в пыль.

– Это пороховые склады! – крикнул Инсур. – Саибы взорвали Арсенал!

– Арсенал!.. В нем было пороха и снарядов больше, чем во всей Индии!..

Лалл-Синг смотрел на Инсура. Впервые он видел его таким. Инсур был бледен, пот каплями стекал по его запыленному лицу.

– Горе нам, Лалл-Синг!.. Чем будем воевать?..

– В крепости есть еще один склад, поменьше, – торопливо сказал Лалл-Синг. – Я знаю: подземный склад, у северной стены.

– Надо приставить к этому складу охрану. Скорее, Лалл-Синг!..

Они дали шпоры коням. Береговые ворота открылись перед ними. Правее Мусульманского Базара еще дымились черные провалы в земле, как огромный муравейник дотлевали остатки рухнувшего центрального здания.

Женщины бродили среди развалин, искали близких.

– Какое злое сердце было у того саиба, который отдал приказ! – плакали женщины.

– К Кашмирским воротам! – сказал Лалл-Сингу Инсур.

Они поскакали дальше. В казармах Тридцать восьмого пехотного, недалеко от Кашмирских ворот, Инсур нашел старых товарищей по Бенгальскому артиллерийскому. Вот и Рунджит, и Лакхи-Нат, и длинноносый дерзкий Шайтан-Ага.

Артиллеристы встретили его восклицаниями:

– Ты жив, Инсур? А саибы прочитали нам приказ о твоей казни!

Утром десятого мая, ровно за сутки до того как первые восставшие полки вступили в крепость, Тридцать восьмой туземный полк собрали на плацу. Офицеры прочитали им старый мартовский приказ, с большим опозданием дошедший из Калькутты. Военный трибунал штаба Бенгальской армии в Калькутте вынес решение по делу троих сипаев по имени Панди, зчинщиков Баракпурской смуты.

«Все трое приговорены к смертной казни, и приговор приведен в исполнение», – так говорилось в приказе.

– Мы не поверили, – смеется Шайтан-Ага. – Разве такой, как ты, поддастся саибам?.. Тебя и веревка не берет.

– Всех Панди им не повесить, – отвечает Инсур. – Нас было трое, а сейчас тысячи тысяч.

Инсур с товарищами идут к запасному оружейному складу, что у Кашмирских ворот, приставляют к нему охрану.

– Никого не подпускать к погребам! – велит Инсур.

Офицеров-саибов больше нет в крепости. Кто остался жив, – бежал пешком по Курнаульской дороге.

– Радж ферингов кончился, – хрипит Шайтан-Ага. – Теперь у нас забота: как бы они снова не вернулись.

Все идут осматривать укрепления городской стены, башни, бастионы, бойницы, боевые посты.

С востока мощные стены крепости омывает река Джамна. С этой стороны город недоступен для осады. А настланный по лодкам через реку легкий разводной мост может постоянно держать связь со страной. Отсюда будут подходить и подкрепления,

и продовольствие. К этому мосту не подступится враг: пушки с Морийского и Речного бастионов никому не дадут приблизиться к переправе и разбить связь.

С юга и с запада, непосредственно примыкая к городской стене, начиналась путаница пригородных построек, дома и сады окрестных поселен. Ни с юга, ни с запада не рискнут англичане приблизиться к крепости.

Оставалась северная сторона. Инсур внимательно осмотрел северный участок крепостной стены, Кашмирский, Аймерский, Бэрнейский бастионы, каменные завесы, бойницы, рвы. Высокий земляной вал до половины прикрывал толстую стену от орудийного обстрела.

— Сами саибы приказали нам в прошлом году укрепить этот вал камнями и на четыре фута углубить крепостной ров, — усмехается Шайтан-Ага. — Хорошо, что теперь наша работа не пропадет даром.

Если решатся англичане на осаду, — они будут искать подступов к крепости с северной стороны. Гряда невысоких холмов, легшая наискосок по равнине к северу от Дели, кой-где проходит здесь меньше чем в миле от городской стены.

— Пускай саибы ищут укрытия за этими холмами, — сурово говорит старый Рунджит. — Силен Дели, им не замкнуть его в железное кольцо.

До вечера ждали восставшие полки приказа из шахова дворца. Конные совары стали лагерем на Мусульманском Базаре. Коней давно расседлали, напоили у фонтанов.

— Где же посланцы Бахадур-шаха?

— Нет, еще нет вестей из шахова дворца.

Только поздним вечером, в темноте, глашатай пошел по городу. Впереди побежали бегуны со смоляными факелами.

— Слушайте, слушайте! Приказ Бахадур-шаха!..

— Бахт-хан назначен начальником над всеми войсками.

— Бахт-хан из Рохильканда... Так повелел великий шах.

— Слушайте, слушайте!.. — Глашатай поворачивает на улицу Садов. Отсветы факелов гаснут на листве платановых деревьев.

— Бахт-хан? Так вот кто вошел в доверие к повелителю!.. — удивляются совары. Они хорошо знают офицера, он — дальний родственник шаха.

— Бахт-хан покорен и льстив, он умеет говорить шаху сладкие слова.

— У него душа лисы и храбрость полевого кролика. Как он будет вести нас в бой против ферингов?

— Уже ночь, совары! Завтра все узнаем.

Поздняя ночь. Тьма спустилась над крепостью. На улицах и площадях — тела, тела... У фонтанов, у Большой Мечети, на Томба-базаре, где по утрам шумно торгуют мусульмане. Это легли вповалку уставшие солдаты. Медленно остывают накалившиеся за день городские камни. Худые кошки бродят по улицам, перепрыгивают через головы, через раскинутые руки. Вороны каркают особенно хрипло, предвещая на утро жару.

Инсур не спится. Великая война началась. О ней мечтали деды, ее готовили отцы. Настал час, когда народы Индии вышли на бой за освобождение родной страны.

Еще раз, взяв с собой товарищей, Инсур поднимается на высокий Кашмирский бастион. Взошедшая луна освещает голую каменистую равнину за городской стеной, темную линию Нуджуфгурского канала и гряду невысоких холмов в миле-полутора впереди.

Рунджит, старый сержант-артиллерист, видевший войну с Персией, войну за Пенджаб, и Бирманскую войну, кладет руку на ствол самой большой пушки батареи.

— Много лет нас учили офицеры-саибы, — говорит Рунджит. — Учили обращению с пушкой, стрельбе по близкой и по дальней цели. Пускай теперь подступятся к Дели. Они узнают, что хорошо нас учили.

Глава двенадцатая

ПЯТЬ МЕРТВЫХ ГЕНЕРАЛОВ

Ходсон носился без отдыха из Лагора в Амбаллу, из Амбаллы в Лагор.

Никто кроме Ходсона не мог бы выдержать такой езды: по двадцать четыре часа в седле, без дневного привала, без сна.

Он заездил двоих прекрасных арабских коней и сейчас загонял третьего.

Ходсон возил бумаги — срочные тайные донесения, от генерала Ансона к сэру Джону Лоуренсу и от сэра Джона Лоуренса обратно к Ансону.

Десять дней назад, одиннадцатого мая, по телеграфным проводам полетела весть из Дели в Амбаллу — Лагор — Пешавар.

Два сигнальщика чудом продержались на телеграфной станции в Дели почти до трех часов дня и по единственной неперерезанной повстанцами линии дали знать обо всем случившемся в Пенджаб.

«Ко всем станциям Пенджаба...» — полетела по телеграфу ошеломляющая весть. — «Бенгальская армия восстал... Дели в руках врага. Британские офицеры покинули крепость».

И теперь Ходсон носился из Лагора в Амбаллу, из Амбаллы в Лагор...

Командующий армией генерал Ансон обласкал Ходсона. Он дал ему личную охрану — полсотни конных сикхов. Он допустил его в Военный совет...

И теперь капитан Ходсон сидел в кругу пяти старых генералов и подавал смелые советы.

Положение было серьезно.

Слишком поздно в своем гималайском уединении Ансон узнал о событиях, не сразу двинулся из Симлы в Амбаллу и упустил драгоценное время. Старый офицер, видавший еще битву при Ватерлоо, в делах Индии Ансон был новичком.

Всё оказалось неподготовленным в решающую минуту.

Палаток нет. Прибывающие войска расквартированы под открытым небом.

Вьючных мулов нет, — погонщики разбежались.

Фуражи нет, — крестьяне бунтуют.

Нет ни повозок, ни лекарств, ни перевязочных средств. Гражданские власти растерялись и ничем не могут помочь.

Положение отчаянное. Пять старых седых генералов день и ночь заседали в наспех раскинутых походных палатках Ансонова штаба.

Пенджаб, соседний Пенджаб, еще мог спасти Индию для британцев.

В Пенджабе большие пушки, осадная артиллерия, много европейских войск. В одном Пешаваре, у границы, до восьми тысяч британских солдат. Лучшие люди, самые способные, решительные офицеры — в Пенджабе. Пенджаб и только Пенджаб сейчас решал: быть или не быть англичанам в Индии.

Хозяин Пенджаба Лоуренс понимал это очень хорошо. Но Джон Лоуренс хотел спасти Пенджаб в самом Пенджабе.

Тревожные вести доходили к нему; Пенджаб мог подняться, как поднялись

Центральные провинции.

«Я полагаю, что это самый опасный кризис британской власти, какой до сей поры случался в Индии», – писал он Ансону.

Лоуренс был за решительные меры.

– Брожение в Пенджабе должно быть подавлено любой ценой, – твердил он своим подчиненным.

По близким и далеким военным станциям давно стоявшие в бездействии пушки вдруг увидели перед собой непривычно-близкую цель: спину привязанного к жерлу туземного солдата. Невилль Чемберлен, помощник командующего пограничными силами Пенджаба, воскресил в Верхней Индии этот старый вид казни, позабытый за последние годы.

Начались волнения и в самом Лагоре.

В одну ночь по городу и окрестностям, по подозрению в готовящемся мятеже, взяли до семисот человек.

Управитель города, Роберт Монгомери, правая рука Лоуренса, человек плотного сложения, – за румяное добродушное лицо и приятную округлость стана получивший прозвище мистер Пиквик, – в нужный момент проявил нужные качества.

– Какие меры приняты по отношению к бунтовщикам? – запросил его старый Лоуренс.

– Приказал всех повесить, – коротко отписал «мистер Пиквик».

– Прекрасно сделали, – соревнуясь со своим подчиненным в лаконизме, ответил Лоуренс.

Генералу Ансону Лоуренс обещал помочь, но не сразу, а когда покончит с «брожением» в самом Пенджабе.

– Что же мне делать сейчас? – запрашивал совета Ансон.

– Идти на Дели с теми силами, какие у вас есть, генерал, – отвечал Лоуренс.

Агент королевы в Пенджабе, вице-король Верхней Индии, в эти дни, когда прервалась связь с Калькуттой, осуществлял всю власть в стране, и военную и гражданскую.

«Идти на Дели сейчас, немедленно, пока пожар восстания еще не охватил всю Индию», – писал он Ансону в Амбаллу.

«Я склонен выждать, – отвечал Ансон. – Дели хорошо укреплен, а орудия в моем распоряжении – только малые полевые, непригодные для штурма городских стен. Вся страна сочувствует повстанцам. Под стенами Дели мы, британцы, при наших малых силах можем оказаться в положении не осаждающих, а осажденных»...

Но Лоуренс и слушать не хотел об отсрочке.

«Прошу вас, генерал, припомните всю историю нашего управления в Индии. Случилось ли вам выигрывать битвы, следуя трусливым советам?.. Зато мы всегда одерживали победы, следуя смелым!»

Ходсон возил эти письма из Лагора в Амбаллу, из Амбаллы в Курнаул. Он натер себе до пузырей кожу на ляжках, сжег под солнцем лицо и руки, но пощады у генерала не просил. Ходсон не знал усталости. Охранявшие его сикхи, при рожденные конники, на иных переходах едва поспевали за ним.

Ходсон носился по военным станциям, собирая сведения, налаживал коммуникации. Сикхи бросались, по слову Ходсона, туда, куда он указывал им.

Ходсон сказал сикхам, что мусульмане Дели ополчились на их веру.

– Шах делийский пробует свою силу, – объяснил им Ходсон, – он хочет

восстановить свой трон в его прежнем великолепии. Но шах не остановится на Дели. Мусульмане готовят поход на Пенджаб. Они задушат народ сикхов, опоганят их землю, заберут их пастища и места для охоты. Мусульмане ограбят жилища, осквернят храмы, а женщин увезут к себе и запрут в свою мусульманскую неволю.

Сикхи молча кивали головами. Они верили Ходсон-саибу, он был храбрый воин, он метко стрелял, рубил шашкой как прирожденный конник и, когда говорил с ними, смотрел им прямо в глаза своими светлыми немигающими глазами. Они верили ему. С молчаливой свирепостью они бросались выполнять его приказания. По одному его слову, они снимались с места и неслись вперед.

Ходсон был счастлив. Такой он любил войну: буря, поднимающаяся по слову команды и по слову команды затихающая.

Амбалла – Мирут – Курнаул... Сипаи, разбив оружейные склады, выходили из линий и поднимали знамя восстания. Крестьяне, построившись в отряды и взяв пики, бросали свои деревни и присоединялись к сипаям.

– Убивайте англичан, спасайте страну и веру!..

Власть британской короны объявили низложенной, индузы объединялись с мусульманами в этой народной войне.

Индузы, молясь, возливали воду Ганга, мусульмане клялись на Коране: «Джехад, джехад, священная война!»

Вся Индия поднималась, чтобы навсегда изгнать чужеземцев из пределов страны.

Совет генералов в Амбалле всё еще заседал.

Людей нет. Британская пехота – человек пятьсот, больше не соберешь. Власти на местах растерялись. С военных станций приходят тревожные вести. Оружейные склады под охраной одних лишь инвалидов. Кавалерии мало, лошади измучены. Провианта нет, ничего не готово. В одном месте орудия без людей, в другом – артиллеристы без пушек.

Генералы потели в палатках, курили до теми в глазах и не могли прийти ни к какому решению.

Удивительное дело: все пять генералов, заседавших при штабе, в Амбалле, спустя короткий срок были мертвы. Четыре из них умерли от холеры, и только один – на поле брани.

Этот хоровод смерти открыл сам командующий Ансон. Едва прибыв в Курнаул, он почувствовал недомогание. Вызвали лекаря, в штабе началось смятение.

Симптомы болезни не предвещали ничего хорошего.

– Холера! – определил штабной лекарь.

К полудню Ансон был мертв.

Командование армией временно перешло к следующему за Ансоном по старшинству и чину офицеру, человеку нерешительному и вялому, – генералу Барнарду. Холера и Барнарду подготовила саван, но отсрочила развязку на пять недель.

Военный совет решил соединиться с колонной полковника Вильсона в Мируте и идти на Дели.

Известие об этом Ходсон повез Вильсону в Мирут и привез ровно тридцать часов спустя, не сделав ни одного привала в дороге.

С огромными усилиями колонна Барнарда двинулась дальше.

Повстанцы передвигались быстрее английских регулярных войск: они не были обременены ни штабным багажом, ни походной канцелярией.

Жаркий бой задали войску Барнарда райоты двух безвестных деревень на Курнаульской дороге: в самый разгар дневной жары подожгли по обеим сторонам шоссе соломенные хижины своих селений. И на британцев обрушились сразу ружейный огонь, дыхание пожара и невыносимый жар полуденного индийского солнца.

Не столько солдат погибло от пуль, сколько легло на дороге от солнечного удара.

Всё же колонна Барнарда двинулась дальше и после двух мучительных переходов соединилась с колонной Вильсона.

Восьмого июня 1857 года, почти месяц спустя после занятия Дели восставшими полками, британцы разбили палатки своего лагеря за грядой невысоких холмов на север от городской стены.

Так начались бои за Дели.

Часть вторая

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ДЕЛИ

Глава тринадцатая

ДЖЕННИ ГАРРИС

Сырым и сумрачным мартовским утром старое транспортное судно «Оливия» отвалило от деревянных стен Арсенальной набережной в Лондоне. Две полевые батареи везла на борту «Оливия» и стрелков Восемьдесят восьмого ее величества пехотного полка – регулярное годовое пополнение Королевской армии в Индии.

«Оливия» торопилась: капитан хотел обогнать мыс Доброй Надежды, до того как наступит период бурь и жестоких штормов у мыса.

На борту военного транспорта был необычный пассажир – девочка двенадцати лет, Дженнни Гаррис. Дженнни ехала в Индию к отцу, полковнику Гаррису.

Капитан «Оливии» уступил Дженнни каюту своей жены, и Дженнни нравилась ее маленькая каюта с круглым оконцем и с подвесной койкой, которую вечером спускали, а на утро подтягивали под самый потолок. В сильную качку подвесная постель Дженнни отчаянно моталась из стороны в сторону и едва не ударялась о металлические скрепы стен. Детей, кроме Дженнни, на судне не было, и девочка сильно грустила вначале. Она не любила ни рукодельничать, ни шить, а разговаривать со взрослыми не смела. Дженнни бродила по судну, скучала, глядела на море, а иногда плакала, забравшись в подвесную койку своей маленькой каюты.

Майор Бриггс, старый офицер колониальной службы, начальник всего воинского состава на «Оливии», считал себя и свой состав на мирном положении, а потому весь день пил ром и брэнди, запервшись у себя в каюте, или поднимался на палубу стрелять морских чаек, летевших за кормой. Капитан Генри Бедфорд рома не пил, не читал книг, скучал безбожно всю дорогу и за обеденным столом подолгу рассказывал соседям о своем уютном доме в Бомбее, у Малабарского холма, где в большом бассейне в саду плавают удивительные рыбы, полосатые и звездчатые, тридцати четырех тропических пород. Бедфорд возвращался из Лондона в Индию после долгосрочного отпуска.

«Оливия» шла проливом, навстречу западному ветру, навстречу океанской волне. Маленькие острокрылые чайки летели за ее кормой и кричали резкими голосами.

На рассвете тусклого мартовского дня, ветреного и бурного, они вышли из пролива в океан, в жестокую качку Атлантики.

В этот рейс на «Оливии» был еще один необычный пассажир: невысокий человек в

гражданском платье, с несколько странным для европейца цветом лица, в белой войлочной шляпе шотландского горца. При нем была собака Сам – уродливая, черная, с пригнутой книзу тяжелой квадратной мордой, со злобным взглядом исподлобья и короткими кривыми ногами.

Человек в шотландской шляпе – его звали Аллан Макферней – постоянно носился по палубе с плотно набитым кожаным дорожным мешком и все хлопотал о том, чтобы этот мешок как-нибудь невзначай не подмочило водою.

Оба старших офицера, Бедфорд и Бриггс, с первого дня невзлюбили Макфернея.

– Заметили ли вы, Бриггс... – с беспокойством спросил капитан Бедфорд майора еще в первый день плавания. – Заметили ли вы, дорогой Бриггс, какая у этого человека шляпа?

– Заметил, Бедфорд! Безобразная шотландская шляпа.

– А фамилия, – сказал Бедфорд, – вы приметьте, какова фамилия; Макферней...

– Бессспорно, – сказал майор, – этот человек – шотландец.

– И значит, – не джентльмен. Шотландец не может быть настоящим джентльменом.

– Никогда! – с глубоким убеждением сказал майор Бриггс. – А цвет его кожи, Бедфорд!..

– Да, – сказал Бедфорд, – удивительная окраска кожи.

– Это не загар. Это печень...

– Конечно, – сказал Бедфорд. – Печень. Этот человек долго жил в тропиках.

– Представьте себе, Бедфорд, он пешком исходил всю Индию и весь близкий Восток. Мне рассказал об этом помощник капитана...

Майор приблизил к самому лицу капитана Бедфорда свои короткие седые, насквозь прокуренные бакенбарды.

– С какой целью, – вот что я хотел бы узнать! – хриплым шепотом сказал майор.

Бедфорд нахмурился.

– Мы с вами отвчаем, дорогой Бриггс, за воинский состав, перевозимый на «Оливии», за двести пятьдесят человек, за две батареи. Надо узнать, что это за человек.

– Да, и что он везет в своем дорожном мешке, – дополнил Бриггс.

Все первые дни путешествия дул резкий ветер, было холодно. Тучи легли на западе сплошной темной полосой. Солдаты зябли на своей нижней палубе, не защищенной от ветра и сырости; они шагали, ежась от холода, или лежали вповалку, прижавшись друг к другу. Дженни не отпускали на верхнюю палубу без теплого кашемирового платка или шали. К вечеру поднимался туман, такой густой, что колокол на носу «Оливии» непрерывно звонил, предупреждая идущие навстречу суда. Каждый вечер Дженни засыпала под этот звон, глухой, настойчивый и тревожный.

Скоро Дженни привыкла к «Оливии» и начала веселеть. Понемногу она приглядывалась к пассажирам. Ей сразу понравился Макферней. У него было темное, как пальмовая кора, лицо и синие глаза северянина. Глуховатым спокойным голосом шотландец часами беседовал со своим Самом, негромко, терпеливо, точно объяснял ему что-то, и пес в ответ тихонько повизгивал. Иногда Сам с хозяином спускались вниз, к корабельным кладовым, и здесь беседа шла уже среди коз и кроликов. Шотландец учил Сама не злиться понапрасну и равнодушно смотреть, как кролики кружатся в своей деревянной клетке, как худые корабельные козы тычут мордами в жерди загородки. Сам тихонько ворчал и старался не лаять даже на порослят.

Часто шотландец спускался на нижнюю палубу, где расположились стрелки. Здесь

у него скоро завелись друзья. Макферней подолгу разговаривал с матросами, с солдатами, с корабельными юнгами. Зато почти никогда не задерживался для беседы за обеденным столом, в кают-компании. А когда как-то раз здесь зашел разговор о генерал-губернаторе Индии, лорде Каннинге, и Макферней громко, на всю кают-компанию, объявил, что генерал-губернатор понимает в индийских делах ровно столько же, сколько его пес Сам в райских яблоках, – оба офицера, Бедфорд и Бриггс, окончательно возненавидели шотландца.

Западный ветер утих. Поднялся норд-ост. Огромные океанские волны обрушились на «Оливию». Судно то несло со страшной силой куда-то вниз, в провал между вод, то снова выкидывало наверх; старая шхуна скрипела и стонала, как перед страшным судом, пена и соленые брызги поминутно обдавали палубу.

Ночью волнение усилилось. Ветер ревел, в снастях, подвесные койки в каютах судорожно мотались из стороны в сторону. Дженни то соскачивала вниз, на пол, садилась на саквояж; и ее начинало носить по полу вместе с саквояжем и швырять о стенки; то снова забиралась наверх, в койку. Устав прыгать, как заяц, то вниз, то вверх, Дженни вышла в узенький коридор.

Глуховатый голос слышался из-за соседней двери. Это была каюта Макфернея. Шотландец не то читал книгу вслух, не то разговаривал с кем-то. С кем он так беседует? Дженни долго стояла в коридоре. Вдруг откатом волны судно сильно рвануло куда-то вбок, дверь каюты мистера Макфернея распахнулась сама собой, и Дженни неожиданно для себя влетела в каюту.

Мистер Макферней сидел у стола, склонившись над мелко исписанными листками. Он даже не оглянулся. Внимательно глядя на свои листки, шотландец бормотал вслух какие-то непонятные слова: «Санда... Сакра-Чунда...»

– Простите, мистер Макферней!.. – сказала Дженни.

Макферней обернулся и увидел ее смущенные глаза.

Он улыбнулся.

– Отлично! – сказал Макферней. – Вы можете заходить ко мне и без качки, мисс Гаррис.

– Спасибо, мистер Макферней! – Дженни убежала.

Только на десятый день утихло волнение на море. Ветер спал. Небо на закате было сине-оранжевое, воздух заметно потеплел. Когда зашло солнце, в море заплясали светящиеся рыбы.

Дженни долгими часами теперь сидела на палубе, глядела на море. Так недавно оставленная Англия уже казалась ей чужой, бесконечно далекой, ушедшей куда-то далеко за пятидесятую параллель, за грань холода и бурь. Всё чаще вспоминала она Индию, места, где родилась и провела первые годы жизни.

Дженни помнила белую ленту каменистой дороги, уходившей от стен их форта вниз по склону горы, темный мох на ребрах невысоких гор, плоские крыши горного селения. Она помнила большой внутренний двор их индийского дома, бассейн во дворе и индийских прачек у бассейна, – говорливых полуголых парней, весь день бивших у воды вальками. Она помнила свою няньку – пожилого индуза в синей чалме, с кроткими глазами, и кормилицу с убором из стеклянных бус на лбу и на груди; и как нянька и кормилица до четырех лет таскали ее на руках, а ординарец отца, суровый сикх с черной бородой, сажал ее в седло и водил на коне по двору. Дженни помнила волан – твердый маленький мяч, которым она играла в детстве, и круглую площадку перед домом, обсаженную платанами. Она помнила праздник «рождения непорочного

Кришны», так походивший на христианский праздник рождества, белые сахарные фигурки слонов, пони и обезьян, которыми индузы в этот день дарили друг друга, и порошок, которым они по обычаю обсыпали детей, пряный розовый порошок, так сладко пахнувший... Она помнила мохнатые рубашки пальм, колючую преграду кактусов позади сада, горячий ветер из степи, от которого прятались все в доме, и бледное лицо матери. Мать всегда грустила в Индии, у нее никого не было в этих местах, ни родных, ни знакомых; ее мучил горячий воздух Азии и пыль, она всегда мечтала о родине, о зеленых лугах Англии, о свежести и прохладе родного Норфолька. Мать грустила и кашляла: у нее была чахотка. Отца перевели в Аллигур, британский форт в самом сердце Индии, вблизи Дели, а они с матерью уехали в Англию; Дженнни тогда было девять лет. Мать уже ничего не могло спасти, — она скоро умерла. Дженнни осталась в Англии одна, без родных. Два с лишним года она провела в холодном, неуютном пансионе миссис Честер, где ее мучили длинными наставлениями за столом, из окон тянуло холодом и скучой, деревья в парке были так долго в снегу, и к концу зимы начинало казаться, что весна уже никогда не придет. А теперь капитан Бедфорд, старый друг отца, вез ее в Аллигур, в Индию.

Дженнни часами сидела на палубе и смотрела на море, на отсветы солнца на воде.

Март кончался. «Оливия» прошла Канарские острова. Становилось всё теплее, море было нежно-изумрудного цвета, ветер с суши полон ароматов.

«Еще два месяца, — думала Дженнни. — Два месяца, и я увижу отца».

Глава четырнадцатая **ШОТЛАНДЕЦ МАКФЕРНЕЙ**

Много дней «Оливия» шла в виду африканских берегов.

У Фритауна их снова трепала буря. Огромные волны перекатывались через палубу «Оливии». Все, кто мог, попрятались по каютам. Обедали сидя на саквояжах, тарелки с барабаниной держали на коленях. Все злились: качка надоела. К тому же кормить стали прескверно, — запас свежих овощей на «Оливии» кончился.

Один лишь майор Бриггс пребывал в прекрасном самочувствии. В качку он пил столько же, сколько в тихую погоду. Хмеляя, Бриггс еще сильнее багровел; лоб и щеки у него наливались кровью, но в ногах майор оставался тверд. Ровным громыхающим шагом он проходил вдоль всей верхней палубы, от носа к корме, и, уверенно подняв пистолет, целился в чаек, улетающих от бури.

— Одна!.. Две... — считал майор сбитую выстрелом птицу. Бах! Бах-бах!.. — Три... Четыре...

Вот так он расстреливал кафров в Южной Африке, когда еще молодым лейтенантом начинал свою службу королеве.

Потом Индия, поход 1848 года. Замиренных индусов Бенгала майор вел на немирных индусов Пятиречья. Брал крепость Мултан, а потом расстреливал и вешал одинаково и мирных и немирных.

После Индии — Крым, Восточная война. С Девяносто третьим шотландским горнострелковым полком Бриггс, в чине капитана, проделал всю Крымскую кампанию. Выдерживал натиск храбрых русских матросов под Балаклавой, был тяжело ранен в ногу под Севастополем и долго потом отлеживался в госпитале, в Дувре, где квартировал его полк.

Весною 1857 года шотландских горных стрелков послали в Шанхай усмирять несговорчивых китайцев, поддержать на дальнем азиатском востоке престиж

Британской империи, так сильно подорванный на Черном море во время Крымской войны. Бриггс не захотел ехать в Китай и запросился в Индию. И вот, в марте 1857 года его назначили сопровождать на борту наемного транспорта «Оливия» батальон пехотного полка, направляемый в Бомбей, на постоянную службу.

— Бомбей? Отлично! — хрюпал майор, беседуя с длинным унылым пастором Ленгстоном и с капитаном Бедфордом в корабельной столовой за трубкой крепкого зеленого табаку. Качка то утихала, то снова усиливалась, граненые судовые стаканы, подпрыгивая, ездили по столу. — Бомбейская армия — лучшая в Индии. Это не Бенгал, где офицеры с сорок второго года спят с пистолетами под подушкой! Вспомните, кто не хотел стрелять в сикхов под Мултаном и развалил даже бомбейские полки, прибывшие нам на выручку?.. Бенгальцы!.. Кто в бирманский поход отказался ехать морем в Бирму? Опять они, бенгальцы, Тридцать восьмой пехотный!.. И вышли сухие из воды; только тринадцать человек повесили из всего полка... Рота за роту, полк за полк — у них одна круговая порука. Я счастлив, что нас назначают в Бомбей!

Капитан Бедфорд согласно кивал головой. Он тоже был доволен.

Генри Бедфорд сумел дослужиться до чина капитана, ни разу за пятнадцать лет не перешагнув ров, отделяющий город Бомбей от окрестных джунглей. Всё убранство его бомбейского дома, ливреи слуг, блюда, подающиеся к обеду, — ничем не отличалось от убранства любого среднего дворянского дома на родине, в Англии. На рождество к столу подавался пудинг, точно такой же, как в добродушной старой Англии — настоящий рождественский пудинг с миндалем и изюмом и жирный гусь с яблоками.

Капитан привык к своей спокойной жизни в Бомбее, к уютному дому, к тому, чтобы слуга-индус на обходах нес над ним зонтик, а двое босых слуг бежали впереди, для защиты от змей. Он любил обеды в офицерском собрании, где повар с изумительным искусством умел сочетать добрый британский бифштекс с пряной индийской приправой, а после обеда подавали такое вино, какое подают только в Бомбейском артиллерийском... Капитан думал: «Эта жизнь будет тянуться бесконечно, безоблачной, радостной, спокойной полосой...» А Индия?.. Индусы?..

Бедфорд глубоко был уверен, что вся Индия существует только для того, чтобы доставлять англичанам изюм и рис для их рождественского пирога.

— Спокойствие, Дженнни! — любил повторять капитан Бедфорд. — Скоро приедем на место.

Теплые капли сырости оседали на платье, на снастях, на разогретых медных поручнях палубы; по ночам в море светились летающие рыбы. Большая Медведица пропала в небе, и Дженнни долго искала Южный Крест; ей показали несколько ярких крупных звезд прямо по курсу корабля.

На палубе было скользко от сырости; капитан велел разостлать от борта к борту веревочную сеть, чтобы нога не скользила при ходьбе. Легкий, как тень, шотландец Макферней, в своей белой войлочной шляпе с завернутыми назад полями, с мешком и палкой, как путешественник в походе, шагал от борта к борту. Пес Сам плелся вслед за ним на коротких кривых ногах, тыкаясь в палубу уродливой мордой.

Легким размашистым шагом, маленький, сухой и ловкий Макферней мерял «Оливию» много раз от носа к корме и обратно.

Как-то раз Дженнни попалась ему навстречу и отступила в сторону, чтобы дать дорогу. «Что у вас там, в вашем дорожном мешке, мистер Макферней?» — хотела спросить Дженнни, и не решилась... Она стояла перед ним, тоненькая, робкая, в зеленом платьице, в светлых косах, аккуратно перетянутых шелковой клетчатой

лентой. Макферней успел разглядеть ее глаза, застенчивые и любопытные.

— Добрый день, мисс Гаррис! — сказал Макферней и улыбнулся ей приветливо, как улыбался своим друзьям на нижней палубе.

Только поздно ночью, когда поднималась к зениту молодая луна и светящиеся полосы и брызги на море начинали бледнеть в ее белом, непривычно ярком для северян свете, Макферней спускался к себе. И тогда Дженнни вновь слышала странные слова, доносившиеся из его каюты:

«Дар-Чунда... — слышала Дженнни, — Сакра-Чунда — Дар... Бхатта-Бхаратта»...

Скоро ветер стих. Паруса бессильно повисли. «Оливия» колыхалась на слабой волне, почти не подвигаясь вперед. Настали мертвые дни, штиль.

Неизвестно откуда на палубе появились крысы. Может быть, на крыс оказывала действие теплая погода, духота, безветрие, оскудение продовольственных запасов на судне, — кто знает? Но только каждый день их становилось всё больше. Крысы ползли изо всех щелей и скоро так осмелели, что начали нападать на людей. Каждое утро в кают-компании рассказывали друг другу страшные истории: крыса откусила поваренку ухо, две огромные седые крысы напали на самого помощника капитана и обратили его в бегство; всю ночь крысы резвились в кубрике и объели у боцмана сапоги и кожаную куртку.

Бедного Макфернея тоже одолевали крысы. Он боялся не за себя: крысы грозили проесть его таинственный мешок. Кожу крысы грызли с особенной охотой. Макферней стал брать свой мешок даже в кают-компанию и за обедом пристраивал подле себя.

— Что вы так усердно бережете? — сухо спросил его майор Бриггс.

— Это мои корни, — рассеянно ответил шотландец.

Бриггс с презрением посмотрел на толстый кожаный мешок, набитый, должно быть, сухими корнями.

«Ботаник!» — подумал майор.

Как-то ночью Дженнни услышала спросонок, что кто-то хлопает дверьми и ходит по коридору. Сам повизгивал тихонько, стучал когтями по полу; потом всё затихло. Дженнни не спалось, она встала, вышла в коридор... В соседней каюте никого не было. Дженнни поднялась по лесенке наверх. На палубе было пусто, молодая луна светила ярко, как в Англии на севере в полнолуние. Неожиданный порыв ветра бросил Дженнни прямо в лицо несколько белых квадратиков плотной бумаги, исписанной какими-то значками. Сбоку, из-за судовых шлюпок, до нее донеслось глухое рычание. Дженнни повернула туда. Она увидела бедного Макфернея, мирно уснувшего подле шлюпки. Его кожаный мешок лежал рядом. Шотландец хотел уберечь свой мешок от крыс, но не уберег его от ветра. Неожиданно налетевший ветер шевелил листками бумаги, выпавшими из мешка, и разносил их по палубе. Сам глухо рычал у ног хозяина, не смея будить его.

— Мистер Макферней! — сказала Дженнни и легко коснулась плеча шотландца. — Мистер Макферней, проснитесь, пожалуйста!

Макферней проснулся и сразу сел. Палуба вокруг него, точно хлопьями снега, была усыпана белыми листками.

— Мои корни!.. — сказал Макферней. — Великий бог, мои корни!..

Он бросился собирать листки.

— Я вам помогу, мистер Макферней, — сказала Дженнни.

— Благодарю, мисс Гаррис, благодарю!.. — Руки у Макфериэя дрожали. — Корни,

мои корни!..

Он торопливо складывал листки обратно в мешок.

— Какие корни?.. — Дженни ничего не понимала. Она видела только плотные квадратики белой бумаги, исписанные непонятными значками: точки, кружки, стрелы, короткие и длинные черточки.

— С каким трудом я добывал их, мисс Гаррис! — сказал Макферней. — Я исходил все дороги и тропы Верхней Индии, пробирался сквозь леса и джунгли от селения к селению Пятиречья, ночевал у пастушеских костров, в лесных хижинах, в кочевьях гуджаров. Я слушал песни народа, я заставлял старииков пересказывать мне древние предания. Вот что я записал!

Макферней протянул свои бумаги, исчерченные непонятными значками.

— Двенадцать лет работы и скитаний заключены в этих листках, мисс Гаррис!.. Я записывал слова разных племен условными значками, понятными только филологам. «Небо», «земля», «отец», «облако», «воин», «огонь», «путь», «человек», «дерево»... Слова эти почти совпадают у многих индийских народов и все вместе восходят к санскриту, древнему языку Индостана. Англичане, прияя завоевателями в Индию, думают, что они покорили полудикое невежественное племя. Они ничего не хотят знать о культуре того народа, который обокрали. Мои листки расскажут им правду. Тысячевековая культура отразилась в этом языке... Санскрит — язык, более богатый, чем латынь, более совершенный, чем греческий, и родной брат и тому и другому!.. Вот они, корни слов!..

Листки дрожали в руках у Макфернея.

— Я всё соберу! — сказала Дженни. — Не беспокойтесь, мистер Макферней, ни один не пропадет.

Она побежала к борту за разлетевшимися листками.

Майор Бриггс в эту минуту вышел на палубу. Ровным громыхающим шагом он прошел к носу и остановился.

— Что за чертовщина? — спросил майор.

Он поднял с палубы маленький квадратик бумаги и поднес его к самому носу.

— Это что за значки?

— Транскрипция, — объяснил Макферней. — Это мои записи. — Он хотел взять у майора свой листок.

— Что? Транскрипция? — майор отвел за спину руку с крепко зажатым в ней кусочком бумаги. — Извините, мистер Макферней, но я вам вашей транскрипции не отдам. Я отвечаю за судно, уважаемый мистер Макферней, и я должен знать, что означают эти значки. Я должен прежде выяснить, не угрожают ли они престижу королевы и целостности Британской империи.

И майор, повернувшись по-военному, загромыхал по доскам палубы обратно к себе.

Дженни неспокойно спалось остаток ночи. Смутная тревога томила ее. Бриггса Дженни возненавидела с первого дня: хриплый голос майора, его тяжелая громыхающая походка и красные, как непрожаренный бифштекс, щеки приводили ее в трепет. Утром Дженни долго бродила по судну. С кем поговорить о том, что случилось вчера на палубе? Она постучалась к Бедфорду.

Генри Бедфорд сидел за походным столиком и писал. Он поднял на девочку удивленные глаза.

— Что такое, Дженни? — спросил Бедфорд.

Карие глаза Дженнини были полны беспокойства, а косы – в непривычном беспорядке.

– Ехать наскучило?

– Нет, мистер Бедфорд, не то.

Девочка рассказала капитану о шотландце и о майоре Бриггсе.

– Спокойствие, Дженнини! – сказал Бедфорд. – Просто ночная суматоха из-за крыс.

Он прошел в каюту майора.

Бриггс сидел над листком бумаги и яростно курил трубку.

– Дорогой Бедфорд, не можете ли вы объяснить мне, что это значит?

Он протянул Бедфорду листок, исписанный непонятными значками.

– Я всё узнал, – сказал Ёедфорд. – Этот Макферней не ботаник. Он филолог.

– Филолог? Тем хуже для него! А что, собственно говоря, это значит, Бедфорд?

– Филолог... – Бедфорд помедлил. – Это... это человек, который изучает разные языки... разные слова, что ли.

– Вот-вот, разные слова!.. Он разговаривает с матросами. Он беседует с поварами!.. Третьего дня он весь вечер провел на нижней палубе, говорил с моим ординарцем, и на его собственном языке!.. На ирландском!..

– Опасный человек! – сказал Бедфорд.

Майор взмахнул в воздухе таинственным листком.

– Ни одного дня! – сказал майор. – Ни одного дня я не потерплю больше присутствия этого человека на судне. Мы заходим в Кэптаун. Я велю капитану ссадить шотландца на берег, а начальник порта задержит его впредь до выяснения. С начальником поговорю я сам.

И майор решительно сплюнул на пол горькую табачную жижу.

Через два дня пассажиры «Оливии» увидели черные скалы, сильный прибой и пустынную бухту Кэптауна. Майор Бриггс самолично съехал на берег, вместе с помощником капитана судна. Он вернулся очень скоро, и сильно взволнованный. Новости, сообщенные ему начальником порта, были так неожиданны, что решительно все иные мысли, даже мысль о ненавистном шотландце, вылетели из головы майора. Он заперся с офицерами у себя в каюте.

– Бунт, – объявил майор. – Туземные войска взбунтовались в Индии. Вместо Бомбея нам приказано идти в Калькутту.

– В Калькутту?

– Да, в распоряжение командования Бенгальской армии.

Глава пятнадцатая

КАЛЬКУТТА

Теплый серый туман надолго скрыл из виду близкую землю. Когда туман рассеялся, пассажиры «Оливии» увидели красный глинистый срез высокого берега и буйную тропическую зелень над ним. Они были у Коморинского мыса.

Древняя бревенчатая деревянная башня пряталась в зелени на берегу – остаток старой фактории, выстроенной в этом месте португальцами почти три века назад. «Оливия» стала на рейде. Большой правительственный пароход, дымя широкой черной трубой, двинулся ей навстречу от берегового мола.

– Идут ли еще вслед за вами суда с войсками на борту? – спросили с парохода.

– Нет, – ответили с «Оливии».

– Приготовьтесь, мы берем вас на буксир, – просигналили с парохода.

Пароход пыхтел и стучал, посыпал «Оливии» клубы грязного дыма, но всё же шел быстро. Недели через три «Оливия» вошла в устье Хуггли, одного из рукавов огромной дельты Ганга. Они шли у правого берега и не видели левого, – так широк был Хуггли. Пассажиры «Оливии» столпились на палубе, глядя на незнакомые места. Дженни видела однообразный плоский берег, песчаные отмели, заваленные водорослями, омытые морским прибоем, кой-где хижины, как большие снопы лежалой соломы.

«Это ли Индия? – думала Дженни. – Где же пальмы?»

Показались и пальмы на другом берегу. Хуггли стал уже, извилистее, пальмы веселой рощей столпились у воды, среди зелени замелькали белые европейские дома. «Оливия» долго шла вверх по Хуггли, вслед за пароходом. Потом показались низкие индийские бенгало, сады, еще поворот, – голые беленые стены восьмиугольного форта, пушки и военные суда в порту.

– Вот и Калькутта! – сказал капитан Бедфорд.

В первый день Дженни ничего не увидала в Калькутте: ее пронесли в закрытых носилках, сквозь тесноту, говор и крик центральных улиц, в европейскую часть города. Капитан Бедфорд отправил Дженни к своей дальней калькуттской родственнице миссис Пембертон, а сам поехал в штаб.

Дом Пембертонов стоял в большом саду за зеленою оградой. По англо-индийскому обычаю все слуги в доме вышли гостье навстречу. Миссис Пембертон и ее сын Фредди дожидались у дверей. Фредди был в синей курточке с белым атласным воротником; миссис Пембертон – в легком белом кисейном платье, с низкой талией и пышными буфами, как носили дома в Англии лет за пять до того. Низкий дом был окружен верандой, а веранду прикрывали занавески из тростника, украшенного бусами. Всё колыхалось и слегка звенело под ветром.

– Сегодня хорошо, не жарко, ветер с моря, – сказала миссис Пембертон.

Она повела Дженни смотреть внутренние помещения дома. В полутемных комнатах было прохладно, на чисто выметенных глиняных полах лежали пестрые травяные половики – циновки, как их здесь называли. Маленькая Бетси, грудная дочка миссис Пембертон, висела в люльке в своей комнате, под белой кисейной сеткой.

– Москиты замучили Бетси, – сказала миссис Пембертон.

Подле двери, на половине, сгорбившись и скрестив ноги, сидел нянька – немолодой индус с серьгой в ухе. В уголке дремала на полу молодая кормилица. У самой люльки сидела на корточках третья служанка и дергала шнур большого веера, укрепленного под потолком на деревянной раме.

Маленькая Бетси заплакала, и миссис Пембертон прикрыла дверь.

На обед подали рыбу, зелень, бананы, тушеное мясо и сладкий рис. Блюда приносила молодая горничная-индуска в белом кружевном переднике и кружевной наколке на гладких черных волосах. Дженни никак не могла съесть всего, что ей накладывали в тарелку.

– У нас прежде была плохая горничная, – пожаловался ей Фредди. – Она разорвала на куски и закопала в землю замечательную куклу – подарок дяди Джона.

– Бог мой, от нашего Джона уже больше месяца нет писем, – вздохнув, сказала миссис Пембертон.

Самого мистера Пембертона не было дома: он уехал в порт по срочному делу.

Миссис Пембертон была рассеяна и весь обед почти ничего не говорила.

После обеда Фредди повел Дженни в сад.

— Мама очень грустна, — сказал Фредди. — Она боится за дядю Джона. Он уехал воевать с бунтовщиками.

Лейтенант Джон Томсон, младший брат миссис Пембертон, с самого начала восстания был отправлен в Ауд, в глубь страны.

В саду было тихо; зато в просторном дворе непрерывно шумели и сутились слуги. Белые и розовые магнолии цвели повсюду: и у террасы, и под окнами, и на пороге кухни. Среди полуголых слуг-индусов странным казался солдат-шотландец в полной кавалерийской форме: синяя куртка с медными пуговицами, высокая шапка в темных перьях и короткая шотландская юбочка над высокими сапогами кавалериста. Солдата с начала восстания приставили к дому миссис Пембертон для охраны.

Вечером из штаба приехал Бедфорд. Он привез новости.

«Командующего армией нет, — сказали ему в штабе. — Он еще в марте уехал в Симлу охотиться за тиграми».

Помощник командующего, генерал Герсей, растерялся. Связь с Верхним Бенгалом прервана. Почтовые кареты не ходят. На много миль за Аллахабадом повалены телеграфные столбы, перерезаны провода, сообщения нет.

Туземная Бенгальская армия воссталла вся, как один человек. Крестьяне заодно с повстанцами. Верхний Бенгал и Ауд в огне. Древняя столица отложилась. Повстанцы провозгласили шаха Дели главою нового правительства.

Что предпринять? Генерал Герсей шлет телеграммы своему начальнику, генералу Ансону в Симлу, но ответа не получает.

Куда девался Ансон? Неужели он так долго охотится на тигров? Может быть, телеграммы до него не доходят? Генерал-губернатор Индии, лорд Каннинг, шлет кружные телеграммы в Амбаллу, генералу Барнарду, с просьбой переправить их Ансону. Молчит и Барнард.

В такой момент командующий Бенгальской армией — он же верховный главнокомандующий всеми тремя армиями Индии — потерялся неизвестно где.

Восстание охватывает всё новые и новые области. Неспокойно и в Джанси, и в Сатара, и в Хайдерабаде. Раджпутана ненадежна, в Пенджабе брожение. Крепко держатся пока только Мадрас и Бомбей. Но никто не знает, что может принести завтрашний день.

— Святые небеса! А Калькутта? — сказала миссис Пембертон, выслушав Бедфорда. — Неужели и нам грозит то же самое?

— Спокойствие, дорогая!.. На помощь Калькутте идут европейские войска.

Прибытия «Оливии» с британскими стрелками и пушками в штабе ждали с большим нетерпением. Бедфорду сказали, что он может каждый день ждать приказа о выступлении в глубь страны. Но Дженни капитан об этом до поры до времени ничего не сказал.

На ночь Дженни отвели большую полутемную комнату с окном на веранду. Дженни уснула крепко, а утром ей рассказали, что ночью под самое окно кухни подбежал шакал, и повар отогнал его, швырнув сандалию в окошко. Никого в доме это не удивило: шакалы здесь постоянно бродили вокруг домов по ночам и выли, как собаки.

Глава шестнадцатая

УХОД ПАРИИ

Утро прибытия «Оливии» в порт было для майора Бриггса очень хлопотливым, но на этот раз Бриггс не забыл о Макфернене.

В полдень к нему пришел сержант Флетчер с таинственным сообщением.

— Пошел переодеваться, сэр! — доложил сержант.

— Наворачивает чалму под шляпу! — шептал он минуту спустя. — Посмотрите на него, сэр, он похож на туземца, одевшегося англичанином!..

— Тем лучше, тем лучше!.. — прохрипел майор.

Сошедший на берег Макферней, в своей широкополой шотландской шляпе поверх индусской чалмы, защищающей голову от жестокого калькуттского солнца, с темным как бронза лицом, в сандалиях, с мешком за плечами, действительно походил на индуза, одевшегося по-европейски.

Майор тотчас послал сержанта к начальнику калькуттской полиции.

Шотландец неторопливо побрел по улицам знакомой Калькутты, сквозь толчею Читпур-базара, мимо улицы Башмачников и улицы Ткачей, к площади Звезды, где был у него знакомый перс, продавец книг.

Войдя под навес персидской лавки, Макферней долго рылся в старинных связках книг, пахнущих кожей и пылью. Сам успел уснуть на улице у дверей. Когда шотландец вышел из полутемной лавки и зажмурился от ослепительного солнечного света, к нему подошли два полисмена.

— По распоряжению начальника полиции! — сказал один из них и положил руку на плечо Макфернея.

Шотландца повели. Мгновенно собралась толпа. Продавцы табака, ковров, орехов, бананов, рыбы, бросая свой товар, выбегали из лавок. Сам проснулся и кинулся вслед. Бедный пес! Он опоздал, он не смог пробиться сквозь плотную толщу босых ног: такая толпа собралась посмотреть, как саибы арестуют саиба.

Вся джелхана всполошилась, когда на тюремный двор привели саиба. Он носил индусскую чалму под белой шотландской шляпой и был смугл лицом, — но кто же в Индии не отличит англичанина от индуза? Саибы могли думать, что им угодно, но заключенные уже с первой минуты знали, что новый пленник — европеец.

За темное лицо и светлые с сединой клочья волос под смуглым лбом индузы прозвали нового заключенного Теманг Ори — барсук. Сам он называл себя Макфернеем.

Макферней, казалось, нисколько не был огорчен тем, что попал в калькуттскую тюрьму. Он очень быстро подружился с заключенными. С тибетцами, мадрасцами, сингалезами он говорил на их собственном языке. Скоро вся джелхана знала его быстрые шаги, клочки седых волос над загорелым лбом и добрые синие глаза.

Макферней приметил Лелу в первый же день. Длинная белая юбка с каймой и белый шерстяной платок, хитро завернутый вокруг головы и плеч, отличали Лелу среди других женщин.

— Откуда ты родом, девочка? — спросил Макферней.

— Раджпутана, — ответила Лела.

Макферней кивнул головой. Он знал эту страну. Но еще ни разу до сих пор не бывал в западной ее половине, где безводные степи преграждают дорогу путешественникам, где бродят на воле еще не вполне покорившиеся англичанам племена.

Вечером Лела сидела, скрестив ноги, на плитах двора и тихонько пела:

Белым сари прикрою лоб,
Белым сари закутаю плечи.
Далек мой путь, труден мой путь,
Далек мой путь до Дели...

Макферней присел подле нее и стал слушать.

Лела пела:

Леса стоят на пути.
О, Сакра-Валка!
Тигры бродят в пути.
О, Чунда-Сакра!..

Макферней встрепенулся.

– Где ты слыхала эту песню?

– В моей стране, – ответила Лела.

– И эти слова припева? Чунда-Сакра... Сакра-Валка?

Лела с удивлением смотрела на него.

– Разве ты их тоже знаешь?

– Знаю, – сказал Макферней. – И еще много других. Чунда-Натта – Дар...

Бхатта-Баруна...

Лела с испугом отодвинулась.

– Ты факир?

– Нет, – сказал Макферней. – Я узнал их из песен, из старых книг.

Макферней вынул свои листки.

– А как в твоей стране, Раджпутане, называют мать, сестру, отца? – спросил Макферней.

Лела сказала.

– Небо? Звезды? Океан?

– Самудра... – ответила Лела.

Макферней записал это слово.

– У вас в стране все так говорят? – спросил он Лелу.

– О, нет! – сказала девушка. – Моя мать знала слова, которые никто не знает.

– У кого же она им научилась?

– У моего деда, – шепотом сказала Лела. – Он факир... Он знает молитвы и заклинания, каких не знает никто в нашей стране, – даже самые старые старики. Он умеет заклинать змей, летучих мышей и крокодилов.

– Отлично! – сказал Макферней. – В заклинаниях лучше всего сохраняется древний язык.

Он спрятал свои листки.

«Отсюда, из Калькутты, я пойду в западную Раджпутану», – думал он.

Шотландец, казалось, нисколько не горевал о том, что его окружают высокие стены джелханы.

Зато сильно горевала о том Лела; она пела, сидя в своем уголку:

Высоки стены джелханы!..
Ой, высоки!
Недобрые глаза у сторожа,
Ой, недобрые!
Он стал у ворот и стоит,

Неподвижный, как сухой кипарис,
Он сдвинул ноги и никуда не уходит.
Узкая полоска земли осталась меж его ступней,
Едва приметная полоска.
Человек не пройдет по ней,
И даже суслик не проскочит.
Но змейка, маленькая крылатая змейка
С полосатым хвостом и гордыми глазами
Может проползти по ней.
Я хочу стать змеей,
Маленькой крылатой змеей
С полосатым хвостом и гордыми глазами.
Я проползу меж ступней сторожа,
Вырвусь на свободу, взмахну крыльями и полечу
Далеко, далеко от стен джелханы...

Лела очень сильно тосковала по свободе.

Несколько раз она пыталась напомнить Чандра-Сингу его обещание, но он только кивал головой, расписанной черными полосами, и таинственно улыбался.

– Терпи, Лела! – говорил Чандра-Синг. – Терпи. Ты – дочь нашего Панди.

Время проходило, и Чандра-Синг заметно веселел за своей глиняной оградой. Даже песенка его словно становилась живее. Как-то раз Лела разобрала слова, которые тихонько пел неприкасаемый:

Что вижу я там под деревом, белое, как мрамор,
И круглое, как тыква?
Может быть, это сладкий плод?..
Или, быть может, чалма праведника?..
Или белый, как кость, щит священной черепахи?..
Нет, это белое брюхо англичанина, набитое белым рисом!..

По двору шел саиб в пробковом шлеме, и Чандра-Синг снова мычал невнятно и раскачивался взад и вперед, не поднимая расписанного черной краской лба: «Нии... Нии...»

«Берегитесь, саибы, сыны саибов!» – точно говорил он этой песней.

Вести с воли долетали к Чандра-Сингу неуловимыми путями, – с полоской индийской бумаги, переданной ловким посланцем, через таинственный знак углем на беленой стене:

«Крепость Агра восстала, английский генерал разбит...»

Британцы бегут из городов и деревень Доаба...

Вся Индия поднимается, чтобы навсегда изгнать притеснителей из пределов страны».

Неприкасаемый веселел день ото дня.

– Этой ночью! – однажды шепнул Леле Чандра-Синг. – В полночь мы уйдем отсюда.

Лела не проглотила ни зернышка маиса, розданного в тот день на завтрак – так сдавила ей горло спазма волнения. Обрывком своей давно изодранной рубашки она перевязала запекшиеся раны на руках несчастной ткачихи из Бихара. «Ночью!» – твердила Лела про себя, но не решилась поделиться своей тайной с соседкой. К полудню она легла на солнечной стороне двора, обернув голову под платком мокрой

тряпкой, и пролежала так весь день, до заката. Жестокое солнце палило ей ноги и спину, в ушах у Лелы звенело, мутлилось сознание, — она не шевельнулась.

Тюремщик-афганец пнул Лелу ногой. Она не застонала.

— Что такое с девчонкой? — брезгливо спросил саиб в пробковом шлеме.

— Чумная или помешанная, — сказал афганец. — Лежит на солнце весь день, не шевелится. Без памяти, должно быть...

— Вынеси ее за первые ворота, Руджуф, — сказал саиб. — Если до ночи не очнется, вели увезти к чумным на свалку.

Афганец осторожно и брезгливо, как падаль, поднял худенькое тело Лелы и понес прочь.

Между наружными и внутренними воротами тюрьмы, в закоулке позади каменной будки сторожа, он положил ее на землю, чтобы на утро, если девочка не очнется, увезти ее на кладбище. Чума, частая гостья индийских тюрем, не была ему внове.

Лела пролежала между воротами несколько долгих мучительных часов. Когда стемнело и стража в последний раз обошла дворы, кто-то тихо подошел к ней. Чья-то рука сунула ей под платок измятую рисовую лепешку. Она узнала маленькую руку Макфернея.

— Спасибо, Макферней-саиб! — прошептала Лела.

В час накануне полуночи кто-то опять подошел и склонился над нею. Сильные руки подняли ее.

— Ничего не бойся! Молчи... — шепнул ей в ухо голос Чандры.

Он поставил ее на ноги, спиной прислонив к высокой каменной стене.

Лела услышала, как по стене, тихо шурша, сползает что-то. Это была веревка с двойной петлей на конце. Чандрасинг схватил петлю, растянул ее и продел подмышки Лелы. Он свистнул тихонько, за стеной ответили таким же свистом, и Лелу начали поднимать.

— Осторожно!.. Наверху шипы!..

Лела ухватилась за гребень стены, и тотчас острый железный шип распорол ей руку. Не вскрикнув, она перекинула ноги на другую сторону. Кто-то обнял ее за плечи. «Прыгай!» — сказали ей. Лела прыгнула в темноту. И тотчас ее подхватили несколько пар рук, сняли с нее веревочную петлю. Она стояла на дне глубокого рва, окружавшего тюрьму. Минуту спустя в ров спрыгнули и Чандра и тот невидимый человек, который был на гребне стены.

Колотушка сторожа затрещала где-то очень близко. Они поползли по дну рва, нашли в боковом его скате какую-то расщелину, перебрались в темноте через дурно пахнущий ручеек стока нечистой воды и вышли на пустырь. Здесь пригнулись к земле и побежали. Скоро их обступили дома, деревья, и еще задолго до наступления рассвета они укрылись в переулках старой Калькутты, где человека, как иголку, ищи — не отыщешь.

Глава семнадцатая В КАЛЬКУТТЕ ТОЖЕ НЕСПОКОЙНО

Прошло пять-шесть дней. Дженини уже не замечала ни вечно открытых дверей в доме Пембертонов, ни глиняного пола, ни сквозняка, ни жары, ни тростниковых занавесок. Ей казалось, что она так никогда и не уезжала из Индии.

На седьмой день утром, еще до завтрака, к Дженини в незапертую комнату торопливо вошла миссис Пембертон. Незавязанные ленты ночного чепчика в

беспорядке висели у нее по плечам. Фредди, бледный, держался за ее руку.

— Джордж сошел с ума! — испуганно сказала миссис Пембертон. — Заперся у себя в кабинете и никого не впускает.

— Вчера в контору ездил, брал с собой пистолеты! — прошептал Фредди.

Дженни пошла с ними к двери кабинета мистера Пембертона, в другой конец дома. Мистер Пембертон не ответил на стук.

— Это мы, Джордж! — молящим голосом сказала миссис Пембертон.

Что-то тяжелое звякнуло за дверью кабинета и покатилось по полу.

— Папа, открой, это мы! — закричал Фредди.

Дверь отворилась. Но мистера Пембертона Дженни разглядела не сразу. В комнате было полутемно: хозяин наглухо закрыл внутренние ставни. Рядом с дверью валялась массивная чугунная фигура охотника, которой мистер Пембертон, не надеясь на запоры, припирал дверь. Два пистолета со взвешенными курками мрачно поблескивали на его письменном столе. Подле зажженной свечи лежала кучка золота и банковых билетов. Сам мистер Пембертон, отложив в сторону груду деловых писем, нервно считал золотые монеты.

— Что такое, Джордж? — растерянно спросила миссис Пембертон. — Ты всё забрал из банка домой?

Мистер Пембертон поднял глаза.

— Банк ненадежен, — сказал он. — В банке готовится заговор. Весь запас золота индусы хотят объявить собственностью индийского народа.

— Бог мой, возможно ли это? — Миссис Пембертон заломила руки.

— Возможно, — сказал мистер Пембертон. — Вчера я видел телеграмму в штабе. Всё золото Ост-Индской компании, которое хранилось в Индийском банке Дели, повстанцы объявили собственностью народа.

— Святые небеса! Золото Ост-Индской компании?.. Они разорят половину Англии.

Миссис Пембертон плотно прикрыла дверь и стала помогать мужу считать монеты.

— Никто не знает, что может произойти каждый день, — сказал мистер Пембертон. — Индусские грузчики в порту уже отказались грузить рис на мои пароходы. В этой стране никому нельзя доверять, даже собственным слугам.

В тот же день в доме Пембертонов уволили всю мужскую прислугу: конюхов, лакеев, поваров, садовых рабочих. В служении остались только женщины и подростков не старше тринадцати лет.

Мистер Пембертон ездил в штаб и просил у генерала еще двоих солдат для охраны своего дома. Один встал на страже у порога кухни, другой — у садовых ворот.

Фредди добыл себе маленький деревянный пистолет и с утра до вечера носился с ним по саду, пугая птиц.

— Я всех бунтовщиков перестреляю! — грозился Фредди.

Из дома Дженни никуда не отпускали: в Калькутте было неспокойно. После восьми вечера на улицах гасли редкие масляные фонари и город погружался в кромешную тьму: военное положение. Напуганные вестями о восстании, англичане не выходили из домов без охраны европейских слуг. Балы и собрания были отменены. Выезжая по утрам в конторы, калькуттские купцы укладывали в кареты по две пары заряженных пистолетов.

— Скоро откроются тюрьмы, и заключенные захватят лучшие дома английского квартала! — пугали британцы друг друга.

Туземный гарнизон Калькутты наскоро разоружили. Но это никого не успокоило.

Офицеры и чиновники переводили свои семьи в Вильямс-форт, под защиту фортовых пушек.

— В самом форту заговор, — шептались в городе. — На монетном дворе готовится взрыв... О чем думает генерал-губернатор?

Лорд Каннинг уверял, что всё спокойно. Его белое и гладкое, как мрамор, лицо оставалось на приемах таким же бесстрастным, как прежде, а супруга генерал-губернатора, леди Каннинг, каждое утро по-прежнему выезжала в своей карете на прогулку по главной аллее Приморского парка.

Беженцы из глубины страны приносили ошеломляющие вести. Вся Верхняя Индия в огне, к восставшей столице присоединяются другие города и военные станции. Отдельные кучки англичан по всей стране блокированы повстанцами. Мятежный раджа Битхурский, Нана-саиб, зовет под свои знамена мусульман и индусов Доаба — земли между Гангом и Джамной. Английский генерал Хьюг Уилер терпит бедствие в Каунпуре; войска Нана-саиба осадили его и жмут с четырех сторон; индусские пушки обстреливают Лакнау, и тамошний резидент Генри Лоуренс шлет отчаянные мольбы о помощи ко всем военным станциям Пенджаба и соседних провинций.

Лорд Каннинг наконец связался с командующим кружным путем, через Амбаллу.

— Ударить немедленно по Дели, по самому сердцу восстания! — приказывал генерал-губернатор.

Он не знал, что у генерала нет войска, что он не может сделать по стране даже короткого перехода: крестьяне отказывают в продовольствии. В каждой деревне его ждет засада, лошадей и верблюдов нечем кормить, обозная прислуга разбегается... Лорд Каннинг не знал, что англичане, осаждающие Дели, терпят большие потери, и, кажется, скоро сами превратятся в осажденных.

В конце июня замолчала Аgra — старинная, хорошо укрепленная крепость на рукаве Джамны, южнее Дели.

Неужели и в Агре восстали туземные полки?

Вот когда началась настоящая паника в Калькутте.

... Мы повернем свои штыки,
Мы опрокинем саибов с гор,
И потопим их в море, —
В море, из которого они пришли...

Власти англичан в Индии, казалось, наступал конец.

Лорд Каннинг больше никого не уверял в том, что всё спокойно. Он посыпал отчаянные письма в Лондон, требовал войск. Войск из Бирмы, из Персии, с Цейлона. В Бомбее выгружались мадрасские стрелки, — лорд Каннинг просил срочно переправить их в Калькутту. Транспорты с британскими войсками отплывали из Лондона в Шанхай кружным путем, вокруг Африки, — лорд Каннинг слал срочные отношения в Кэптаун и на Коморинский мыс с просьбой останавливать в пути все военные суда с войсками на борту и направлять их к нему в Калькутту.

«Нам очень нужны европейские войска. Но если европейцев нет, — шлите хоть малайцев», — писал он в Коломбо, на остров Цейлон.

Командование растерялось. Оно рассыпало один приказ, а через два дня отменяло его другим. Капитана «Оливии» так торопили у Коморинского мыса, а сейчас корабль вторую неделю стоял, не выгружаясь, в калькуттском порту и ждал новых распоряжений.

Лорд Каннинг никак не мог решить вопрос: отправлять прибывших на «Оливии»

солдат в мятежный Бенгал или оставить их для защиты самой Калькутты.

В последних числах июня из Бирмы, наконец, прибыл в Калькутту полк европейских солдат, переправленный из Рангуна. Вскоре вверх по Хугли поднялись паровые суда с мадрасскими стрелками. Командовал стрелками Джордж Нэйл, — тот самый, который во время недавней войны с Россией служил под началом сэра Роберта Вивьена в англо-турецких частях на Черном море, учили турок обращению с британским оружием, а сам учился у них жестоким турецким приемам расправы с покоренными и пленными.

Калькуттцы повеселились: помощь, наконец, начинает подходить.

Прошло еще несколько дней, и майор Бриггс увидел на ступеньках калькуттской пристани свой шотландский полк, хайлэндских горных стрелков, старых знакомых по севастопольской кампании. Хайлэндцы плывли в Китай, но их перехватили в пути и вместо Шанхая повезли в Калькутту.

Индусы-носильщики в порту раскрывали рты, глядя на короткие юбки шотландских стрелков, на их рыжие бороды и голые коленки.

— Женщины? Или дьяволы? — пугались индусы. — Нет, ни те, ни другие. Должно быть, какие-то еще невиданные в наших местах полулюди-полузвери.

Майор Бриггс получил в штабе назначение в свой старый полк. Джордж Нэйль раньше других отплыл со своими мадрасцами вверх по Гангу. Нэйл торопился, он хотел поскорее применить при усмирении индийского восстания уроки, полученные им у турок.

Так продолжалось недели полторы. Капитан Бедфорд ждал приказа о выступлении. Дженини сидела взаперти за тростниковыми занавесками пембертоновской веранды. Еще в первый вечер их прибытия в Калькутту в дом Пембертонов прибежал Сам, пес шотландца Макфернея. Должно быть, он нашел путь по следу мистера Бедфорда. Сам жалобно визжал и терся о ноги Дженини, точно прося ее о чем-то. Дженини приютила собаку у себя.

Прошло еще дня три. Рано утром солдат, охранявший наружные ворота дома Пембертонов, увидел перед собой индусскую девушку-подростка в длинной белой запыленной юбке, в белом платке, прикрывшем черные кудрявые косы, в браслетах из синих стеклянных бус на обеих руках.

Солдат нахмурился. Ему строго было приказано никого из туземцев за ограду непускать.

— Зачем ты в сапогах? В такую жару! — тоненьkim певучим голосом спросила девушка.

Солдат ничего не ответил.

— Сними сапоги! — сказала девушка. — Ноги сопреют.

Солдат переступил с ноги на ногу.

— Проходи! — хмуро сказал солдат.

— Я тебе говорю: сними! — настаивала девушка. — Хочешь, помогу?

В ту же секунду она лежала ничком на песке у ног солдата, ухватившись за правый сапог.

— Прочь! — сказал солдат, отряхая ногу. — Уходи, негодная девчонка!

— Ухожу! — ответила Лела. Она проскользнула между ног солдата и мгновенно исчезла в туче зеленого кустарника, обступившего зеленую ограду сада с внутренней стороны. Оглянувшись, солдат не увидел ничего, кроме пустой входной аллеи сада и кустов, разросшихся вокруг нее.

В то самое утро Дженнни, проснувшись, вышла из сада. В доме еще только поднимались. В дальнем углу сада, под большим разросшимся платаном, она увидела чьи-то маленькие босые ноги. Под деревом кто-то стоял, укрывшись в густой листве.

Едва Дженнни подошла ближе, смуглая рука в синем стеклянном браслете раздвинула ветви и быстрый певучий голос спросил:

– Ты Дженнни, дочь Гаррис-саиба?

– Да, – ответила Дженнни. И тотчас навстречу ей из-под дерева выскоцила смуглая девушка-индуска.

– Твой друг Макферней-саиб заперт в джелхане! – быстрым шепотом сказала девушка. – А ты гуляешь по саду и ничего не знаешь, ай-ай!.. – Девушка всплеснула руками. – Сегодня его будут судить на суде саибов. А что, если судья велит бить его плетьми до трехсот раз? Или назначит испытание рисом?.. Скорее иди, спасай своего друга!

– Мистера Макфернея будут судить? За что?

– За то, что он добр и дружит с нами... За то, что он говорит с нами на нашем языке. За то, что он жалеет наш народ, – торопливо говорила девушка. – Саибы не любят этого.

– Где же он? Как мне найти его?

Звонкий мальчишеский голос в эту самую минуту прозвучал под деревьями неподалеку, послышался топот детских ног. Это Фредди катил по саду свой обруч.

Девушка тотчас исчезла в густой листве.

– Где же я найду мистера Макфернея? – еще раз растерянно спросила Дженнни.

– В джелхане! – ответил ей из листвы придушенный шепот. – На базаре спроси, где джелхана. Всякий скажет.

Вернувшись в дом, Дженнни собрала все деньги, какие у нее были: двухфунтовую бумажку, когда-то подаренную отцом, четыре серебряных шиллинга и немного мелкой монеты. Сам, точно поняв что-то, ткнулся ей в колени толстой печальной мордой. Дженнни привязала ремешок к ошейнику собаки и вышла с нею за ограду.

Миссис Пембертон хватилась Дженнни только ко второму завтраку. Где Дженнни? Слуги обыскали дом и сад, – Дженнни нигде не было. Маленькая гостья потерялась! В три часа дня капитан Бедфорд прислал своего ординарца с известием: приказ о выступлении получен, надо готовиться к отъезду. Дженнни не нашлась и к обеду.

– Ее похитили заговорщики индусы! – объявил мистер Пембертон. К половине седьмого миссис Пембертон уже лежала в своей комнате с уксусной примочкой на лбу. В семь часов явился сам Бедфорд.

– Спокойствие, Маргарет! – сказал капитан, увидев растерянное лицо миссис Пембертон и, не спросив ее ни о чем, прошел в гостиную.

На помощь к нему скоро пришел майор Бриггс, и оба уселись над картой.

Мистера Бедфорда назначили сопровождать поезд тяжелых осадных орудий, отправляемый из Калькутты на Помощь британским войскам, осадившим Дели.

Предстояло выбрать маршрут следования поезда, а это было не так просто.

Бриггс, ползая с трубкой по карте Индостана, усыпал крепким зеленым табаком всю северную половину полуострова, захватил и Непал, и даже кусок Бирмы.

– Сложнее всего – Верхний Бенгал! – огорчался Бедфорд.

– Ауд и соседние провинции еще сложнее, – хрипел Бриггс.

– Спокойствие, дорогой майор, – твердил Бедфорд. – Давайте по порядку.

Динапур?

- В Динапуре взбунтовался Тридцать второй пехотный.
 - Так. Пошли обходом. Бенарес?
 - В Бенаресе брожение.
 - Там ведь есть полроты британских солдат!
 - Была! – возразил майор. – Мы не знаем, что с нею сталоось.
 - Дальше! Аллахабад?
 - Из Аллахабада добрые вести. Там! уже прошел со своим отрядом Джордж Нэйл.
 - Значит, от Аллахабада идем сушей, к северо-западу, насквозь через Доаб. Как обстоит на левом берегу Джамны?
 - Погодите! Тут еще Лакнау по пути.
 - В Лакнау, дорогой майор, дела нехороши. Британский гарнизон блокирован мятежниками.
 - Великий бог! – простонала миссис Пембертон. – Наш Джон в Лакнау!..
 - Спокойствие, Маргарет!.. На выручку нашим силам в Лакнау спешит генерал Хавелок.
 - Он уже давно спешит. И всё не может дойти.
 - Это не так просто, дорогая. Все военные станции взбунтовались на его пути. Что же у нас дальше?..
 - Аллигур.
 - Да, Аллигур, и мой друг Дик Гаррис. А где же Дженни? – вдруг вспомнил Бедфорд. – Мы еще не решили, как с нею быть.
 - Дженни?.. Я... я не знаю, где она, – с усилием выговорила миссис Пембертон.
 - В эту самую минуту Дженни появилась на пороге гостиной.
 - Я нашлась, миссис Пембертон! – сказала Дженни.
- Соломенная шляпа Дженни сбилась на затылок, ленты висели незавязанные, оборки платья измялись и запылились, точно она подмела ими половину Калькутты. Но лицо Дженни сияло. Ей удалось выручить из тюрьмы Макфернея.
- Шотландец представил суду документы: Аллан Макферней родом из Эдинбурга. Однако обвиняемый был темен лицом, как слишком зрелый плод банана, а толпа туземцев, собравшаяся под дверьми суда, приветствовала его, как приветствуют индусы своего ученого человека – «пундита». Судья был смущен. Индусского происхождения, в сокрытии которого обвинялся Макферней, никто доказать не мог. Один только темный цвет кожи еще не является преступлением, даже по британским законам в Индии. Как быть?.. И тут явилась Джеральдина Гаррис, британская подданная, с поручительством за обвиняемого. Два фунта стерлингов, предложенные ею в залог за Макфернея, показались судье, несмотря на несовершеннолетний возраст поручительницы, достаточно солидной суммой.

Судья отпустил Макфернея на свободу «впредь до выяснения всех обстоятельств дела».

- Хорошо, что ты нашлась, Дженни! – сказал мистер Бедфорд. – Аллигур нам по пути. Каковы вести из Аллигура, Бриггс?
- Из Аллигура вестей нет.
- Значит, там всё спокойно. Собирайся, Дженни, я отвезу тебя прямо к отцу.
- Бог мой! – простонала миссис Пембертон.
- Спокойствие, Маргарет! Будьте британкой. Охрана у нас надежная: пятьсот стрелков королевской пехоты. Будь готова, Дженни, мы выступаем завтра в шесть утра.

Глава восемнадцатая **ВЕСЕЛЫЙ ТОЧИЛЬЩИК**

Чандра-Синг привел Лелу в узкий переулок за водокачкой. Здесь он смыл со лба черные полосы парии и обернул голову синей полосой ткани – обычный убор крестьянина Нижнего Бенгала.

Чандра взял Лелу за руку и повел узкой улицей, мимо стен калькуттского Арсенала, к Главному Базару.

День еще только начинался. В богато разубранных лавках раскладывали товар купцы. Пышные ковры занавешивали входы в лавки, цветущее дерево с ветвями и листьями начиналось на одном ковре и продолжалось на соседнем; павлины перья распускались на другом; на нежно-желтом ворсистом поле третьего цвели красные квадратные розы. Здесь были ковры Измира и ковры Каджраха, ковры Ирана и Бухары. Серебро и чернь спорили светом и тенью на рукоятках кинжалов; художник, склонившись у входа в лавку, тонкой кистью чертил по ткани, выводя всё тот же, из столетья в столетье повторяющийся узор: лепестки розы, хвост дракона и его изогнутые лапы. Здесь был шелк матовый и синий, блистающий, как кристаллы в серебре, была многоцветная парча и шали белой шерсти, знаменитой кашмирской шерсти, белоснежной и легкой, как лебяжий пух.

– Не сюда! – сказал Чандра-Синг. Он вел Лелу дальше.

Они вышли на небольшую, заставленную навесами лавок пятиугольную площадь, похожую на звезду. От площади, как пять лучей звезды, расходились пять узких улиц: улица Медников, улица Кузнецов, улица Шерстобитов, улица Седельников, улица Гончаров. Шум оглушил Лелу, голоса, скрежет и стук. Медники стучали в свои тазы и тарелки, кузнец гулко бил молотом по маленькой переносной наковальне.

– Подайте, подайте голодному! – кричали нищие.

– Деньги, деньги меняю! – выкрикал меняла, сидя на земле у большой кучи серебряных и медных монет; водоносы предлагали воду из кожаных мехов, позвякивая медными чашками над ухом проходящих; продавец пшеницы сыпал зерно на медную тарелку весов, отгоняя нищих и воробьев.

Притихнув, слегка оробев, Лела шла вслед за Чандрой-Сингом.

В седельном ряду Чандра-Синг остановился. Приглядевшись, он подошел к одной из лавок и молча стал выбирать среди товара, повешенного у входа, кожаный мех для воды.

– Ты задумал стать водоносом, Чандра? – окликнул его из лавки низкий гудящий голос.

Черная с проседью борода шорника просунулась меж конских хомутов, повешенных над дверью.

– Вода в жару – ходкий товар! – лукаво крикнул в ухо шорнику Чандра. – Приходи в ашхану, к старому Патхи-Лаллу, всё узнаешь.

Он выбрал небольшой мех с нашитыми поперек белыми полосами и протянул хозяину деньги.

Но шорник отвел рукой его руку.

– Рассчитаемся в ашхане, – улыбнувшись, прогудел шорник.

Чандра-Синг с Лелой пошли дальше.

Они остановились в восточном углу площади. Из низких растворенных на улицу дверей ашханы шел вкусный запах. Чандра-Синг вошел. Спустив платок до самых бровей, Лела пробралась вслед за ним и села в уголку, на земле.

— Салаам!.. — прижав руку к сердцу, к губам и ко лбу, хозяин ашханы еще издали приветствовал Чандра.

Чандра-Синг молча приложил ладонь к груди, улыбнулся и сел на пол, поближе к хозяину.

Хозяин был плешиый, коротконогий, с открытой розовой безволосой грудью, с сиреневым цветком за ухом. Он подмигнул Чандра, как доброму старому другу.

— Издалека идешь? — вполголоса спросил хозяин.

— Пешком дойдешь, на коне не доедешь, — загадочно ответил Чандра.

— Ворота на запоре, ров глубок? — засмеялся хозяин.

Чандра-Синг кивнул головой. Хозяин был догадлив.

— Мы давно ждем тебя, Чандра-Синг! — снова, понизив голос, сказал хозяин.

Котел с варевом кипел подле него, на железной треноге.

Хозяин приподнял крышку котла. Крепкий запах обжег Леле ноздри, даже голова закружилась. Рис с пряным красным перцем и молотым чесноком варился в кotle.

— Сначала еда, потом беседа! — подмигнул хозяин и разлил кишари по медным плошкам. Лела и Чандра начали есть, а хозяин подозвал к себе слугу в плоской малиновой шапочке и быстро сказал ему несколько слов. Слуга убежал. Лела слышала, как его босые ноги протопали по земле за тонкой стенкой ашханы.

Торопясь, Лела глотала крепко пахнущую перцем похлебку. Хозяин смотрел на нее.

— Сестра? — спросил хозяин.

— Дочь. — Чандра улыбнулся.

— Ты молод, Чандра, для такой дочери.

— Дочь друга, — объяснил Чандра-Синг, — то же, что моя дочь.

— Так. — Хозяин вздохнул. Он взял пустую плошку из рук Лелы и налил ей еще кишари.

Двое людей вошли в ашхану: нищий стариk, в высокой шапке, за ним второй, помоложе, в одежде брамина.

Оба сели на глиняный пол недалеко от входа.

Брамин был строен, худ, темные глаза неподвижно глядели с продолговатого красивого узкого, точно срезанного вдоль щек, лица. Говоря, он протягивал ладонь вперед молитвенным жестом, как саньяз¹³ в храме.

— Я видел седьмое лицо бога, — говорил брамин. — Глаза Вишну закрыты, но веки его говорят... — Он сложил руки вместе, ладонь к ладони. — Глаза Вишну точат слезы о судьбе своей страны. Битхур, Джанси, Сатара... Трон за троном низвергаются в Индии. Преступления британцев превысили всякую меру. Наши древние властители, наследные принцы, сыновья и внуки раджей, стали слугами презренной жены, королевы Виктории. Дети гордых пантер едят нищенский хлеб из руки врага!.. Демон-притеснитель хочет лишить нас свободной веры, веры отцов...

Стариk, пришедший с ним, закивал головой. Он сидел спиной к Леле, она не видела его лица.

— Кровь Индостана еще не остыла, — глухим, полным гнева голосом говорил брамин. — Пламя вздымается из жертвенной чаши, пламя мщения!.. Наследный принц Битхура, Нана-саib, поднял старое знамя махрантов против трижды преступных иноземцев...

¹³ Саньяз — служитель в индийском храме, брамин по рождению.

Никто, кроме старика, не слушал брамина. Хозяин ашханы и Чандра-Синг, оба внимательно глядели через распахнутые двери на улицу, словно ждали чего-то.

Скоро в белом залитом солнцем четырехугольнике распахнутых дверей появился человек.

Человек вытирая пот со лба: он тащил с собой точильный станок, а жара была велика. Точильщик установил свой станок на плитах мостовой, под самыми дверьми ашханы, вынул короткий нож с широким лезвием и пустил станок в ход.

– Ножи, ножи точу! – звонким голосом кричал он.

Лела видела его лицо, молодое, веселое, с темными бровями, полузаиспанными пылью, летящей от точильного камня. Глаза точильщика улыбались.

– Ножи точу, ножи! – весело кричал парень. – Ножи точу, кинжалы, шашки, тюльвары, – всё, что рубит, всё, что колет, всё, что кровь выпускает из врага... Ножи точу, ножи!..

Позвякивал ножик в руках веселого точильщика, еле слышно шуршали, вращаясь, точильные камни, голубые искры летели из-под широкого лезвия.

– Ножи точу, точу ножи!..

И точно по чьему-то знаку в полупустую ашхану начали сбираться люди. Мрачный чернобородый шорник, которого Лела видела на базаре, переступил порог, со связкой конских уздечек на плече; два молодых гончара, наскоро вытирая руки, еще испачканные глиной, пробрались в самую глубину, поближе к хозяину; старый ткач с глазами, красными от шерстяной пыли, сел на землю подле самого Чандры и сложил на коленях сухие, изъеденные работой руки.

– Долго же ты не приходил, Чандря! – вздохнул ткач.

Разговор пошел вполголоса. Ткач пригнулся к самому уху Чандры.

Двоих людей у входа – брамин с печальным узким лицом и старики в высокой шапке – не уходили.

– Я знал Нана-Джи в дни его молодости, – мечтательно уставив глаза, говорил брамин. – Великий Брама привел меня быть свидетелем его юношеских игр. Нана-саиб воспитывался в Брахмаварте, и юная Лакшми-бай, позднее супруга Джансийского раджи, играла с ним в детстве. Ей было семь лет, ему – восемнадцать... Я помню, как, восходя на слона, Нана брал девочку на руки и они мчались вдвоем по священному лесу...

Старик молчал. Но по тому, как он вдруг перестал есть, Леле показалось, что старики внимательно прислушиваются к беседе Чандры с ткачом.

Неожиданным холодком, точно предчувствием беды, вдруг заныло сердце девушки. Грязный, запыленный затылок старика и его высокая шапка показались ей знакомы.

Хозяин ашханы, Патхи-Лалл, тоже внимательно, рассматривал гостя.

Чандра-Синг заговорил громче в своем углу, и Патхи-Лалл недовольно заворочался у жаровен.

– Не отдавай своих слов чужим ушам, Чандря! – шепнул Патхи-Лалл. Он осторожно показал Чандре глазами на старика. – За последнюю неделю наши люди в Калькутте поймали четверых храмовых нищих с тайными донесениями для саибов.

– Знаю, знаю, Патхи!.. Я еще не заел в джелхане мой разум гнилой чечевичной похлебкой, – ответил Чандря.

Он заговорил с шорником.

– Всё было готово, Чандря! – мрачным басом гудел шорник, наклонившись к самой

щеке Чандра-Синга. Туговатый на ухо шорник не умел говорить тихо: как ни умерял он свой гулкий низкий голос, всё же отдельные слова долетали и до других. – Всё было готово, Чандра! – гудел шорник. – Мусульмане клялись на Коране, индузы возливали воду Ганга. Весь Читпур-Базар был вооружен, даже чамары из нижних рядов были в заговоре. Арсенал, форт и монетный двор Калькутты можно было без труда захватить в одну ночь. Но гончие собаки англичан дознались, и за день до срока саибы сменили всю стражу в форту, поставили двойные дозоры, гарнизон весь начисто разоружен. Саибы расставили своих людей по базарам, по баням, по всем местам, где собирается народ. Они подкупили всех храмовых нищих. Даже по зенанам, по женским половинам домов, искали заговорщиков саибы.

– Сыны шакалов! – тихонько выругался Чандра.

Лела не слушала разговора. Она рассматривала неподвижное лицо брамина, серебряную пряжку, скрепляющую над лбом его белоснежную чалму. Слуга подал рис на медном блюде и ломти баранины, запеченной в яйце. Старик жадно начал есть. Но брамин не дотронулся до мяса.

– Великий Брама сам отметит избранника для борьбы, – сложив ладони, говорил брамин. – Исполняется пророчество Калидасы. У кого на теле объявятся полосы, – тот веруй, повинуйся и жди...

Старик закивал головой, и Лела с удивлением смотрела, как его высокая шапка послушно следует каждому движению головы и не сползает ни на лоб, ни на затылок... Косой луч солнца из распахнутой двери лег на голову старика, и Лела поняла, что эта странная шапка сплетена из собственных его волос – омертвевших волосяных жгутов, кой-где перетянутых пестрым шнуром. Невольно Лела отвела взгляд.

Жарко было в ашхане. Сильный жар шел от котлов, от углей, потрескивающих в большой жаровне. Не стерпев духоты, девочка откинула с лица свой белый платок, открыла смуглые щеки и черное крыло волос.

Лела не столько увидела, сколько почувствовала, что кто-то в упор смотрит на нее. Она подняла глаза и встретила вонзившийся прямо ей в лицо знакомый зоркий взгляд из-под изъеденных язвой век.

Тот самый старик!.. Факир, которого она так боялась!

Прикрывшись платком, наклонясь к коленам, Лела замерла подле Чандры, не смея дохнуть.

Больше года прошло с той поры, знак на лбу Лелы уже давно побледнел, стал почти неприметен, может быть, старик и не успел его разглядеть?..

Нет. Она видела, что факир теперь уже откровенно, в упор глядит на нее, на Чандру, на шорника с черной бородой.

Лела решительно потянула Чандра за руку.

– Чандра, нам надо отсюда уходить!..

Чандра не слушал ее. И тут, к счастью для Лелы, точильщик на улице остановил свой станок и спрятал нож. Полуголый мальчишка-мехтар вбежал в ашхану. Быстрым взглядом окинув низкую комнату, он тотчас узнал Чандра и подбежал к нему.

– Чандра-Синг, иди скорее, – зашептал мальчишка, – к тебе издалека пришел человек с важными вестями. Он ждет тебя на улице Оружейников, на старом месте...

Чандра, заторопившись, пошел к выходу. Лела пошла вслед за ним. Она боялась оглянуться.

– О, Чандра, какой страшный старик!.. Я так боюсь его! – уже выйдя на улицу,

сказала она.

– Да, да! – сказал Чандра. Он всё заметил и тоже думал о старике-факире, но совсем по-иному.

Глава девятнадцатая

ВЕСТНИК ИЗДАЛЕКА

Чандра-Синг вел Лелу дальше, в восточную часть города. Они прошли тесными кривыми улицами, где навесы домов сходились над головой, по зловонным лужам, по переулкам, где даже днем было темно, сквозь невообразимую нищету и грязь индусского квартала Калькутты, и остановились у какого-то низкого каменного строения без окон, похожего не то на склад, не то на брошенную мастерскую. Внутри, в полутемноте, их дожидалось несколько человек. Один, немолодой индус в одежде крестьянина, весь запыленный, словно после долгого пути, с избитыми в кровь ногами, встал навстречу Чандра-Сингу.

– Привет тебе, Чандра! – сказал крестьянин. – Я принес вести из страны Двух Рек.

Он подал Чандра свернутый в трубочку листок плотной индийской бумаги.

Чандра-Синг прочитал молча, очень внимательно, потом сказал:

– Хорошо. Теперь расскажи мне, что ты сам видел и слышал, Ордар-Синг.

– Много видел и еще больше слышал, Чандра! – ответил крестьянин. – Большая война идет в нашей стране, в землях Доаба. Пятьдесят вольных полков вышли в поле, чтобы сразиться с солдатами королевы. Воды Ганга и Джамны уже потемнели от крови. Нана-саиб, раджа Битхурский, крепко запер британцев в Каунпуре. Генри Лоуренс, старый обманщик, брат Джона Лоуренса и сын змеи, надежно окружен в Лакнау. Жестокий Нэйл, генерал-саиб, убийца стольких индусов, пришел на помочь своим и уставил виселицами весь берег Ганга от Бенареса до Аллахабада. Недаром имя его на языке саибов означает «железный гвоздь». Но вся туземная пехота ушла от генерала, и старый боров Нэйл вязнет со своими пушками в непроходимой трясине...

– Добрые вести, Ордар-Синг! Рассказывай дальше!..

– Наш Дели стоит крепко. До двадцати тысяч крестьян и вольных сипаев уже собралось в крепости, и каждый день приходят новые и новые. Тяжкие беды терпят саибы под Дели.

– А большой саиб? Генерал над генералами? Ансон?

– Не дошел до Дели генерал Ансон, умер в пути.

– Пуля? – спросил Чандра-Синг.

– Холера.

– Хайза? Холера? Она опять пришла к вам, злая болезнь?

– Голод, – сказал Ордар-Синг.

– Голод. – Чандра-Синг кивнул головой.

Слишком много трупов плывет по Гангу. Слишком много людей умирает в стране, – голод. Оттого хайза, страшная болезнь – холера, снова, как семь лет назад, начинает шагать по полям Индии.

– Рассказывай дальше, Ордар-Синг!..

– Каждый день саибы собираются на совет. Сердца их печальны: стены Дели высоки и крепки, а больших пушек у саибов нет. Новый генерал-саиб просит помощи у своей королевы, но везти войска из страны ферингов кружной дорогой вокруг жаркой африканской земли – слишком долго, а ближним путем, через Красное море, не пускает египетский султан.

«Наши посланцы ходили в Пешавар и дальше, в патанские земли. Патаны в своих землях, в Афганистане разнесли слух, будто королева ферингов, Виктория-ханум, прислала письмо с приказом: всех мусульман в Индии обратить в христианство. Слух этот дошел до египетского султана, и египетский султан сказал:

«– Виктория-ханум обратит в христианство правоверных Индии, а потом начнет добираться и до правоверных моей страны. Пускай феринги привозят свои войска в Александрию, я поставлю пушки на берегу и не пропущу их войско через мою страну!.. Так сказал египетский султан.»

Все засмеялись.

– Хорошо придумали афганцы! – сказал Чандра-Синг.

– Саибы хотели поссорить афганских мусульман с мусульманами Дели, а потом и тех и других – с индусами всего Доаба, – продолжал Ордар-Синг. – Лазутчиков засылали в город.

– Ну, и что же?

– Не разбили нашей дружбы саибы. О, сейчас у нас все заодно, по всей Верхней Индии, и мусульмане и индузы. «Разве у нас с вами не один Коран и не одна Кибра?» – говорят мусульмане афганских земель своим братьям, нашим мусульманам в Дели. – «Разве у нас не один враг и не один противник?» – говорят индузы мусульманам. «Один и тот же зверь терзает сердца детей и нашего и вашего народа. Вы говорите на языке урду, а мы на хиндустани, и всё же мы хорошо понимаем друг друга. Как охотники в деревне, став плечом к плечу, всей страной, мы должны устроить облаву на тигра и прогнать его из нашей земли».

– Хорошо говоришь, Ордар-Синг!.. – сказал Чандра-Синг. Он с улыбкой качнул головой.

– Очень злы саибы, – продолжал Ордар-Синг. – Они сами укрепили наш Дели, сами сложили, несколько лет назад, тысячи бомб и ядер в делийские подземные кладовые. Они видят, что им теперь ни силой, ни хитростью не одолеть делийцев. На последнем совете решили: просить Калькутту собрать большие пушки и повести орудийный поезд под стены Дели.

– Орудийный поезд? – сказал Чандрасинг. Лицо его стало серьезно.

– Да, и этот поезд уже выходит в путь.

Хайдар, молодой мусульманин-оружейник, с красивым лицом, измазанным копотью, вступил в разговор.

– Все, что были тяжелые гаубицы у нас в Дум-Думе в пушечной мастерской, вошли в поезд, и много больших мортир из Вильямс-форта. Капитан Бедфорд поведет поезд, уже есть приказ.

– Каково прикрытие? – живо спросил Чандрасинг.

– Королевские стрелки, человек пятьсот, орудийная прислуга вся наша.

– Так. Очень важная новость, – сказал Чандрасинг. – Ты говоришь, поезд отправляется скоро?

– Да. Завтра или послезавтра. Приказ уже есть.

– Орудийный поезд не дойдет до Дели, – сказал Чандрасинг. – Слишком далеко...

Чандрасинг усмехнулся.

Все смотрели на него.

– Его остановят в пути, – договорил Чандрасинг.

– Да!.. Да!.. – подхватили все. – Нельзя пропустить большие пушки к стенам Дели.

– Наши должны узнать. И узнать вовремя.

– Я пойду! – сказал крестьянин, принесший письмо.

– Нет. – Чандра-Синг поглядел на его босые ноги, избитые о дорожные камни. – Ты издалека пришел, Ордар-Синг, тебе надо отдохнуть. Ты, Хайдар?.. Ты мне нужен для другого дела, в твоей мастерской... – Чандра-Синг перевел взгляд, и глаза его остановились на Леле.

Лела смело встретила взгляд быстрых серых глаз Чандры.

Чандра-Синг помедлил.

– Пойдет девушка! – сказал он. – Девушка сделает всё, что нужно.

– Пускай она будет осторожна! – сурово сказал крестьянин, принесший письмо. – Ходсон-саиб...

– А-а!.. Тощий саиб? – раздались голоса. Даже здесь, в Калькутте, многие слыхали о нем.

– Ходсон-саиб сколотил недавно в наших местах секретный корпус и называет его: «Туземные разведчики». Не знаю, чем он платит своим разведчикам, – золотом или ложью, – только хитер тощий саиб; видно, мать его дружила с дьяволом. Люди Ходсона узнают, где что делается, и доносят ему.

– Изменники!..

– Сыны бесчестных отцов!..

– Намак-Харам!.. Ломающие соль! – с презрением сказал Чандра-Синг.

«Намак-Харам» – ломающий братскую соль, нарушающий общую трапезу, изменник, – этим словом клеймили тех, кто продался англичанам.

– Они всюду! – сказал Ордар-Синг. – На базаре, на улице, в курильне, в бане, на мосту, на почтовой станции... Они узнают, кто куда идет и зачем. Они расспрашивают детей, женщин. Пускай девушка будет осторожна!

– От Бенареса ее повезут в лодке, – сказал Чандра-Синг.

Лодка ждала Лелу под прикрытием древесных ветвей, в стороне от храмов и людных мест. Лелу усадили под травяной навес, и, оттолкнувшись от берега, лодка пошла вверх по течению.

Лодочники держались вдалеке от левого берега, и Лела издали глядела на храмы Бенареса. Удивительные здания столпились на берегу. Одни походили на выложенный из камня огромный улей со срезанной верхушкой, другие изогнули во все стороны углы многоскатной кровли, облепленной фигурами, третьи, тысячелетней давности, расползлись по земле каменным полукружьем, заросли травой и могучими деревьями. Здесь был индусский храм Духа, и знаменитая мечеть Аурангзеба. и полуразрушенный Непальский храм. Река круто поворачивала к северу; уже не одну милю проплыла лодка вверх по течению, а храмы всё виднелись на берегу, новые и новые. Здесь были храмы всех индийских религий. Сюда приходили молиться и брамины, и джайны, и верующие в Будду, и магометане. Большие парусные лодки и малые челноки проплывали по реке навстречу Леле. К храмам священного города плыли и шли паломники из всех городов Индостана. Часто вниз по реке спускалась небольшая лодка, на ней был устроен шатер из широких листьев банана, переплетенных цветами; внутри шатра сидел покойник, спеленутый как кукла и завернутый в желтую ткань: это везли в Бенарес хоронить брамина.

Много дней Лела слушала удары весел по воде, плеск реки и негромкий говор лодочников. Она сидела тихо под плотным травяным навесом, прижимая к груди бамбуковую палочку, полую внутри, с двух концов запечатанную воском. В палочке было письмо, которое ей поручили передать. Она повторяла про себя наставление

Чандра-Синга:

— Пойдешь вверх по реке, правым берегом, — сказал ей Чандра, — с того места, куда привезет тебя лодка. Увидишь песчаный откос и одинокое дерево, тамаринд, над самым откосом. Здесь сверни в лес, иди прямо на север лесом, не бойся ничего. Увидишь плешины в лесу, выжженные места, иди дальше через плешины. Костры увидишь, опаленный лес; не бойся костров, не бойся горелого леса, иди всё дальше, дальше. На лужайке в лесу увидишь пустой оставленный храм, храм обойди и тропинкой с правой стороны выйдешь к деревне. Посреди деревни — круглый копаный пруд. Смело иди к большому дому у пруда, спрашивай начальника, джемадара. Выйдет начальник, скажи ему: «Тигр идет на водопой». А он тебе ответит: «Охотник ждет в кустах». Тогда отдавай джемадару запечатанную палочку с письмом, он будет знать, что с нею делать.

«Тигр идет на водопой, — повторяла про себя Лела. — Что это значит?»

Никто не мог объяснить ей значения этих слов. Лодочники гребли день и ночь, хмуро переговариваясь между собой, они даже не глядели на Лелу.

У стен Аллахабада лодка из мутных вод Ганга вошла в светлые воды Джамны. Здесь начиналась земля Доаб — страна Двух Рек, огромным треугольником легшая между Гангом и его притоком Джамной. Течение здесь было быстрое, лодка боролась со встречной струей. Бамбуковые заросли на берегу сменились безлесной равниной, потом пошли холмы, колючий кустарник, и снова леса.

Через много дней лодка остановилась у песчаного мыска, где в воды Джамны вливался какой-то узкий безыменный приток с поросшими лесом берегами. Лела простилась с лодочниками и вышла на берег. Чандра-Синг дал ей три серебряные рупии на дорогу. Две из них Лела отдала лодочникам: они всю дорогу делились с нею хлебом. На третью рупию она хотела купить еды в прибрежном селении.

Но первая встретившаяся ей на краю селения крестьянка — худая, истощенная — покачала головой.

— Спрячь свои деньги, девушка! — сказала крестьянка. — Ты не найдешь во всей деревне и горсти риса. Здесь прошел недавно отряд саибов. Только труху и мусор оставил их войско по крестьянским кладовым... На, возьми хоть это!..

Она положила ей в ладонь горсть белой сущеной мякоти саговой пальмы.

— Спасибо, сестра! — сказала Лела.

Женщина взгляделась в цветной узор на ее белом платке, в прозрачные синие браслеты на сожженных солнцем смуглых руках и спросила:

— Куда ты идешь, раджпутанка?..

— К родным, в дальнее селение, — ответила Лела.

— Не ходи правым берегом! Перейди речку вброд, иди левым. Солдаты саибов бродят по правому берегу.

— Спасибо, сестра! — сказала Лела.

Она пошла вверх по реке, лесистым правым берегом, как сказал ей Чандра-Синг.

Глава двадцатая

ПУШКА „ПОЛКОВНИК ВИЛЬСОН“

Инсур взял себе в помощь только двух человек: Лалл-Синга и молодого оружейника Заству, из бывших рабочих Арсенала.

Брошенные штурмовые лестницы валялись вокруг взорванного здания Арсенала, камни, рваные стальные полосы фризовых заграждений. Наружные ворота чудом

сохранились, сохранились и железные брусья, защищавшие их изнутри.

За воротами была мертвая тишина.

Инсур с товарищами взобрались на навороченную взрывом груду камней и осторожно спрыгнули вниз.

По ту сторону стояли две поврежденные взрывом пушки. Мертвец, давно иссохший, в форме лейтенанта королевских войск, валялся рядом.

Они шли дальше, пробираясь среди почерневших камней.

— Вот! — сказал Лалл-Синг и с улыбкой откинул носком сандалии обгорелый уголок сержантского обшлага. — Всё, что осталось от сержанта.

— Не смейся! — сурово сказал Инсур. — Сержант поступил как храбрый человек.

Лалл-Синг замолчал.

Они спустились в подземелье. Оружейник шел впереди.

Запах сырости и смерти ударил им в ноздри. Инсур остановился.

Город отдаленно шумел над их головами. До самого рассвета не затихал шум на людных улицах Дели, — на улице Водоносов и улице Оружейников, улице Ковровщиц и улице Кузнецов. Красные куртки пехотинцев и голубые конных соваров пестрели в переулках и на площадях. Крестьяне стали табором на Конном Базаре. В домах богатых купцов притихли, стало шумно на площадях.

Повстанцы стекались в крепость со всех концов Верхней Индии. «Дели, наш Дели!» — Это имя повторяли, как призыв. Древняя столица первая подняла знамя большого восстания, и теперь оно охватывало всё новые и новые области. Сюда стремились райоты из восставших деревень, сипай из дальних и близких военных станций. По плавучему мосту через Джамну тряслись крестьянские повозки, в полном боевом порядке проходили полки. Иной раз целая военная станция, поднявшись в одну ночь, выходила в поход и прибывала в Дели.

На Серебряном Базаре до поздней ночи не гасили огней, сипайская вольница шумела, располагаясь на ночлег.

«Держаться старых знамен, каждый сипай при своей части!» — выбросили лозунг повстанцы. На базаре так и расположились: восточный угол — Девятый полк, южный — Тридцать седьмой.

Все различия рангов были уничтожены. «Каждый, кто обнажил меч в этой священной войне, достоин равной славы!» — объявили сипай.

Серьезная опасность грозила повстанцам Дели. Инсур знал это лучше, чем кто-либо другой: в крепости было слишком мало пороха и снарядов. Пушки на стенах Дели каждый день грозили замолчать из-за недостатка ядер и бомб. Запасы пороху и боевого снаряжения решали сейчас судьбу восстания.

Британцы взорвали центральное здание Арсенала. Но Инсур помнил: в старом Арсенале были потайные кладовые в боковых ходах, отделенные от центральных многофутовой каменной кладкой, тысячепудовыми гранитными плитами и землей. Может быть, не всё уничтожено взрывом.

Все трое медленно подвигались вперед. Откуда-то сбоку просачивался слабый свет. Ласкар-оружейник останавливался каждую минуту и приглядывался к развороченным плитам.

— Может быть, здесь! — сказал Ласкар и остановился.

Лалл-Синг откинул землю лопатой. Обнажилась большая, почти уцелевшая плита. На ней — литые буквы незнакомого слова.

Инсур долго разглядывал буквы.

Язык англичан он знал хорошо. Но это слово было ему незнакомо.

Может быть, слово было французским? Бахадур-шах когда-то держал при дворе советника-француза, искусного в артиллерии.

Инсур надавил ногой на левый угол плиты, и камень поднялся. Согнувшись, Инсур вполз в узкий потайной ход, за ним – остальные.

Здесь было совсем темно. Через пять-шесть шагов Лалл-Синг споткнулся о какой-то ящик.

Ласкар осторожно засветил огонь.

Темными блистающими рядами, как арбузы в подвале перса, в ящиках потайной кладовой были сложены пушечные ядра и бомбы.

– Опусти плиту и приметь место! – сказал Инсур ласкару. – Теперь у наших пушек надолго хватит снарядов.

Но Ласкар шел дальше, в глубь кладовой.

– Здесь должны быть большие орудия, – сказал ласкар. – Большие орудия из Дум-Дума.

– Из Дум-Дума?

Много лет назад, когда Инсур еще только начинал свою солдатскую выучку, его приставили к пушечной мастерской Дум-Дума, что под Калькуттой. Они отливали тогда в мастерской тяжелые крепостные орудия, двадцатичетырехфунтовые гаубицы. Он прекрасно помнил: гаубицы посыпали в Дели для усиления старой крепости.

– Ты прав, Застра! – сказал Инсур. – Но может быть, эти пушки покалечены взрывом?

Ласкар покачал головой:

– Нет, пожалуй, они здесь, в боковой кладовой. Большие пушки, во много пудов весом. На них и надпись была – «Дум-Дум» – и имя саиба, который ведал их изготовлением. Резная надпись, красивая, с узором, как кружева. Я помню...

– Ищи! – сказал Инсур.

Они пошли дальше. На этот раз Инсур шел впереди. Земляной ход вел кверху. Слабый свет снова начал просачиваться над их головами.

– О, дьявол! – в полутьме Инсур больно ушиб колено о какой-то выступ. Он ощупал предмет рукой.

– Огня!

Забывая об опасности, Лалл-Синг чиркнул о подошву серной спичкой. Это был лафет большой пушки.

– Нашли! – закричал Инсур. – Большая крепостная гаубица!

Он нашупал на казенной части металлические буквы.

«Дум-Дум. 1846», – прочитал Инсур при слабом свете спички. «А рчдэйл Вильсон».

Вильсон! Ну, конечно! Как он мог забыть? Полковник Вильсон тогда был начальником мастерских Дум-Дума, и на вновь отлитых пушках гравировали его имя. Тот самый Арчдэйл Вильсон, который сейчас засел лагерем под Дели!..

– Приметь место и пойдем отсюда! – сказал Инсур. – Я пришлю людей за орудием.

На площади Арсенала Инсур постоял минуту-две, глубоко вдыхая свежий воздух утра. Потом пересек площадь и большими прыжками поднялся по земляному скату на свой Кашмирский бастион.

На север от городской стены, за грядой невысоких холмов укрылись белые палатки британского лагеря. Британцы называют «Хребтом» эту гряду холмов, свою

единственную защиту. Вот уж больше сорока дней они удерживают за собой небольшой уголок равнины между Джамной с одной стороны и высохшим каналом – с другой. У них нехватает ни людей, ни пушек, чтобы окружить город и начать правильную осаду.

Больше того, они не могут даже помешать подвозу продовольствия и подкреплений в город. Много раз пытались британские артиллеристы втащить свои пушки на Хребет, и каждый раз великолепный и точный огонь Кашмирского и Речного бастионов заставлял их снова прятаться за холмы. Инсур усмехнулся: всего лишь несколько лет назад англичане сами усилили старые укрепления: углубили ров перед городской стеной, возвели гласис – крутой земляной вал, защищающий стены крепости от орудийного обстрела, – поставили пушки на воротные башни. Теперь им остается только смотреть на мощные стены Дели из-за своих холмов и щелкать зубами с досады.

– Многие из ферингов уже сами рады были бы свернуть свои палатки и уйти, – не раз доносили разведчики Инсуру. Но полковник Вильсон упрям, он сел за Хребтом и не хочет уходить.

Долго смотрел Инсур на оголенные холмы, на круглую башню в центре Хребта. Подле башни шевелились черные фигурки людей.

«Погоди, полковник Вильсон! – думал Инсур. – Скоро мы угостим тебя из твоей собственной пушки!»

Глава двадцать первая

„СТАРЫЕ БЕЛЫЕ РУБАШКИ ЛОРДА ЛЭЙКА“

Худой Лалл-Сингов конек с трудом вскарабкался на холм по каменистой тропе. Гаррис остановил конька подле круглой башни в центре холма. В конце концов, конь служил ему не так уж плохо, а лучших в британском лагере нет. Не хватает лошадей даже в кавалерийских частях.

Отсюда, с Ладловской вышки, хорошо видны были высокие белые зубчатые стены, башни и бастионы осажденного города.

Осажденного?.. Трудно сказать, кто больше похож на осажденных: повстанцы в крепости или королевские войска, засевшие за холмами.

Каждый день их тревожат то с правого, то с левого фланга, режут коммуникации, не дают подвезти продовольствие, боевые припасы. По ночам сипай выкатывают из ворот крепости легкие пушки, подтягивают их почти к самому Хребту и обстреливают лагерь. Чуть ли не каждую ночь приходится перетаскивать на новое место палатку самого командующего, повстанцы очень метко стреляют. Генерал уже заболел от трудов и огорчений, он не знает, у кого просить помощи: связь с Калькуттой прервана, генерал Колльвин в соседней Агре блокирован мятежными войсками, единственная дорога, связывающая их с Пенджабом, – Курнаульское шоссе – всё время под угрозой. Каждую ночь на шоссе засады; только покажется британский конный пикет, его тут же на месте уложат засевшие по бокам дороги крестьяне. Ни в самом лагере, ни на шоссе нет покоя ни днем, ни ночью. Куда ни ступишь в этой стране, – земля горит под ногами. А тут еще малярия, холера, солнечные удары... Проклятое пекло!..

Но сегодня – большой день. Сегодня из Пенджаба наконец прибывает подкрепление – настоящие войска – старый британский королевский корпус «Белые Рубашки».

Знаменитый корпус! Полвека назад, еще при лорде Лэйке, «Белые Рубашки» брали

приступом эту самую крепость Дели. Ни один королевский полк индийской службы не сравнится с «Белыми Рубашками» храбростью в бою, выносливостью, привычкой к тропическому солнцу.

«Старые Белые Грязные Рубашки лорда Лэйка», — называют их в Пенджабе за светлосерые дымчатые мундиры, на которых точно осела пыль тропиков за столетие.

С небольшим запасом довольствия в ранцах, с шестьюдесятью патронами в сумке у каждого, они проделали двести миль за девяносто часов, под июльским солнцем, и к полудню вышли на Курнаульское шоссе, в нескольких милях от лагеря.

Только сейчас прискакал верховой: «Белые Рубашки» очень бодры, поют свою отчаянную песню — «Джонни, мой мальчик», — и меньше чем через час будут в лагере.

Гаррис ждал их прибытия, стоя на вышке в центре Хребта. Снизу к нему поднялся лейтенант Франк. Они видели какое-то движение на ближайшем участке городской стены, недалеко от Морийского бастиона.

Значит, повстанцы уже проведали о приближении «Рубашек»?

— Не туда смотрите, полковник! — Франк указывал правее, в сторону Кабульских ворот.

Ворота были открыты настежь. Большой отряд сипаев выходил из крепости с барабанным боем, как на параде.

— И пушки тащат за собой! Глядите!

Сипаи выкатывали из ворот легкие полевые пушки. Горожане сутились вокруг, помогали солдатам.

Облачко пыли поднялось далеко на Курнаульской дороге. Это шли «Рубашки».

— Внимание, Франк!..

Частая ружейная пальба неожиданно донеслась откуда-то слева. Навесы давно опустевшего загородного Птичьего Рынка у самого шоссе вдруг ощетинились ружьями.

— Повстанцы!

— Как они забрались туда?

— Должно быть, вышли из крепости еще с вечера и залегли.

— И с другой, с другой стороны! Глядите!

Красные куртки туземных солдат, точно из земли возникнув, выросли вдоль сухого ложа канала и вперебежку понеслись к шоссе.

— Франк, это наш взбунтовавшийся Девятый!

— Да, аллигурцы!.. Они, они!..

... Джонни, мой мальчик, не езди в Индию.

Индия слишком от нас далеко!..

донеслось с шоссе. Это шли «Рубашки». Аллигурцы, забегая с канала, отрезали им путь.

Пушечные ядра взметнули землю на шоссе, по ходу «Рубашек», и дальше за поворотом дороги. Песня оборвалась. Защелкали ружейные выстрелы.

Далеко позади «Рубашек» по шоссе подтягивался большой обоз из Пенджаба, с мукой, сахаром, лекарствами, вином, патронами, одеждой.

— По обозу бьют!..

— Знают тактику, подлецы!..

Сипаи уже добежали до шоссе. «Дэ-эн! Дэ-эн!» — разнесся боевой клич индусов. Рукопашная пошла прямо на дороге. Пушки замолчали.

— Ого, как дерутся! — сквозь зубы заметил Франк.

«Мои всегда были отчаянные храбрецы!» – чуть не сказал Гаррис, но спохватился.

– Разбойники! – сердито выговорил он.

– А там?.. Святой Патрик, что же там такое?

За холмом, справа от шоссе, – большое облако пыли. Кто это скачет наперерез? С гиканьем, с обнаженными шашками? Наискосок через равнину, всей лавиной обрушившись на шоссе, скакали конные совары.

У Гарриса перехватило дыхание.

«Сейчас отрежут дорогу в лагерь!..»

На шоссе началась такая свалка, что трудно уже было что-либо разобрать. Гаррис видел только, как смешались светло-серые мундиры королевских солдат с красными куртками пеших сипаев. А совары с гиканьем шли наискосок, отрезая «Рубашкам» путь к мосту через Нуджуфгурский канал.

Гаррис сбежал с каменных ступенек башни.

– За мною, Франк! – крикнул Гаррис, забывая о том, что лейтенант пеший. Он вскочил в седло и дал шпоры своему коню.

«Рубашек» теснили, сгоняли с мощеного шоссе на изрытую трещинами сухую равнину.

Гаррис скакал к шоссе, напрямик через россыпь камней, через заросли колючей травы.

Главное, чтобы «Рубашки» успели вовремя прорваться к мосту через канал. Тогда они еще смогут укрыться в лагере за Хребтом.

«А, черт, повстанцы отрезают обоз!..»

Всё смешалось на шоссе. «Белые Рубашки», прыгая через опрокинутые повозки, спасались кто куда мог, – к каналу, в ров, в густой кустарник. Упряжные волы мычали и рвались под обстрелом, натягивали постромки, опрокидывали обозные фуры. Раненный снарядом слон, яростно трубя, всей громадой туловища обрушился на землю, подминая людей, животных. Не поспевая к мосту, «Рубашки» кидались в воду, тонули, бросали оружие, коней.

«Белые Рубашки» бегут!.. Гордость Верхней Индии, старый королевский корпус... Бегут, бросая оружие, обоз, полковое имущество... Боевое снаряжение, походные койки, лекарства, ром, рис, – всё, что прислали из Пенджаба... Позор!..

Гаррис ощутил теплую струйку крови у себя над ухом. Когда это его задело? Он и не заметил.

Верблюды, роняя тяжелые выюки, разбегались по равнине, офицеры скакали через брошенное поле, спасаясь к лагерю, к британским палаткам за холмами.

Вот и лагерь. В большой палатке походного госпиталя суeta, стоны. Койки все заняты, раненых кладут уже на землю. В двойных индийских креслах-носилках приносят новых.

Вот с одиночных носилок, из-под красных занавесок, бессильно свисает чья-то рука. Кто ранен? Полковник Честер, тяжело.

Доктор Бэтсон бледен от переутомления, капли пота блестят у него на лбу.

Раненые лежат на полу, дожидаются очереди. Санитар-индус прошел с грудой корпии в большой чашке. Доктор кивнул санитару: полковника на стол. Честер без сознания, он ранен в голову. Гаррис смотрит не на полковника, а на лицо Бэтсона. Доктор осмотрел рану, выпрямился, молчит. «Будет жив?» – одними глазами спрашивает Гаррис. Отрицательный кивок: «Безнадежен!»

Какой тяжелый день: шесть офицеров ранены, два из них тяжело, и вот – сам

полковник. А сколько солдат!..

Полчаса спустя конные совары уже скакали обратно – броском через лагерь, с бешеною смелостью разметав палатки, рубя направо и налево. Они пронеслись через восточный угол лагеря, оставляя за собой смятение, испуг, перемахнули через сухое ложе старого канала и подскакали к стенам крепости. Ворота настежь раскрылись перед ними, горожане ликующими криками приветствовали их.

До позднего вечера шумел народ в крепости, празднуя победу. «Джонни, мой мальчик, не езди в Индию», – плясали мальчишки на городской стене.

А «Белые Рубашки» по одному, по-двоем, избитые, израненные, в пыли, в песке, в колючках, только после захода солнца начали собираться в лагерь. Собираться и просить пристанища в палатках Семьдесят пятого пехотного полка. Их долго еще гнали в сторону от Курнаульского шоссе конные разъезды соваров.

«Белый жемчуг падает в цене», – писал в тот день в потайном письме один богатый купец из Дели своему доверенному приятелю, продавцу воска, в Лагор.

«Белым жемчугом» купец условно называл королевские войска за их светло-серые походные мундиры; «красным маисом» – полки восставших сипаев, за красные форменные куртки.

«Белый жемчуг падает в цене, – писал купец, – зато красный маис идет в гору».

Глава двадцать вторая

ЧЕМБЕРЛЕН-САИБ

Ночью в ставку приехал Чемберлен. В большой палатке командующего армией генерала Барнарда собрался военный совет.

Полковник Гаррис пришел с забинтованной головой. Не он один был ранен: у полковника Вильсона с неделю назад прострелили щеку, а молодой лейтенант Робертс, приехавший с Чемберленом из Пенджаба, поддерживал правой рукой забинтованную левую. Робертса ранило в дороге.

Невилль Чемберлен, только что назначенный генерал-адъютантом при штабе пограничных сил Пенджаба, сухой, жилистый, стройный, в нарядном мундире с серебряным шитьем, сел у изголовья койки командующего; Барнард лежал на походной постели, бледный, вялый, с обвязанной шеей. Несколько дней генерала мучил приступ какой-то тяжкой болезни; штабной лекарь не знал, как ее лечить.

Разговор начал Вильсон.

«Белые Рубашки» разбиты. Обоз с продовольствием и боевыми припасами перехвачен.

Вылазки из города повторяются каждый день. Враг заходит и с фланга, и с тыла, захватил старый храм на Курнаульском шоссе,грозит перерезать сообщение с Пенджабом, – единственный путь, остававшийся до сих пор открытым. Британской пехоты в лагере почти нет, а вся туземная ненадежна. Кавалерия день и ночь несет пикетную службу, люди измучены: по двадцать часов в седле, без смены.

Орудий нехватает; и те, что есть, слишком малы. Нужны большие гаубицы – двадцатичетырехфунтовки, нужна осадная артиллерия.

Чемберлен сухо кивнул.

– Да, – сказал Чемберлен.

У него было узкое, слегка ассиметричное и бледное лицо, – той особенной молочной бледности, какая бывает иногда у северян, не поддающихся солнечному загару в тропическом климате. Легкие веснушки по крыльям носа были чисто

лондонского происхождения. Нос красивый, тонкий, с горбинкой, был чуть-чуть крив, с правой стороны срезан больше, чем с левой, отчего обе половинки лица казались неодинаковыми.

Все смотрели на генерал-адъютанта. Что он привез из Пенджаба?

Но Чемберлен не торопился.

– Калькутта? – спросил Чемберлен.

– Сообщение прервано. Из Калькутты до сих пор подкреплений не прибыло, ни одного человека, – сказал Вильсон.

Чемберлен снова кивнул.

– Да, – сказал Чемберлен.

Он повернулся к командующему.

Вялое желтое лицо Барнарда с припухшими веками было неподвижно.

Чемберлен рассматривал его с неторопливым интересом.

– Что вы считаете возможным предпринять в настоящее время, генерал? – осторожно спросил Чемберлен.

Барнард отвел глаза под этим холодным взглядом, похожим на взгляд щуки.

– Предпринять?.. – Барнард слегка застонал и повернулся на своей койке. – Предпринять... – Больше всего на свете боялся генерал что-либо предпринимать. Слишком хорошо помнил он, как после Крымской войны (он прослужил всю кампанию начальником штаба у лорда Раглана) – слишком хорошо помнил Барнард, как осуждали тогда в Лондоне лорда Раглана за всё, что он предпринимал, и еще больше за то, чего не предпринимал...

Генерал Барнард, кряхтя, повернулся на койке – больной измученный старик.

Чемберлен опустил белесые ресницы, точно не слыша. Генерал, который отвечает на вопросы только кряхтением, – это было неприлично.

Вильсон ждал.

– Мои люди мрут! – резко сказал Вильсон. – Мои орудия никуда не годны. Если в самое ближайшее время не будет сильных подкреплений из Пенджаба, я вынужден буду снять осаду и уйти из-под Дели.

– Боже мой! – жалобно сказал Барнард. – Что скажут в Лондоне?.. Боже мой!.. Все смотрели на Чемберлена.

– Подкрепления из Пенджаба будут! – сухо сказал Чемберлен. – Сэр Джон Лоуренс отдал приказ сформировать Летучую Пенджабскую колонну в помощь делийским силам. Бригадиром назначен Никольсон.

– Никольсон? – Движение прошло по собравшимся.

Никольсон, «Лев Пенджаба», свирепый Никольсон, гроза северо-западной Индии, тот самый Джон Никольсон, которого кочевые племена в глухих горных местах близ афганской границы считают не то дьяволом, не то злым духом!.. «Никкуль-Сейн», – его имя пишут на камнях, ему приносят жертвы, как злому божеству.

– Прекрасный выбор! – Барнард одобрительно кивнул.

– Но бригадир Никольсон надолго задержится вблизи Лагора...

Чемберлен сделал паузу.

Все ждали.

– Для разоружения лагорских частей, – договорил Чемберлен.

– Как? И в Лагоре? – Вильсон вопросительно поднял брови.

Чемберлен кивнул.

– Да, неспокойно.

Вильсон с силой повернулся на своем походном стуле.

– Значит ли это, что нам придется ждать, пока Никольсон покончит с брожением во всем Пенджабе? – спросил Вильсон.

– Да, – слегка наклонив узкую голову, сказал Чемберлен. – Придется!

– Это невозможно! – резко сказал Вильсон. – Нам нужна помощь сейчас, немедленно, или никогда.

– Помощь будет, полковник! – сказал Чемберлен. – Туземная кавалерия.

– Нужны европейские войска!

– Их нет! – сухо ответил Чемберлен.

Это была истинная правда. Каждый британский штык был на счету. Из-за спора с Персией за Герат еще с начала года почти вся британская пехота северной и западной Индии была отозвана к границе Персии, и ей там хватало дела. Единственный довольно сильный европейский контингент Пешавара необходимо было сохранять на месте для безопасности афганской границы.

– Придет туземная кавалерия, – сказал Чемберлен. – Пенджабские сикхи.

– Отличные солдаты! – похвалил Барнард.

Все, кто служил в Пенджабе, хорошо знал этих рослых длинноволосых конников дикого вида, воинственный народ – секту.

– Из Непала должны прийти гурки, – сообщал дальше Чемберлен. – Они уже в пути.

– Гурки? – сказал Вильсон. – Храбры. Но для регулярной войны не столь хороши.

Он видывал не раз этих маленьких желтых узкоглазых воинов из соседних гор, в черных косматых шапках.

– Будут ли они биться с нашими панди? – с сомнением спросил Вильсон.

– Вы скажите им, полковник, что здешние индусы покушались на их веру.

Молодой Робертс громко хихикнул и едва не привскочил на своем стуле, позабыв о приличии. Робертс был счастлив: он под Дели, а Дели еще не взят...

Новоиспеченный лейтенант, сын генерала Абрахама Робертса, он только недавно начал свою службу в Индии и был счастлив, что сразу попал в гущу событий.

Чемберлен тоже улыбнулся, одной половиной лица. Он считал совещание законченным.

Но Вильсон не сдавался.

– Нужны осадные орудия! – упрямо сказал Вильсон.

– Надо ждать.

– Ждать невозможно! – сказал Вильсон. – Каждый день у неприятеля прибавляется войска. В Дели сейчас до двадцати пяти тысяч человек.

– Двадцать пять тысяч? – Легкая гримаса удивления, в первый раз за всю беседу, перекосила узкое лицо Чемберлена. Такой цифры он не ожидал.

– Двадцать пять тысяч панди. Ого! – звонко сказал Робертс.

– И с каждым днем их становится все больше!..

– Что ж... Чем больше их будет, тем скорее они между собою передерутся, – успокоительно сказал Чемберлен.

– Нет. Между собою они дружны! – отрезал Вильсон.

– С Бахадур-шахом у них обязательно будетссора.

– Вы правы, генерал! – Барнард повернул к Чемберлену повеселевшее лицо. – С Бахадур-шахом у них, конечно, будетссора.

– И тогда нам гораздо легче будет их взять!.. – с откровенной радостью подхватил

мальчишка Робертс.

Все засмеялись.

— Скажите, полковник (легкий презрительный жест узкой адъютантской руки в сторону города), скажите, полковник, а из этих двадцати пяти тысяч панди хоть один умеет стрелять?

— Умеют, и многие! — резко ответил Вильсон. — У них прекрасные бомбардиры, великолепные, меткие стрелки! Мы сами обучили их, на свою беду...

Он кивнул в сторону крепости.

Полотнище, прикрывавшее вход в палатку, было откинуто, невдалеке виднелись стены Дели, освещенные утренним солнцем.

Боевой день уже начинался. Гулкий пушечный выстрел пронесся по равнине, облачко дыма поднялось над крепостной стеной.

Вильсон насторожился. Стреляли из большого орудия.

Это Инсур-Панди с товарищами втащили пушку «Арчдэйл Вильсон» на бастион и пробовали ее силу и дальность на британском лагере.

Снаряд разорвался недалеко от палатки командующего. Земля и камни брызнули в полотняную стену. Вместе с ними небольшой осколок, уже на излете, упал в палатку.

Вильсон поднял его и подкинул на руке, — еще теплый.

Он так изменился в лице, что офицеры переглянулись.

Молодой Робертс смотрел на Вильсона с удивлением. Неужели старый бывалый артиллерист, заслуженный полковник Вильсон испугался пушечного выстрела?..

— Пушка из Дум-Дума! — сказал Вильсон. — Большая гаубица!..

Пушка «Арчдэйл Вильсон» посыпала привет полковнику Арчдэйлу Вильсону.

— Вот такие пушки мне нужны! — твердо сказал Вильсон, поднося на ладони осколок к самому лицу Чемберлена. — Двадцатичетырехфунтовые гаубицы!

Чемберлен сухо поклонился.

— Я доложу сэру Джону, — сказал Чемберлен.

Глава двадцать третья

ОРУДИЙНЫЙ ПОЕЗД

Орудийный поезд капитана Бедфорда растянулся по равнине узкой пыльной лентой чуть ли не на полмили длины.

Оглядываясь назад, капитан видел в облаке пыли золоченые шесты носилок, в которых несли Дженнинги, двухколки обоза, вереницу верблюдов, груженных палатками и койками, полевые и осадные пушки на конной тяге, и четырех слонов, везущих большие мортиры.

Сам Бедфорд ехал в крытой офицерской одноколке.

Они шли ночью и утром, останавливаясь только к полудню.

До Аллахабада их довезли на баржах два буксирных парохода.

Им оставалось около четырехсот миль пути от Аллахабада до Дели, по неспокойной стране.

Восемь больших осадных гаубиц вез с собой капитан Бедфорд, шесть крепостных мортир и двенадцать полевых пушек. Калькутта обнажала свои форты, отдавала самые большие орудия Дум-Дума, чтобы помочь британским войскам, засевшим под Дели, сломить сопротивление повстанцев.

Вместе с капитаном Бедфордом орудийный поезд сопровождал приставленный к нему в Калькутте лейтенант Джон Блэнт, желчный человек с кривыми обезьяиными

ногами. Блэнт засиделся в Калькутте, в походах не бывал, в свои тридцать два года всё еще ходил в лейтенантах и мечтал о том, как бы попасть в дело и отличиться.

Дженни несли в крытых носилках. Носилки колыхались, как лодка на слабой волне. Дженнин скоро привыкла к этой дорожной качке.

Выглядывая из носилок, Дженнин видела, как слоны, послушно переступая толстыми ногами, легко, точно детскую игрушечную коляску, ташат за собой пушки на высоких колесах.

Это был один из первых опытов в Индии по перевозке на слонах тяжелых орудий. Никто еще не знал тогда, как опасен слон, попавший под артиллерийский обстрел.

Июль кончался, жара была нестерпима.

Солдаты шли в полной походной форме, в плотной куртке, облегающей тело, в перевязи ремней, накрест перетягивающих грудь, с ружьем, одеялом и тяжелой сумкой. Для защиты от солнца они надевали белый полотняный блин поверх кепи, с оборкой, прикрывающей затылок и шею. И всё же почти на каждом переходе приходилось укладывать в повозки солдат, пострадавших от солнечного удара.

Горячий ветер был страшнее солнца. Он дул уже вторую неделю, мунчин – сухой ветер из глубин материка. Ветер нес с собою раскаленный воздух и пыль азиатских степей.

Мунчин гнал песок в глаза идущим, перекатывал по сожженной земле свившиеся в клубок обрывки сухой травы и листьев.

– Свангли, свангли, оборотни! – кричали носильщики, показывая на эти клубки. Клубки со свистом катились по земле прямо на людей, обжигая им ноги. Носильщики думали, что это маленькие оборотни, свангли, которые нарочно мешают им идти.

Иногда навстречу летел, кружась на ветру, большой столб сухой травы и пыли, обрушился на людей, слепил им глаза, забивал рты.

– Пучхильнай!.. – отплевывались индусы. – Злой дух!..

Индусы верили, что в этом столбе пыли живет душа большого оборотня, злого и сильного «пучхильная», дьявола, у которого маленькие свангли служат только посланцами.

На привалах было не легче. Полотняные стены палаток, двойные, со слоем воздуха в полфута и больше между ними, всё же плохо защищали от солнца. Сухая горячая волна азиатского ветра проникала сквозь полотно.

Слуги накидывали на палатку Дженнин толстый травяной ковер и непрерывно поливали его из мехов водою.

Сам, пес мистера Макфернея, на привалах просился в палатку. Он лежал на циновке, часто-часто дышал, высунув язык, и глядел на Дженнин умоляющими глазами.

Макферней тоже шел с поездом. Шотландцу было по пути с Бедфордом, он собрался в Раджпутану.

Завернув назад поля своей белой войлочной шляпы, постукивая большой, затейливо изрезанной палкой, в сандалиях на босу ногу, он легко шагал вслед за поездом, не отставая от быстроногих индузов.

Капитан Бедфорд терпел его присутствие: здесь, в глубине страны, каждый европеец был дорог.

Большой табор крестьян, торговцев, разносчиков и просто бездомных мальчишек путешествовал вместе с войском, пестрой, беспокойной, вечно шумящей толпой.

Целый город из шатров и повозок вырастал вокруг поезда на привалах. Крестьяне передвигались вслед за Бедфордом, вместе с семьями, телегами, козами и детьми. Без них нельзя было бы достать в походе ни воду, ни припасы. Крестьяне приносили воду, пекли хлебы, за две-три медных монеты нанимались в носильщики, несли одеяла британских солдат, их тяжелые подсумки, – это разрешал обычай.

Среди пестрой толпы Макферней заметил одного молодого индуся, водоноса с полосатым мехом.

«Я видел этого человека в джелхане! – вспомнил Макферней. – Но тогда он сидел на земле, за оградой, с черными полосами парии на лбу. А сейчас стал водоносом».

«Так ли легко индусы меняют свою касту? – думал Макферней. – Может быть, он другой веры?»

Более ста богов в индийском Пантеоне. Кроме главной троицы (Шива, Брама, Вишну), есть старый бог Индра, есть мрачный подземный бог Яма, индийский Плутон. Есть супруга грозного Шивы – Темная Кали тысячерукая, она же Дурги, индийская Юнона. Есть бог на лебеде, на лотосе и бог на летучей мыши. Есть бог-Обезьяна, бог-Змей и бог-Орел. Есть тысяча сект и свободных учений: джайны, «странствующие нищие», вольные монахи, «одетые воздухом», и философы созерцания – йоги, «одетые пеплом».

– Какой ты веры? – как-то раз спросил Макферней водоноса.

– Кто видел седьмое лицо бога Шивы? – уклончиво ответил индус. – Кому открыт тайный смысл Вед?.. Правая рука богини Дурги не знает, что делает левая, а у богини тысяча правых рук и тысяча левых...

Худой, невысокий, с россыпью рябин на впалых щеках, водонос постоянно вертелся вблизи офицерских палаток.

Скоро поезд капитана Бедфорда повернул на северо-запад. Начали попадаться свежие пожарища, стаи бродячих собак выли вокруг остатков сожженных деревень.

По бокам дороги Дженнинг видела столбы с перекладинами и какие-то странные мешки, подвешенные к ним.

Индусы со страхом глядели на эти мешки и отворачивали лица.

– Нэйл-саиб! – шептались индусы.

Один раз Дженнинг внимательно разглядев узкий черный предмет, висевший на перекладине, с ужасом поняла, что это – почерневший, высохший труп повешенного.

Генерал Нэйл прошел с карательной экспедицией по всему среднему Гангу, – бригадный генерал Нэйл, которого сами англичане называли «ужасным Нэйлом».

Нэйл задушил восстание в Бенаресе. Он уставил виселицами весь правый берег реки и много миль вдоль мощеной дороги.

Путь генерала обозначали остатки сожженных домов, опустевшие деревни и эти наспех поставленные столбы с перекладинами, на которых кой-где еще качались по ветру кривые, изуродованные трупы.

Чем дальше они шли, тем пустыннее становилась дорога, безлюднее деревни, зато леса кишили людьми. Ночью они видели огни больших привалов за холмами.

Повстанцы были близко.

Ночью шли с факелами. Местность повышалась, они пересекли гряду высоких оголенных холмов. По ночам становилось холодно; от резкого ночного ветра носильщики заворачивались с головой в свои черные шерстяные одеяла. Дженнинг пугалась иногда, выглянув ночью: словно черные слепые призраки, закутанные с головой, брели по дороге.

Скоро небо озарилось отсветами близких пожаров: невдалеке горели селения. По ночам слышалась стрельба.

– Теперь уже скоро! – желчно радовался Блэнт. – Скоро будем под Дели! И тогда заговорит моя «Черная лягушка».

Так лейтенант называл самую большую мортиру своей батареи. Мортира и впрямь походила на лягушку, осевшую на задние лапы: короткоствольная, на высоких колесах, пушка поднимала к небу, как разинутую лягушечью пасть, свое широкое черное жерло.

До Аллигура оставалось не больше двух-трех переходов.

«Еще день, два, и я увижу отца!» – думала Дженнни.

Впереди им предстояла переправа через небольшую мелководную речку. Капитан разглядывал карту: местность ровна, река проходила вброд, никаких препятствий на пути не отмечено. Большое индийское селение? Посланые вперед разведчики не нашли в нем ни одного человека.

Они остановились на отдых часам к одиннадцати утра. В полдень дымка затянула небо. Тень легла на солнце, среди ясного дня на несколько мгновений стало почти темно. Кусты и деревья замерли в неподвижном воздухе, потом шквалом пронесся ветер, и снова всё притихло. Мгновенно, как по чьей-то команде, кочевой табор вокруг лагеря свернул свои палатки, крестьяне хлестнули по волам, по коням, и табор ушел, исчез, точно его ветром смело. Капитан Бедфорд оглянулся: вокруг было пусто. Крестьяне покинули их.

– Это не к добру, – сказал Блэнт.

Блэнт предлагал переждать до ночи. Но Бедфорд решил выступить, как обычно.

Едва поезд собрался в путь, как пронесся новый, еще более сильный порыв ветра; всё потемнело, хлынул дождь. Вода потоками низвергалась на людей и животных, в несколько минут дорога стала непроходимой. Носильщики едва брали, даже слоны вязли в этой жидкой каши из воды и песка.

Бедфорд выслал к реке двух верховых – посмотреть, как обстоит дело с переправой. Верховые вернулись и доложили: «Река вышла из берегов, течение очень сильнее, переправить тяжелые орудия нет возможности».

– Попробуем поискать другое место для переправы, – сказал Блэнт. – Надо спросить кого-нибудь из туземцев, кто хорошо знает здешние места.

– Разрешите доложить, сэр, тут какой-то водонос всё время идет за нами, – сказал Боб Робсон, ординарец Бедфорда. – Все ушли, а он не ушел. Разрешите его пригласить, сэр.

– Давай его сюда! – сказал капитан.

Ординарец привел к капитану водоноса с полосатым мехом.

– Знаешь ли ты здешние дороги, водонос? – спросил капитан.

– Знаю, саиб.

– Не скажешь ли ты, где нам лучше всего перейти вброд с орудиями эту проклятую речку?

– Скажу! – Индус точно ждал этого вопроса. – Скажу, капитан-саиб! Поверни сейчас в джунгли, пройдешь горелым лесом, пройдешь мимо храма, увидишь пустое селение. За селением отлогий берег и река смирна, как овечка. Ты перейдешь ее вброд и даже не замочишь верхнего ремешка на твоем сапоге, саиб!..

Капитан Бедфорд не стал раздумывать.

– Отлично, – сказал капитан. – Веди нас, водонос, получишь серебряную рупию.

Глава двадцать четвертая ТОЩИЙ САИБ

Весь правый берег реки порос густым лесом, деревья спускались к самой воде. По берегу не было ни дороги, ни тропинки. Лела шла, продираясь сквозь колючие кусты, сбивая босые ноги о твердые корни. Она искала песчаный холм на берегу и одинокий высокий тамаринд, о котором говорил ей Чандра-Синг. Скоро лес несколько отодвинулся от воды, открылся песчаный спуск к реке. Весь берег в этом месте был истоптан копытами; тут, должно быть, сгоняли на водопой коней и верблюдов. Она прошла дальше и услышала неподалеку голоса, четкую английскую речь.

Лела остановилась.

Сквозь деревья она увидела впереди головы коней, струившихся на лесной прогалине, дымок костра и высокие кивера кавалеристов. Люди звонко перекликались, рассыпавшись по прогалине. Лела тотчас нырнула в чащу. Она отошла правее, удаляясь от реки. «Обойду это место лесом, а потом снова выйду к реке», — сказала себе Лела, прошла всего с полсотни шагов и сразу потеряла направление. Густой лес был и справа, и слева, и позади, — сплошная зеленая стена, забитая высоким папоротником. Лела шла еще недолго, проринаясь сквозь частый подлесок, сквозь путаницу воздушных корней. Она чувствовала, что удаляется от реки. Девочка села на землю и постаралась успокоиться. Маленькие веселые птицы играли и свистали над нею в зеленой чаше. Когда Лела поднялась и вышла из-под навеса корней, она увидела, что стоит на обочине узкой лесной тропы.

Сквозь густые заросли тропа вывела ее на довольно широкую проезжую дорогу. Лела увидела загородки для скота по краям дороги и пестрые тряпки, которые крестьяне навешивают на колья вокруг помещений для буйволов. Значит, близко деревня. Но почему же тихо за загородками, — не слышно ни блеяния коз, ни мычания буйволов?

Деревня открылась сразу за поворотом дороги. Здесь было тихо, еще тише, чем в лесу. Мертвые пустые дома стояли по сторонам деревенской улицы. Отсюда все ушли, ушли поспешно, точно бежали от чего-то. Опрокинутые ступки, жалкая утварь валялась на порогах домов. В опустевших дворах Лела видела холодные очаги, брошенные жаровни... Куда же девались крестьяне? Лела прошла всю деревню и не встретила ни одного человека. Светлосерая в белых пятнах змея грелась в лучах солнца на глиняной ограде одной из хижин. Пустота, безмолвие... Леле стало страшно. Где же та деревня, о которой говорил ей Чандра-Синг?.. Поляна и храм, и горелый лес?.. Она заблудилась. Надо вернуться к реке и найти направление. Скоро зайдет солнце: надо торопиться. Пройдя сквозь джунгли, Лела вышла не к реке, а на открытое холмистое место. В свете уже заходящего солнца она увидела большой белый дом поодаль, на холме, с балконами и четырехскатной кровлей.

Это был дом начальника, заминдара, а может быть и здешнего раджи. Лела не раз видела такие дома в родных местах. Испугавшись, она отступила назад. Попасть в руки к радже или его слугам?.. Нет, лучше уж вернуться в деревню.

Приближалась ночь, и лесные звери могли напасть на нее, выйдя на ночную охоту. Лела вернулась в деревню и провела ночь в чьей-то пустой оставленной хижине. На утро пошла дальше. Дорога всё дальше заводила ее в лес. Здесь было не так безлюдно, как в деревне. В лесу были люди, — они не показывались, но Лела угадывала их присутствие. Несколько раз она слышала обрывок песни, удалявшейся куда-то в глубину леса. Она подняла с земли кожуру банана, еще совсем свежую, не успевшую

потемнеть. Запах дыма один раз отчетливо донесся до нее, приглушенные человеческие голоса. Лела поискала дерево повыше, взобралась на него, огляделась. Нет, никого не было видно. Должно быть, люди спрятались, а костер притушили. Лела пошла дальше и снова услышала обрывок песни, а на земле перед собою, наперерез через песчаную тропу, – следы многих босых человеческих ног.

Нет, это были не британцы. Это были свои. Лела приободрилась. Деревня пуста, но в лесу есть люди. Она пошла быстрее. Скоро в лесу открылись болота, за ними – затопленное рисовое поле. Кой-где вода уже была отведена и ростки риса желтели, золотясь под солнцем. Лела смело шла дальше. Где-то здесь близко должна быть и деревня... Но что это? Что здесь произошло?

Лела поднялась на пригорок. Изломанные остатки хижин прилегли к лесной тропе. Обломки тростниковых стен, крыш, искрошенный, как трава, бамбук, огромные вмятины в сырватой болотистой почве... Дрожа, Лела подошла ближе. Из-под упавших дверей торчали мертвые руки. Потемневшие пятна крови на земле, раздавленная ручка ребенка, втоптанная в верблюжий помет... Большая деревянная ступка, почти в рост человека вышиной, валялась, лопнувшая, как глиняный черепок под чьей-то тяжелой ногой.

«Слоны!..» – Лела поняла. Стадо слонов выпустили на деревню, чтобы растоптать, уничтожить, вмять в землю, с домами и людьми. Кто это сделал? За что? Голова юноши, расколотая, как орех, торчала из-под обломков чьей-то глиняной ограды. Глаза были целы, они вылезали из орбит на покерневшем лице и точно глядели на Лелу в немом удивлении. Дрожь перебрала всё тело девочки, она бросилась бежать. Скорее прочь отсюда!.. Лела бежала лесом напрямик, упругие ветки цеплялись за ее ноги, колючки раздирали платье. Ей чудился топот позади, топот огромных слоновых ног, бегущих лесной чащей.

Она бежала сломя голову, позабыв обо всем, не зная, где находится. С полмили пробежала так, напрямик через лес, и неожиданно вышла к реке.

Берег был открыт и пуст. Высокий тамаринд разбросал ветви над песчаным срезом берега.

То самое место, о котором говорил ей Чандра-Синг!..

Лела упала на песок и долго лежала, отдыхая.

Вода безыменной реки струилась под откосом. Девочке мучительно захотелось окунуться в воду, освежить разгоряченное тело. Она зарыла палочку с письмом Чандра-Синга в песок, под корнями тамаринда. Сбежала вниз, скинула платье и бросилась в воду. Вокруг было тихо, пусто, ни один звук не доносился до нее. Омыв лицо и тело, Лела вышла из воды и оделась. Она хотела подняться обратно по песчаному склону, к тому месту, где зарыла свою палочку.

На этом месте стоял человек в одежде саиба.

Человек смотрел на воду, мимо нее. Не отводя взгляда от реки, он сделал знак кому-то позади себя.

– Узнать, что за девушка! – сказал саиб.

Тотчас двое людей в одинаковых куртках со светлыми пуговицами, подбежав с двух сторон, взяли Лелу под руки.

Додвалла, погонщик верблюдов, сгонял своих верблюдов вниз по песчаному склону. Первый верблюд был крив на один глаз, он всё время сворачивал влево.

– О-о, шайтан, сын шайтана! – кричал погонщик.

Саиб неторопливо рассматривал Лелу.

Он стоял, запыленный, высокий, узкоплечий, прислонившись к стволу дерева, и смотрел на нее с холодным вниманием. В руке у него был длинный пучок травы с колючими головками. Пушистыми колючками он, как метелкой, хлестнул себя по сапогу, сбивая пыль.

Он заговорил с нею на ее родном языке. И Лела, никогда прежде не видев этого человека, поняла: «Тощий саиб!»

— Куда ты идешь? — спросил саиб.

— В Джайхар, — сказала Лела. Она назвала первую деревню, какую могла припомнить.

Саиб разглядывал ее: тонкий девический стан, прикрытый традиционным белым сари, розово-смуглые щеки, смелый взгляд блестящих серых глаз... А чернота бровей, ресниц!.. Красивая девушка.

— Не торопись! — сказал саиб. — У тебя есть родные в Джайхаре?

— Да, братья, сестры.

Саиб улыбнулся.

— Их уже нет.

— Где же они?

— Растоптаны.

— Растоптаны? — Лела вскрикнула.

Додвалла, погонщик верблюдов, как-то странно поглядел на нее.

Саиб улыбался, обметая колено колючей метелкой травы. Он испытывал ее.

Правду ли говорит девушка? Идет ли она действительно в ту деревню, которую назвала?

— Твой Джайхар втоптан в землю. Всех крестьян загнали в дома и пустили на деревню слонов. Это зато, что джайхарцы бунтовали. Если у тебя там были братья и сестры, — молись за них твоему богу Яме. Их уже нет в живых.

— Ай-ай!.. Слоны!.. — Лела закрыла глаза. — Слоны растоптали деревню!.. — Она точно снова видела изломанный бамбук деревенских хижин, кости юношей и девушек, втоптанные в землю...

Лела прижала ладони к глазам. «Горе мне, горе!..» — плакала Лела.

Саиб улыбнулся. Нет, девушка не лжет. Это были непритворные слезы. Так плакать можно только о родных братьях и сестрах. Но что же значит эта одежда северянки?

— Довести до привала! — коротко приказал саиб.

Двое в чалмах и куртках с серебряными пуговицами толкнули Лелу в спину.

Верблюжья тропа сворачивала в лес. Голые выжженные места открылись в лесу, по краям лесной прогалины зачернели обгорелые стволы.

«Те самые места, о которых говорил Чандра-Синг!» — узнала Лела.

Скоро заросли поредели, открылась большая поляна, и старый храм на ней, оплетенный хмелем почти до самой крыши.

Нарядная палатка стояла на поляне. Додвалла и слуги легли на траве у откидной полы палатки. Всё те же двое людей в одинаковых куртках уселись в стороне, на поваленный ствол дерева, сторожить Лелу.

Когда зашло солнце, слуги прикрутили ее за руки к дереву и ушли.

Несколько дней Лела провела на полянке, у поваленного дерева. Слуги стерегли ее с рассвета до захода солнца, а ночью она всё равно не могла бы бежать: в этих местах бродили тигры и к рассвету выходили к реке на водопой.

Ночью Лела заползала под навес из лиан и выбирала себе на земле местечко

посуше. До утра слуги, наломав сухого бамбука, поддерживали огонь на поляне.

Скоро к тощему саibu прискакали откуда-то четверо человек на конях. Все были в белых пробковых шлемах, светлобородые, с длинными хлыстами и пистолетами у пояса. Они громко совещались о чем-то посреди поляны и спорили, но тощий саиб сказал им что-то, после чего все замолчали. Спешившись, все четверо вошли к нему в палатку.

Слуги, не смея дохнуть, ждали лежа на земле у входа. Что-то случилось. Тощий саиб был чем-то недоволен.

Так прошло несколько томительных жарких дневных часов.

Слуги задремали. Забылась и Лела, положив голову на руки. Солнце медленно клонилось к закату. Маленькие зеленые обезьяны резвились в густой листве дерева над ее головой. Вдруг обезьянки испуганно закричали и поскакали прочь.

Шум послышался за деревьями. Звон, топот, треск сбивающихся сучьев, – точно большая толпа ломилась лесом на поляну.

Лела вскочила. Кричали верблюды, точно их кто-то хлестал колкими бичами, метались слуги, весь маленький лагерь пришел в движение. Что такое? Лела ничего не могла понять.

– Беги! – заорал ей в самое ухо погонщик.

Она кинулась в чащу, но здесь еще явственнее был слышен этот шум, слитный, грозный, точно большое войско шло лесом, где-то очень близко.

Лела повернула обратно, добежала до храма и остановилась.

Огромная каменная фигура с лицом женщины и телом животного лежала на крыше храма. Тяжелые каменные веки богини были низко опущены над слепыми выпуклыми глазами; в одной руке она держала каменную змею, в другой – мертвую голову и пучок веревок. Это была Кали – супруга грозного Шивы, Кали-Разрушительница, она же Дурги тысячерукая, богиня с лицом женщины и с туловищем священной коровы.

Шум приближался. Большая толпа шла к поляне. Факелы тусклыми огненными точками начали зажигаться в чаще леса.

Куда укрыться?.. Между телом богини и камнем, на который опирались ее согнутые руки, была большая щель. Лела взобралась на крышу храма и проползла сквозь щель в полое тело богини.

Толпа шла мимо, дымя факелами, звеня оружием; Лела слышала нестройные голоса. Потом все затихло.

Девочка плотней закуталась в свой платок и заползла поглубже. До полуночи было еще далеко. Лела долго ждала чего-то, сама не зная чего, потом уснула. Очнулась она нескоро, не то от ночного холода, не то от шороха осторожных шагов по крыше храма. Кто-то негромко говорил над самой ее головой.

– Зверь сам идет к нам в руки. Орудийный поезд уже недалек от переправы... И Чандра с ними в обозе, второй раз он присыпает с мальчишками вести.

«Чандра-Синг?»... – Лела насторожилась.

– Райоты все в сборе, – продолжал тот же голос. – Человек четыреста сейчас прошло к назначенному месту. Оружие у всех есть. Успеют ли твои аллигурцы из крепости на подмогу, Лалл-Синг?

– Успеют, – ответил молодой смеющийся голос. – Я на моем Робинзоне, не торопясь, доскакал до Ранпуря из Дели за семь часов. Значит, мои сипаи прибегут за полсуток. Без ружей и амуниции они бежали вровень с полковничим конем. Или ты уже забыл, начальник?

— Всё помню, — отвечал первый голос. — Людей по домам Ранпуре расставиши ты, Лалл-Синг. Чандра-Синг сам поведет поезд к переправе.

— Ты останешься здесь?

— Да, до утра. С этой крыши хорошо видна дорога.

Лела услышала, как кто-то осторожно вползает к ней в каменное углубление под изваянием богини.

Девочка замерла. Она попыталась на руках подтянуться глубже, но двигаться было некуда.

В тишине она отчетливо слышала чье-то близкое дыхание.

Человек сидел рядом, почти вплотную к ней.

Человек молчал. Кто был он: друг? враг?

Так они сидели долго-долго. Лела боялась дышать, боялась шевельнуть затекшей ногой. В щель она видела, что небо слегка посерело, слабый свет разлился над лесом.

И тут в предрассветном молчании леса Лела отчетливо различила какие-то новые звуки.

Сердитое рычание поодаль, заглушенный прыжок тяжелого тела, тишина, и снова прыжок...

Испуганно просвистала птица. Всё замерло в лесу. Это тигр шел на водопой перед восходом солнца.

Снова рычание, потом прыжок куда-то в сторону, и тишина. Тигр удалялся.

Лела сидела тихо, не смея шелохнуться.

— Тигр идет на водопой! — сама того не замечая, прошептала Лела.

И тотчас голос рядом ответил:

— Охотник ждет в кустах!

— Кто тут?

— Охотник, — ответил голос.

— Тот самый, к которому меня послал Чандра-Синг?

— Должно быть, тот самый. А ты кто, мальчик или женщина? — спросил голос, чуть-чуть удивленный.

— Солнце взойдет, увидишь, — сказала Лела.

— Кто же ты, скажи, — настаивал человек.

— Я — Лела, дочь Батмы, — сказала девочка.

Человек ответил не сразу, точно волнение вдруг перехватило ему горло.

— Откуда ты родом, Лела? — спросил он.

— Из Раджпутаны.

— Твою мать звали Батма Севани?

— Да. А разве ты знал ее?

Снова молчание, точно человек не мог справиться с волнением.

— Покажись мне, — минуту спустя сказал голос.

Человек притянул Лелу к полосе света, падавшей из щели, и долго всматривался в ее лицо, с жадным вниманием. Лела видела в полумраке его длинные полуседые волосы, слабо мерцающие глаза и этот странный изуродованный рот...

— Кто ты? — испуганно спросила Лела.

Человек не отвечал.

— Тебя послал ко мне Чандра-Синг?

И тут Лела вспомнила о запечатанной палочке.

— Письмо!.. Оно осталось под деревом. Прости меня. Я не виновата! Это тощий

саиб! – в смятении проговорила Лела.

– Письмо от Чандра-Синга? Да он сам поспеет сюда раньше своего письма! Я скоро увижу его, дитя.

И человек на руках подтянулся к щели.

– Ты вернешься? – спросила Лела.

– Да, – сказал он, – вернусь! Не бойся ничего!

Лела почувствовала неожиданную ласку в этом суровом незнакомом голосе.

– Жди меня, Лела! – повторил человек. – Я скоро приду.

Он неслышно выполз из тела богини.

Лела лежала скорчившись. Высоко поднялось солнце, накалило каменную спину богини. Потом снова стало прохладно. Так прошел день.

Человек не приходил.

«Неужели придется просидеть здесь еще одну ночь?» – в тревоге думала Лела.

К вечеру порыв ветра пронесся по лесу. Зашумели ветви деревьев, шумел весь лес. Потоки воды обрушились на крышу храма.

«Дожди начались», – думала Лела.

Время шло. Человек не приходил.

Отчаяние охватывало девочку.

Дождь лил и лил, ручьи долго еще шумели по лесу. Потом стало тихо.

Лела уже начала дремать. И тут какой-то странный звук, донесшийся издалека, разбудил ее. Точно вся земля гудела от чего-то тяжелого, что приближалось, равномерно, грозно...

Орудийный поезд капитана Бедфорда шел лесом к реке, к месту переправы, которую указал водонос.

Поезд медленно выкатывался на поляну. Лела различила голоса.

– Вот и храм!.. Значит, мой водонос не лгал, сэр, всё правильно, сэр, – произнес чей-то молодой голос.

Это Боб Робсон говорил с капитаном.

«Сайбы!» – Лела заползла глубже в каменное тело богини.

И тотчас услышала молодой звонкий голос:

– А это что за чудище, Боб?

– Богиня. Лицо человечье, а тело коровье.

– Гляди, да она, кажется, внутри пустая!..

Второй солдат приложился глазом к щели.

– Там кто-то есть, Боб!..

– Погоди, погоди, Тедди!.. Там кто-то сидит, правильно. Надо доложить капитану.

Капитан Бедфорд большими прыжками взобрался на крышу храма. Солдаты, слуги, носильщики обступили богиню.

– Взять живьем! – приказал капитан.

Лелу вытащили за подол юбки и поставили перед капитаном.

– Девчонка!

Лела оглядела незнакомые лица и вздрогнула. Прямо перед ней, среди толпы, в одежде водоноса, стоял Чандра-Синг.

И сразу страх прошел. Она запахнула на груди свой платок.

– Кто такая? – сурово спросил Бедфорд.

Лела глядела на водоноса.

– Молчи! – приказывал ей глазами Чандра-Синг.

- Кто ты? Говори! — повторил капитан.
Лела молчала, потупясь.
— Не понимает нашего языка, сэр! — сказал Боб Робсон.
— Отправьте ее в обоз, капитан, потом дознаемся, кто и откуда, — посоветовал Блэнт.

Глава двадцать пятая ГОВОРЯЩИЙ БАМБУК

В молодом бамбуковом лесу, таком частом, что ребенок едва проберется между звонких коленчатых стволов, собирались люди. Сколько их собралось здесь? Трудно сказать, — сколько деревьев, столько и людей. Здесь были райоты из Бхагпата, из Ранпуря, из Джайхара, из Фе-розабада и еще из многих далеких и близких мест. Кто знает, сколько миль исходили их тонкие, лишенные икр ноги, сколько тяжестей перенесли их руки, столь худые, что пятилетний ребенок мог бы охватить их пальцами!..

Здесь были и женщины, и грудные дети. Тоненькие ручки копались в земле, мешаясь с отростками бамбука. Все сидели тихо, матери не окликали детей. Можно было подойти лесом вплотную к этим людям и ничего не увидеть сквозь частый строй бамбуковых стволов, не услышать ни шороха, ни звука. Стволы покачивались и звенели на легком ветру, люди молчали. Они были тише, чем лес.

Их деревни остались позади: сожженные пожаром, истоптанные слонами. Лес стал их домом, молодые побеги бамбука — пищей. Но райоты не забывали своих пожарищ. Они еще надеялись вернуться в родные селения, не для того, чтобы ползать в пыли у сапога саиба, а для того, чтобы вновь построить свой дом на освобожденной земле. Ружейные стволы торчали за спинами у крестьян, старики держали длинные самодельные копья, острые пики покачивались меж стволов.

Райоты сидели тихо, они ждали чего-то.

Вот затрещал лес, слегка качнулись тонкие суставчатые стволы. Человек пробирался меж деревьев.

Он показался среди стволов — молодой, невысокий, в темной повязке оружейника на запыленных волосах.

— Вести! — закричал человек. — Я принес вам вести, райоты!..

Сразу ожил лес; ломая ветви, в плотную кучку сбились люди.

— Вести!.. — передавали друг другу. — Вести от Чандра-Синга!..

— Читай, вестник! — зашумели голоса.

Оружейник поднял длинную полоску бумаги, исчерченную значками.

— Пушки идут в нашу сторону! Большие орудия из Калькутты!

— Пушки!.. Большие пушки!.. На помочь саи-бам! — заволновались райоты.

— «Тяжелые гаубицы, мортиры!.. Скорострельные пушки», — перечислял оружейник, глядя в письмо.

— Мортиры? О-о!.. Гаубицы!.. Скорострельные пушки! Нам такие орудия нужны.

— Поезд идет по нашим местам. При нем есть наши люди... Чандра-Синг идет с поездом.

— Чандра-Синг!.. О-о!.. Наш Чандра-Синг...

— «Джайхар, Бхагпур, Ранпур, — читал оружейник. — Так идет поезд саибов. Он идет к Дели».

— Ранпур!.. Джайхар!.. — Это наши места, наши деревни!

– Мы не пропустим эти пушки к Дели!..
– Не пропустим! Грудью встанем на их пути.
Оружейник опустил письмо.
– Конечно! – сказал оружейник. – Этот поезд не дойдет до стен Дели.
Он бамбуковой палочкой начертывал две-три линии на земле и в одной точке крепко ткнул палкой в землю.
– Здесь! – сказал оружейник, – деревня Ранпур и путь к реке. Здесь мы перехватим поезд. Чандра-Синг поведет их как надо.
– Мы засядем в домах! – зашумели крестьяне. – Да! Дома наши пусты, но мы вернемся. Мы засядем в домах и перехватим пушки саибов.
– Да, да, райоты!
Рунават, хранитель воды, старик-крестьянин, с болезненным строгим лицом, вышел вперед. Он ткнул в землю не старицким посохом, как прежде, а древком длинной самодельной пики.
– Да, крестьяне!.. Приготовьтесь!.. Перережем путь саибам!.. Не пропустим их к Дели, к нашему сердцу...
– Крестьяне, в путь!.. Приготовьтесь, ранпурцы!..
– В путь!.. В путь! Ранпур близок.
Снова стало тихо. Бамбуковые стволы слегка разомкнулись, пропуская людей, и скоро сомкнулись снова. Они стояли спокойно, чуть зыбясь на теплом ветру, позванивая суставами молодых побегов, точно никого и не было сейчас в лесу и ничего не говорили крестьяне, а эти голоса, легкое движение и шум только приснились испуганным птицам.

Глава двадцать шестая ЙОГ С ПИСТОЛЕТОМ

Водонос не лгал. За лесом была дорога, загородки для скота и селение: два ряда бедных туземных домов, выстроившихся по сторонам длинной улицы.

Поезд капитана Бедфорда медленно выкатывался из леса на дорогу. С трудом брали солдаты. Колеса хлюпали по жидкой грязи.

Из-под навеса одной телеги высунулась девичья голова, прикрытая краем белого узорчатого сари. Лела внимательно оглядела край леса, дорогу, крестьянские дома. В селении было тихо, нигде ни дымка, в прорезах окон темно и пусто. Должно быть, и здесь крестьяне оставили деревню. Где же круглый пруд, о котором говорил Чандра-Синг?

Вот он, посреди деревни, и большой дом у самого пруда. У Лелы забилось сердце: ей показалось, будто чья-то голова мелькнула в узком прорезе окна.

Головная часть отряда уже прошла половину деревни. Капитан Бедфорд шел пешком и беседовал с Джоном Блэнтом.

Они поравнялись с большим домом, стоявшим подле пруда посередине деревни. У ограды дома сидел человек.

Человек был так примечателен, что капитан невольно остановился.

Он сидел, пригнувшись, скрестив ноги, на облезлой леопардовой шкуре. Лоб его и щеки были расписаны красными и черными полосами. Он был почти гол, только бедра прикрывала полоса черной ткани. Голова и все его тело были обсыпаны пеплом. Худые плечи человека тряслись под пеплом, он медленно перебирал руками черные четки, тихо покачивался и смотрел в землю, точно не замечал ни солдат, ни пушек, ни

остановившихся перед ним офицеров.

– Глядите, Блэнт! – сказал Бедфорд. – Это йог.

Блэнт пожал плечами.

– Фокусник, что ли?

– О, нет, – святой, философ, отрещившийся от всего земного, человек, одетый в пеплом, познавший божество. Я много таких видывал в Бомбее, милый Блэнт. Йоги по двадцать-тридцать часов подряд могут сидеть вот так, перебирая четки и размышляя, без еды, без сна. Вы можете колоть булавками такого йога, поджигать ему ступни, – он ничего не почувствует.

– Я тронул бы шкуру этого философа штыком, – желчно перебил капитана Блэнт. – Хотел бы я посмотреть, как он не почувствует...

Лейтенант не договорил. Индус пригнулся, быстро сунул руку под леопардовую шкуру и выхватил из-под нее пистолет.

– Ба-бах!.. – в ту же секунду он разрядил пистолет в Блэнта, и лейтенант упал с простреленной головой.

– Д-э-э-эн! Д-э-э-эн! – протяжный крик индусов пронесся над деревней.

Всё ожило, застучало, зашумело. Головы повысовывались над плоскими кровлями, оглушительно затрешили выстрелы. «Засада!..» Смятение началось в головной колонне.

Капитан Бедфорд издали видел, как первая орудийная упряжка остановилась, как его люди заметались и побежали в разные стороны.

– Назад!.. К орудиям!.. – кричал капитан; его никто не слушал. Остальные пушки продолжали по инерции медленно выкатываться из лесу на дорогу. – Назад! – кричал капитан. Он видел, как погонщик отчаянно тычет переднему слону железной палкой в шею, как секунду спустя раненый в спину слон мечется между домов, подбрасывая свою тяжеловесную упряжку. Носилки, в которых несли Дженнин, вдруг дрогнули и накренились, полотняные занавески захлопали по ветру, как паруса шхуны, попавшей в шквал, и носильщики побежали прочь от носилок.

– Сюда! Ко мне! – кричал капитан, но его самого оттеснили. А затем капитан Бедфорд сам уже бежал куда-то в сторону от дороги, наискосок через поле.

Пули свистели. Отстреливаться не было времени.

– Вон к тому дому, сэр! – кричал капитану ординарец Боб Робсон, бежавший впереди. Боб указывал Бедфорду на большой дом с башнями и каменной оградой, стоявший за рисовым полем.

На крыше дома толпились люди. Люди смотрели на капитана Бедфорда и махали руками.

Что, если там тоже враги?

Но у Боба Робсона, кажется, было правильное чутье. Двойные ворота дома гостеприимно раскрылись перед британским офицером. Капитана Бедфорда долгими переходами провели в большой зал, выстланный коврами и подушками. В зале пахло ароматной смолой, плодами, сладким табачным дымом. Седой сморщеный раджа, в парчовой кофте, весь увешанный янтарными четками, низким поклоном приветствовал капитана.

– Я всю жизнь не мечтал о большем счастье, чем служить моей королеве и всем офицерам-саибам! – сказал раджа.

Он сплюнул бетелевую жвачку в золоченую чашу.

– Весь мой дом и моя казна в твоем распоряжении, саиб, – еще раз склонился

раджа.

Он сделал знак слугам, и капитана Бедфорда повели длинными переходами, мимо темных закоулков, сквозь смрад жаровен и любопытные взгляды челяди, в отдаленную дворцовую пристройку. Человек восемь англичан сидели в комнате, из них трое — в офицерских мундирах. Дверь за капитаном тотчас закрыли, и два вооруженных чокедара¹⁴ вытянулись по обеим сторонам двери.

Капитан Бедфорд сел на низкий диван и попытался прийти в себя.

— Бога ради, джентльмены, — сказал капитан, — кто мы здесь: гости или пленники?

— Мы сами уже вторую неделю ломаем головы над этим вопросом, — ответили Бедфорду соотечественники.

Долго не смолкал шум в деревне. «Пушки саибов в наших руках!» — Крестьяне праздновали победу.

К полудню из-за реки вернулся отряд сипаев, помогавший райотам при перехвате поезда. Сипаи гнали далеко за реку разрозненные отряды британцев.

— Восемь тяжелых орудий, — считали добычу крестьяне, — двенадцать малых да пятьдесят повозок с порохом и боевыми припасами!.. А фуры с мукою, сухарями, рисом, сушеными плодами!.. Печальный день сегодня у саибов...

Люди уселись на траве у пруда, на сдвинутых телегах. Женщины напекли лепешек из пшеничной муки. Плошки с жирной козлятиной пошли по рукам.

Лела, зарылась в солому на одной из повозок. Запах еды дразнил ее, она уже двое суток ничего не ела.

— Лела, где же Лела? — слышала она голос Чандра-Синга, но только еще глубже пряталась под солому.

Стыд терзал девочку: она не выполнила поручения, не донесла своего письма. Как она посмотрит теперь в глаза Чандра-Сингу?..

«Дочь нашего Панди», — называл он ее... А теперь что он ей скажет?..

— Где Лела? — кричал Чандра-Синг и заглядывал под навесы повозок.

Чандра-Синг нашел Лелу на дне последней телеги. Он стряхнул с девушки солому и поставил ее на ноги. Лела прикрылась платком, не смея глядеть на него.

— Прости меня, Чандра-Синг, я не донесла твоего письма.

Чандра-Синг улыбнулся.

— Я сам спешел к месту раньше своего письма, — сказал Чандра-Синг. Он повел ее к пруду, где собрался народ.

— Ты искала своего отца, Лела? — сказал Чандра и втолкнул Лелу в круг.

Она увидела ликующие лица крестьян и рослого сипая в белой чалме, сидящего в центре круга.

— Панди!.. Панди!.. — услышала Лела громкие голоса.

Она глядела на сипая, на его длинные полуседые полосы и изуродованный рот. Тот самый человек, которого она видела на крыше храма.

— Панди?.. — повторила Лела.

Сипай встал и шагнул к ней.

— Я обещал прийти и не вернулся, — сказал сипай. — Прости меня, дитя!

Он притянул Лелу к себе и посадил с собою рядом.

— Твоя мать ждала меня и не дождалась, — сказал Инсур. — Мы дважды едва не встретились с тобой, дитя, и дважды разминулись. Теперь ты навсегда останешься со

¹⁴ Чокедар — сторож при дворе раджи.

мной.

– Отец! – прошептала Лела. Она долго сидела не шевелясь, припав к отцовской руке.

Глава, двадцать седьмая

ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В ДЕЛИ

Дженни сидела на траве, бледная, поджав ноги, как индуска. Она оттолкнула от себя глиняную чашку со свежей водой, которую ей принес молодой сипай в желтой чалме.

– Я хочу домой! – сказала Дженни. – Отпустите меня.

– Твой дом далеко! – сказал сипай и улыбнулся. У него были белые как сахар зубы и хитрые ласковые глаза.

Он сунул ей в руку липкий сладкий плод свежего инжира.

– Ты поедешь с нами, – сказал сипай. – Не бойся, девочка, мы не обидим тебя.

Он усадил ее на кошму у столба, врытого в землю возле пруда, потом окропил водой чисто подметенный кусок земли и прошептал над ним несколько слов пуджи – очистительной молитвы.

Теперь это место было неприкосновенно. Никто другой не смел ступить на него, ни даже пройти слишком близко и бросить на него свою тень.

Был второй час пополудни – час приготовления пищи. В этот час вся Индия печет под открытым небом свой скучный хлеб.

Сипай раздул огонь, подбросил в него ветвей. Потом подошел к пруду и, не снимая легкой одежды, быстро окунулся в воду для обязательного перед приготовлением пищи омовения.

Вышел и, просыхая на солнце, начал месить у огня, на медном блюде, тесто из грубой пшеничной муки.

Дженни огляделась. Все кругом месили тесто, раздували огонь. Райоты готовили пищу.

Теперь у повстанцев было много муки: весь запас из обоза Бедфорда перешел к ним в руки.

Сипай налепил из своего теста лепешек и поставил их печься на железном листе. У того же огня, сбоку, он поставил вариться чечевичный суп в медном котелке.

Скоро лепешки были готовы. Сипай быстро свернул из большого пальмового листа что-то похожее на блюдо, обжигаясь, покидал на него лепешки и подал Дженни. Потом пододвинул к ней котелок с чечевичным супом.

– Ешь! – сказал сипай.

Сам он ел, макая лепешки в чечевичную жижу. Дженни смутил грязноватый цвет похлебки. Она съела свои лепешки всухомятку.

Сипай убежал куда-то. Он не походил на того кроткого индуса-няньку, которого Дженни помнила с детства, но все же был добр к ней. Он принес ей молока буйволицы в чашке.

– Пей, – сказал сипай, – и не бойся. Никто не тронет тебя, девочка. Индия с детьми не воюет.

Дженни покорно выпила густое, горьковатое на вкус молоко.

– Теперь в путь! – сказал сипай.

Весь отряд уже собрался в путь.

Дженни подвели к тем же носилкам, в которых она до сих пор совершала

путешествие.

Кто-то уже сидел внутри, какая-то девочка, закутанная в белую женскую шаль.

Дженни торопливо подсадили. Носильщики взялись за бамбуковые шесты, и носилки, качнувшись, двинулись вперед.

«Куда нас несут?» – Дженни хотела выглянуть из носилок, но шедший рядом сипай прикрикнул на нее.

– Глядеть нельзя! – сурово сказал сипай.

Сидевшая в носилках девушка приподняла платок. Она поглядела на Дженни блестящими глазами.

– Нельзя! Тебе нельзя видеть дорогу!.. – сказала она. – Ты – наша пленница.

Это была та самая девушка, которая приходила к Дженни в Калькутте.

Дженни покорилась. Она слышала, как после захода солнца сменились носильщики, как новые, со свежими силами, быстро затопали босыми ногами.

Их несли быстро, очень быстро.

На ночном отдыхе Дженни нечаянно подслушала обрывок разговора.

– Ни за что не хочет в носилки! – сказал чей-то голос. – Он готов всю дорогу идти пешком со своей собакой.

– Не браман, – сказал второй голос, – и не мусульманин, а святой человек!..

– Он мудр, а мудрость дает святость.

Разговор шел о Макфернее. Дженни поняла это сразу, и ей стало как-то покойнее на сердце.

«Если мистер Макферней здесь, значит, ничего худого со мною случиться не может», – подумала Дженни.

Еще около суток ее несли в носилках, торопливо, молча, неизвестно куда.

Потом Дженни почувствовала, как под ногами носильщиков пружинит и качается дорога, точно они идут по зыбкому настилу, через плавучий мост.

В узкую щель между полотнищами навеса Дженни увидела зубчатый край высокой стены и башню.

Долгий скрип ворот, голоса, топот, потом босые ноги носильщиков защелпали по камню.

«Улица? – думала Дженни. – Город?..»

Их долго еще несли среди заглушенного шума и непонятных возгласов. Потом остановились.

Дженни вывели из носилок. Она успела увидеть сгрудившуюся вокруг толпу, услыхала приглушенный говор. Солнце ослепило ее.

Ее ввели в какой-то полутемный дом, толпа разошлась, все стало тихо.

– Где мы? – спросила Дженни.

– В Дели, – ответили ей.

Часть третья

СИГНАЛ СЕЛИМГУРА

Глава двадцать восьмая

НЕУЖЕЛИ ДЕЛИ ЕЩЕ НЕ ВЗЯТ?

– Неужели Дели еще не взят? – спрашивали друг у друга англичане дома, в далекой Великобритании. – Неужели наши регулярные войска еще не сломили сопротивление повстанцев?..

Толпы народа собирались в Лондоне вокруг Дома Индии, при получении каждого

нового известия. Вести приходили ошеломляющие. «Генерал Кольвин окружен... Генерал Уилер разбит...» – со страхом шептались в толпе.

Вести шли долго: только двадцать третьего июня узнали в Лондоне о занятии повстанцами Дели, – через сорок два дня после того как первые восставшие полки ступили на плавучий мост, ведущий к воротам крепости.

Войска для Индии поспешна грузились на суда. Почти каждый день из портов Великобритании отходили военные корабли и наемные транспорты с солдатами на борту. В Палате лордов длительно обсуждался вопрос: как быстрее переправить войска в Индию: вокруг африканского материка или Средиземным морем, через Александрию – Суэц. Первый путь был очень далек, но не требовал выгрузки и погрузки в дороге; второй был короче, но при втором задерживали многократная выгрузка и погрузка и трудный сухопутный переход по безводной пустыне: канал у Суэца еще не был прорыт.

Как ни рассчитывай, раньше чем через три – три с половиной месяца королевские войска в Индию прибыть не могли. А оттуда приходили все новые и новые тревожные вести.

Генерал Ансон, командующий, умер от холеры. Умер от холеры и сменивший его генерал Барнارد.

Двое командующих погибли от холеры, один за другим, за короткий срок.

Умер Галифакс.

Убит Честер.

Невилль Чемберлен тяжело ранен.

Командование над всеми британскими силами под Дели поручено полковнику Вильсону, наспех произведенному в генералы.

В Лондоне с тревогой ждали дальнейших вестей.

В церквях заказывали торжественные молебствия «о храбрых воинах, которые жизни свои кладут на то, чтобы спасти наши наследственные владения и наше имущество в Индии».

Настал август.

– Неужели Дели еще не взят? – с беспокойством спрашивали друг друга в Англии.

«Дела в Дели обстоят, мне кажется, так, что англичане вынуждены будут начать отступление, как только действительно наступит период дождей...» – писал в августе того года Карл Маркс своему другу, Фридриху Энгельсу. – «Посылаю тебе... план Дели, который ты должен, однако, мне потом вернуть».

«Нелепость нынешней политики англичан, обусловленная полным отсутствием какого бы то ни было действительного руководства, – отвечал Энгельс Марксу, – сказывается, главным образом... в том, что, раздробив свои силы, они дают блокировать себя в массе мелких, далеко отстоящих друг от друга постов, между тем как свою единственную подвижную колонну они укрепляют перед Дели, где она не только ничего не может сделать, но даже гибнет».

Август кончался. Шел третий месяц осады. Дели стоял и был крепок, как никогда.

«Здесь все полны тревоги за целость Индии», – писал один английский полковник из Лондона своим друзьям в Калькутту. – «Как мы все хотим услышать, что Дели уже взят и восстание подавлено».

А по плавучему мосту через Джамну, недосягаемому для малых британских пушек, почти каждый день в полном боевом порядке, с развернутыми знаменами, с барабанным боем, проходили в ворота Дели новые подкрепления сипаев. Офицеры

британского лагеря только смотрели на них с вышки Хребта, стараясь в полевой бинокль разглядеть, какого полка идут панди и из каких мест.

«Панди» в город всё прибывали.

— Дели, как Севастополь, — говорили в британском лагере. — Чем дольше стоит, тем больше защитников приходит к нему на помощь.

— Дели, как Севастополь! — сказал майор Бриггс, взглядываясь издали в белые башни и вышки делийских бастионов. — Даже в Крыму, в пятьдесят пятом году, я не слыхивал такой пальбы.

Они подъезжали верхами вместе с капитаном Бедфордом, обходом, по Курнаульской дороге, к белым палаткам британского лагеря под Дели.

Почти две недели провел капитан Бедфорд взаперти, в полной неизвестности, в доме раджи. Потом всё вдруг сразу изменилось. Суматоха поднялась во дворе и в доме, изо всех конюшен выводили коней, кричали верблуды, становясь на колени и принимая на спину тяжелые выюки. Раджа вдруг начал поспешно готовиться к отъезду.

Гонцы раджи принесли ему тревожную весть: большой отряд сайбов идет с юга.

— Таких еще не видывала наша земля! — докладывали гонцы. — Это воины дикого, безобразного вида, на конях, в высоких шапках и в юбках, как британские леди. На голове у них растут перья вместо волос, и боятся они жестоко, всем режут глотки, кого ни встретят на пути. Они называют это «сыграть в старого Гарри» и смеются при этом; видно, матери их дружили с дьяволом...

Гонцы докладывали о батальоне Хайлендского горного полка, выступившего вслед за орудийным поездом Бедфорда из Калькутты. Майор Бриггс вел своих горных стрелков на помощь британскому лагерю под Дели.

Раджа не знал, что несут ему войска сайбов, мир или войну, и потому бежал на север, захватив семью, слуг, сундуки, драгоценности, золотые и серебряные монеты.

Майор Бриггс освободил запертых в доме раджи англичан и взял капитана Бедфорда с собой.

Через два дня Генри Бедфорд жал руку своему старому другу, Ричарду Гаррису, среди палаток британского лагеря под Дели.

— Дженни? — был первый вопрос Гарриса.

Генри Бедфорд сообщил другу печальную весть:

— Орудийный поезд перехвачен, бедная Дженни в руках повстанцев, неизвестно где.

Глава двадцать девятая

ДЖЕННИ В ПЛЕНУ

Дженни слушала пение муэдзинов на закате солнца, звон маленьких колоколов в индусских храмах. Каждый день ей приносили воду, рис, лепешки. Окон в просторной пустой комнате не было, вместо окон узкие прорезы высоко в стене, полуприкрытые снаружи легкими щитами из молодых стволов бамбука, расколотых вдоль на пустые желобки.

Это был дом богатого делийского купца. Купец убежал из Дели, испугавшись событий, и весь его просторный дом был пуст. В комнате не было ни столов, ни стульев; Дженни подолгу сидела или лежала на пыльном ворсистом ковре посреди комнаты и слушала редкие шаги прохожих, голоса детей, протяжный крик носильщиков, иногда доносящийся снаружи. Улица была тихая, неторговая.

Так прошло недели две в неизвестности, в ожидании. Потом настал такой день, когда весь город долго и грозно шумел, и до полуночи на улицах не гасили огней. Сторож Дженини, молодой индус, всегда улыбался ей, когда приносил еду, а на этот раз был хмур, озабочен. Сердце Дженини сжалось смутной тревогой, но ей не у кого было спросить, – что же происходит за стенами дома?

Рано утром следующего дня ее разбудил шорох. Кто-то осторожно карабкался по наружной стене дома, раздвигая бамбуковые створки ставен.

Дженни встала. В открывшемся прорезе окна медленно поднималась чья-то высокая шапка. Худые руки взялись за нижний край окна. Длинные загнутые ногти были длиннее самих пальцев... Кто это?

Дженни стояла молча, не смея двинуться.

В окне показались глаза, изъеденная язвами переносица... Глаза внимательно смотрели на Дженини.

– Кто ты?.. – вскрикнула Дженини. И тотчас голова исчезла. Слышно было, как человек, обрываясь, скользнул вниз по стене. Потом всё снова стало тихо.

Скоро под окнами Дженини начала собираться толпа.

Дженни слышала шаги, топот, недобрые возгласы, всё усиливающийся грозный гул.

– Здесь прячут ферингов!.. – раздался крик. – Убивайте неверных!..

– Убивайте неверных и их братьев неверных! – кричали на улице. – Смерть чужеземцам!..

Это был день поминовения святых у мусульман города. Верующие толпами ходили по улице, выкрикивали имена мучеников Корана, плясали в пыли и били себя в грудь.

В такие дни ненависть к чужеземцам, к «ферингам», с особенной силой зажигала сердца мусульман.

Кто-то шепнул им, будто брамины спрятали в доме купца нескольких знатных британцев. И держат их для того, чтобы получить богатый выкуп у британской королевы.

– Мар феринги!.. Убивайте ферингов и их братьев ферингов!..

Дженни со страхом слушала непонятные крики. Толпа сдвигалась теснее, град камней посыпался в стену.

– Там офицеры!.. Большие саибы среди саибов!.. Они снесутся со своими и продадут город!..

– Да!.. Да!.. Они нас всех погубят!..

– Давайте их сюда!.. Ломайте двери!..

Тяжелая наружная дверь застонала под ударами. Дженини бросилась во внутренние покои дома. Из задней комнаты выглянул сторож. Он был бледен.

– И оттуда стучат!.. – сторож показывал на маленькую дверь, ведущую во внутренний закрытый двор дома.

– Пусти!.. Пусти меня к ней!.. – услышала Дженини знакомый голос.

Девушка-индуска в белом платке, та, которую Дженини видела в пути и еще раньше в Калькутте, оттолкнув сторожа, побежала в комнату.

Девушка сильно запыхалась.

– Плохо! – сказала девушка. – Очень злы мусульмане. Им кто-то сказал, будто здесь прячут офицеров-саибов.

Удары с новой силой посыпались в наружную дверь.

– Мар!.. Мар!.. Феринги!.. Убивай чужеземцев!

— Что мне делать? — сказала Дженни. — Они сейчас ворвутся!..

Девушка огляделась.

— Иди за мной! — сказала она, взяв Дженни за руку.

Вдвоем они пробежали через несколько пустых полутемных комнат, приподняли плотный матерчатый занавес и вошли в какой-то большой низкий зал, заставленный диванами. В богато разубранных нишах по стекам стояли раскрашенные сундуки, лежали подушки.

Это была зенана — женская половина дома.

— Я выведу тебя отсюда! — сказала Лела. — Не бойся, я одену тебя как надо.

Лела раскрыла сундуки. На пол полетели пестрые платки, расшитые тюбетейки, шелковые шали, шаровары, бусы.

— Гляди! — сказала Лела.

Она торопливо натянула на Дженни длинную юбку с каймой на подоле. Потом достала расшитую тюбетейку и приладила на голову девочки.

— Нехорошо! — сказала Лела и неодобрительно зацокала языком.

Белокурые пряди Дженниных волос торчали из-под тюбетейки во все стороны.

Лела сдернула тюбетейку с волос Дженни и швырнула ее на пол.

— Желты у тебя волосы, как рисовая солома! — с огорчением сказала Лела, глядя на девочку.

Лицо и руки Дженни сильно загорели под индийским солнцем, глаза у нее были карие, с темным ободком, какие часто бывают у индусских девушек. Но косы, светлые косы Дженни! Что было делать с ними?

— Знаю! — сказала Лела.

Она снова порылась в сундуке и достала из него небольшой треугольный платок-косынку, разрисованный мелкими розами по темно-зеленому полю. Лела повязала голову Дженни платком и, плотно притянув концы вперед, завязала их узелком под самым подбородком, как носят махранские девушки.

— Вот!.. — сказала Лела. — Теперь ты похожа ни наших индусских девушек... Пойдем!

Дженни робко взялась за ее руку.

— Не бойся ничего! — шепнула Лела.

Она распахнула двери, ведущие на улицу.

Толпа всё еще стояла под дверьми дома. Мальчишки прыгали и вертелись под окнами, мужчины кричали и трясли кулаками.

Лела шла прямо на толпу.

— Что вы здесь собирались, пучеглазые! — храбро закричала Лела. — Кого вам тут надо в пустом доме?

— Здесь прячут неверных! — закричал молодой парень с крашеной кудрявой бородкой. — Давай их сюда, мы справимся с ними!..

— Что? Вы не умеете отличить своих от чужих? — держа Дженни за руку, Лела шла прямо на толпу. — Или вы уже набрасываетесь на махранских детей?

— Нет, детей мы не трогаем, — несмело сказал парень с кудрявой бородой.

— Так чего же вам тут надо, сыны лягушек?.. Идите прочь!..

Но толпа не расходилась.

— Девчонка чересчур смела! — закричала в толпе мусульманская женщина. Из прореза в белой кисее, прикрывающей ее лицо, на Лелу глядели черные, расширенные ненавистью глаза. — Девчонка чересчур смела!.. Нам верные люди говорили: в этом

доме прячут ферингов.

– Кто вам сказал это?

– Один старик на базаре.

– И вы знаете этого старика?

– Нет! – раздались голоса. – Нет, нет, он недавно в нашем городе... Мы его не знаем.

– И верите чужому старику? – звонче прежнего закричала Лела. – Верьте лучше своим глазам!..

Она распахнула двери дома на обе половинки.

Несколько человек заглянуло внутрь.

– Нет! Там никого нет! – раздались голоса.

Но Лела не отступала.

– Смотрите лучше! – кричала Лела. – Разве наши брамины станут прятать англичан? Они ненавидят их так же, как вы, мусульмане, и еще больше. Разве у нас, индусов, саибы не душили голодом детей, не угоняли наших отцов в чужие земли так же, как и у вас? Разве в храмах у нас на головы саибов весь народ не призывает чуму, язвы и всяческую погибель?

– И слепоту, и спазмы, и трясущую болезнь!.. – подхватили в толпе. – Мы молимся о том же в нашей мечети.

– Будь они прокляты, губители наших детей! – заплакала женщина в кисейной чадре.

– Девушка права! – сказал пожилой мусульманин. – Какой человек в нашей стране, будь он индус или магометанин, по своей воле даст приют офицеру ферингов? Идите с миром, люди!.. Здесь нет наших врагов.

Толпа расступилась.

Лела вывела Джени из тихой улицы на широкую площадь.

Они прошли напрямик через площадь и свернули в боковую улицу. И тут Джени увидела того самого старика в высокой шапке, который показался в ее окне утром. Он стоял в конце улицы и смотрел на них.

Джени остановилась.

Старик тотчас свернул в какой-то переулок.

– Тот самый! Тот самый старик! – сказала Джени.

– В высокой шапке? Белые язвы на щеках? – спросила Лела.

Страх, настоящий страх прорвал в глазах девушки. Но она тотчас поборола себя.

– Пойдем! – сказала Лела.

Она провела Джени пустынными переулками в большой сад, оттуда – во двор европейского здания. Это был дом английской резиденции, занятый повстанцами.

– Здесь стоит наша стража, – сказала Лела. – Не бойся ничего, тебя здесь никто не тронет.

Как потеряянная, бродила Лела в тот день по улицам Дели.

«Старик здесь!.. Зачем он пришел в Дели? Что ему здесь надо?»

Процессия мусульман шла через площадь. Заутанные в белую ткань люди били себя в грудь, падали на землю, вскакивали и крутились на месте.

– Ал-ла-а-лиллах-ияхсан!..

– Ияхсан-ияхсен... Ал-ла-ла!..

Лела видела блестящие воспаленные глаза молящихся, слушала их резкий горланный крик.

Может быть, это стариk шепнул мусульманам, будто индусы прячут англичан в оставленном доме?..

Народ в Дели горяч и легковерен. Довольно иногда одной малой искры, одного неосторожного слова, чтобы поссорить горожан между собою.

«Зачем стариk пришел в крепость?» – Всё та же мысль томила Лелу.

«Сказать отцу?..» Но, боже мой, до меня ли отцу сейчас?.. У него довольно дела и без этого старика».

Глава тридцатая СНОВА ШОТЛАНДЕЦ

Дженни осталась одна. Она посидела, прислушиваясь. Кругом было тихо.

Кажется, больше никого не было в этом легком бамбуковом домике садовника или слуги, куда привела ее девочка-индуска.

Ползучие растения заплели стену домика до самой крыши. Дикий виноград перебросил ветви с крыши на белую каменную ограду, замыкающую сад бывшей резиденции с южной стороны.

Над этой оградой Джени оглядела мощную стену из тёмно-красного песчаника и угол высокой башни. Какое-то большое здание примыкало непосредственно к саду резидента.

Это был дворец Бахадур-шаха.

В домике было тихо. «Неужели я тут одна?» – подумала Джени.

Тихий визг послышался за бамбуковой дверью.

Кто-то осторожно царапался под дверью, тихо, но настойчиво раздвигал полые бамбуковые дверные створки. Потом какой-то большой уродливый черный комок подкатился к самым ногам Джени.

– Сам! – обрадовалась девочка. – Значит, и мистер Макферней близко!.. – Где же твой хозяин, Сам?

Пес выскочил во двор, оглядываясь на Джени. Она пошла следом за собакой.

Сам побежал во второй двор, большой, нарядный, с фонтаном и солнечными часами посередине. Несколько сипаев сидело у фонтана. Сам бежал дальше, на мраморную террасу, к высоким резным дверям в большой двусветный зал. Джени увидела носилки для раненых, сложенные у входа, белые мраморные колонны с золотой росписью и ряды легких бамбуковых коек между колоннами.

Это был зал британского резидента, превращенный повстанцами в лазарет.

У одной из коек, наклонившись над раненым, стоял Макферней. Он копался зондом в глубокой ране под коленом сипая. Свернутые в тугое трубочки полотняные бинты лежали на табурете у койки.

– Хорошо, что я в молодости, хоть и недолго, был лекарским учеником в Эдинбурге... – бормотал сквозь зубы шотландец.

Он взялся за бинт.

– Мистер Макферней! – дрожа, проговорила Джени.

Макферней обернулся.

– Мисс Гаррис!

Дженни схватила его за рукав и заплакала.

– Не плачьте, мисс Гаррис! – мягко сказал шотландец. – Здесь вам ничего дурного не сделают. Война кончится, и повстанцы обменяют вас на своих пленных.

Раненый застонал и заворочался на своей койке.

– Покой! – сердито закричал Макферней. – Колено держать в полном покое!..
И он начал туго бинтовать ногу сипая.

Дженни пошла к выходу. Сам уже стоял у дверей снаружи, на своем посту: входить в зал лазарета ему строго запрещалось.

– Спасибо, Сам! – сказала Дженни и погладила черную блестящую шерсть на шее собаки.

Точно камень свалился с сердца Дженни. «Теперь я уже не одна, – думала девочка. – Мистер Макферней здесь, значит, мне нечего бояться».

Глава тридцать первая

БАХАДУР-ШАХ

Молодая индуска в белой кисейной повязке каждой утром приходила к Дженни. Индуска молча ставила на порог кувшин со свежей водой, чашку вареной чечевицы или риса, приветливо улыбалась Дженни и уходила. Женщину звали Даринат. Дженни часто потом, в более поздние часы дня, видела Даринат в просторном дворе резиденции с маленькой полуторной девочкой на руках. Индуска кормила девочку, купала ее в теплой, нагретой солнцем воде бассейна, перекликалась с соседками и была очень говорлива. Но приходя к Дженни, всегда умолкала и только кивала ей головой и улыбалась. Даринат никогда не служила в домах саибов и не знала их языка.

Помногу дней Дженни не с кем было перекинуться словом. Мистер Макферней был занят у себя в лазарете: раненые все прибывали. Всё чаще доносился до Дженни грохот пальбы, то отдаленная, то близкая канонада. С каждым днем все упорнее обстреливали крепость из британского лагеря, все яростнее отвечали с бастionов крепостные пушки.

Не молчали и те пушки, которые повстанцы отбили у капитана Бедфорда, – большие гаубицы и скорострельные мортиры капитана были по лагерю и не одну палатку разметали и разбили за холмами. У Инсура и его товарищей был верный прицел.

По ночам Дженни смотрела на небо, следила за дальними отсветами пожаров. На широкой площади перед домом резиденции зажигались костры, повстанцы шумели вокруг костров, радуясь новой удачной вылазке из стен крепости. Подолгу не утихал шум вокруг повстанческих шатров, веселые крики доносились оттуда, ликующее гудение труб, музыка. Повстанцы праздновали свои победы над британскими войсками.

Из других городов долетали добрые вести. В Сахранпуре, невдалеке от Дели, мусульмане и индуисты, все, как один, по примеру делийцев, поднялись на борьбу с иноземцами. Повстанцы Морадабада прогнали британского президента, весь британский гарнизон взяли в плен, а казну англичан конфисковали для нужд восстания, накупили и хлеба для голодающих, и пороха для солдат. Посланцы из Дели ходили и в княжество Битхур, и в Джанси, и узнали, что Нана-саиб успешно бьет британского генерала близ Канпура, а рани¹⁵ Джансийская Лакшми-бай собрала большое войско и ведет его на англичан.

– Наш Дели – гора над горами! – с гордостью говорили повстанцы. – Здесь зажглось великое пламя, которое скоро охватит все индийские земли.

И шах делийский радовался удаче повстанцев. Он праздновал их победы на

¹⁵ Рани – правительница.

торжественных приемах – дурбарах – в своем дворце.

По дворцовому саду светились розовые и желтые фонари, фокусники кидали шары у главного фонтана; до поздней ночи в саду свистели и выли флейты, стучали барабаны. У бассейна на заднем дворе ужинали плясуны, факиры, заклинатели змей, фокусники. Шах приказывал выносить им остатки от своего стола.

Старый шах спал на этих приемах, уткнув седую бороду в шелковый халат. Когда-то Бахадур-шах был молод, силен и жесток. Он любил славу и торжественные дворцовые дурбары, любил восточную пышность, политую кровью, и расправы с непокорными, достойные его великих предков. Но сейчас всё это было позади. Достигнув восьмидесяти лет, Бахадур-шах начал писать стихи. Он чертил строки двустиший кончиком своего резного посоха на песке сада, как позже, став пленником британской королевы, чертил слова любовных песнопений концом обгорелой палки на стенах своей темницы. Правителю Дели было восемьдесят два года, он был кроток, неразумен и стар.

Сквозь пролом в каменной ограде сада Дженнни видела западный угол двора, пристройки, конюшни, помещения для служ.

Дымились жаровни, детский плач доносился из-под навесов, женщины звенели кувшинами у большого фонтана.

Как-то раз Дженнни удалось издали увидеть Бахадур-шаха. Он был невысокий, согнувшись, в белой чалме, и весь белый от старости. Рядом с ним, в открытых носилках, несли нарядную старуху с насурмленными бровями. Нижняя часть лица у старухи была небрежно прикрыта белым шелком. Старуха что-то сердито говорила шаху. Это была Зейнаб-Махал – старшая из шахских жен.

У них шел спор о наследнике престола.

– Твой старший сын, Факируддин, был скромен и благочестив, – говорила Зейнаб. – Он знал двадцать четыре главы Корана наизусть и совершил путешествие в святую Мекку... Но аллах не дал ему долгой жизни. Вот уже больше года, свет души, мы плачем о твоем сыне Факируддине...

Старуха сама отравила наследника престола искусно приготовленным блюдом из дичи и пряностей, с примесью ядовитой куркумы; Факируддин был сыном от другой жены. Все остальные принцы, запуганные, подкупленные, поставили свою подпись на бумаге, в которой говорилось, что они отказываются от престола в пользу сына старухи, Джевен-Бахта.

Воспротивился только один, первый по старшинству после погибшего, – Мирза-Могул. Началась борьба партий, подкупы, угрозы, оговоры. Британский резидент узнал о разногласиях и сообщил в Лондон, в совет Ост-Индской компании.

– Никаких наследников! – постановили в совете. – Бахадур-шах будет последним в династии, никто из сыновей не наследует престола.

Ост-Индскую компанию давно смущал этот царственный двор в самом сердце Индии, блеск древней династии, ее престиж среди мусульман, смущал старый неразумный шах, требовательные принцы, игра восточной дипломатии, интриги, а больше всего таинственные письма, которые Бахадур-шах, пользуясь относительной свободой сношений, засыпал и к персидскому двору, и к самому египетскому султану.

«На Бахадур-шахе положить конец династии потомков Тимура!» – порешили лондонские купцы.

С началом восстания всё изменилось. Восставший народ объявил делийского шаха главой возрождающейся Индии. С первого дня занятия крепости повстанческими

войсками старый шах снова стал правителем Дели. И вновь получил право избирать себе шах-задэ – наследника престола.

– Мирза горяч, жаден, необуздан, – шептала старуха Зейнаб. – Он станет причиной многих несчастий и гибели трона.

– Будущее нам не открыто, а Мирза – старший, – возражал Бахадур-шах.

– У него шрам на левом ухе, а увечные не наследуют престола!..

– Разрезанное ухо не есть увечье...

Сам Мирза, мрачный пятидесятилетний принц, в тяжелой парчовой одежде, с неподвижным, точно навсегда остановившимся взглядом тусклых черных глаз, проводил в праздности свои дни в покойных залах отцовского дворца.

– Тяжко мне, Ассан-Улла!.. – жаловался принц своему единственному доверенному другу, придворному лекарю Ассан-Улле. – Тяжко мне... Зейнаб, своевольная старуха, властвует над моим отцом. Пока она здесь, я – пленник в своих собственных покоях. Я, старший из сыновей шаха, неволен в своих поступках.

Принц знал, что Зейнаб не уступит, что блюдо с куркумой, пока Зейнаб жива, каждый день может быть поднесено и ему и что тот же Ассан-Улла, если повелит старуха, будет лечить его так же, как он лечил отравленного Факируддина: от лечения яд подействовал на два часа быстрее.

Принц не хотел ждать.

– Терпение, свет души! – твердил ему лекарь. – Аллах велик. Никто не знает, когда он призовет к себе того, кто уже отмечен в книге судеб.

Пока во дворце шли празднества, приемы и споры, британцы укрепляли свои позиции. Растирьность первых недель давно прошла, слабосильный Барнард умер, полковник Вильсон, получивший к тому времени чин бригадного генерала, успешно собирал силы. Своих солдат мало? Путь из Великобритании далек? Но есть старый, не раз испытанный способ: добывать солдат у соседей. Одним платили деньгами, другим – обещаниями или угрозами. Князек соседнего Непала дал две тысячи гурок – диких кочевых воинов. Непальцы уже вышли в поход частью в кибитках, частью на косматых низкорослых лошадях, с самодельными щитами и копьями.

Из Пенджаба, отряд за отрядом, прибывали сикхи на своих добрых конях. Пехота из Кашмира, конники из Белуджистана, – многоплеменный лагерь за Хребтом всё шире раскидывал палатки. По ночам огненный круг костров охватывал уже почти всю равнину за холмами. Всё злее становилась канонада, вылазки сипаев из крепости всё чаще и кровопролитнее.

Глава тридцать вторая

ПЯТЬСОТ РУПИЙ ЗА ГОЛОВУ ПАНДИ

В большом дворе резиденции, у фонтана, на исходе ночи, Инсур допрашивал пленных.

Их было много после большой ночной вылазки за стены города. К фонтану, неуверенно ступая, вышел раненый в руку солдат-индус. Он смущенно глядел на Инсура, ожидая вопросов.

– Полк? – спросил Инсур.

– Семьдесят четвертый, – ответил пленник. – Пенджабской пехоты.

– Давно у саибов?

– Всего несколько недель. Пригнали из Лагора.

Инсур оглядел пленника. Молод, очень молод и очень истощен, – должно быть,

только недавно взят из деревни.

Темный провал, похожий на синий трехлепестковый лотос, – след пендзинской язвы, – уродовал щеку человека.

Он стоял, бледный, не поднимая взгляда.

– Как же ты пошел против своих? – в упор спросил Инсур.

Сипай задрожал.

– Офицеры грозили нам! Пистолет в спину, и гнали вперед. «Пускай идут в бой первыми! – кричали, – под пули, против своих же панди».

– Что? – спросил Инсур.

– Против своих же панди!..

– Да! Да! Они всех восставших сипаев называют «панди», – подхватили другие.

– Саибы говорят, – несмело продолжал первый пленный, – что здесь, в Дели, скрывается первый Панди, из первого восставшего полка, и будто бы этот Панди не человек, а дьявол.

– Вот как? – сказал Инсур.

– Да, да, саибы говорят: он большой и страшный дьявол или оборотень, со стальными зубами... и будто бы его петля не берет. Так что повесить его невозможно.

– Его можно только расстрелять из пушки!

– Ходсон-саиб прискакал в лагерь, – сказал другой пленник. – Он объявил большую награду тому, кто поймает этого Панди и приведет к нему живого.

– Пятьсот серебряных рупий!..

– Ого!.. – Инсур усмехнулся. – Дорого же они ценят этого Панди.

– Они очень злы на него.

– На всех панди злы саибы!

– Им никак не пробить ваши крепкие стены.

– Людей у них теперь много, а больших пушек нет.

– Они ждут сильных пушек из Пенджаба. Вся надежда саибов на эти пушки.

– Большой поезд осадных орудий скоро придет из Лагора, – торопился досказать первый пленный. «Вот когда, – говорят саибы, – мы пробьем наконец брешь в высоких стенах Дели и пойдем штурмом на город».

Тень легла на лицо Инсура.

– Так, – сказал Инсур. – Важные новости. – Он помолчал. – Можешь идти. В нашем лазарете тебе перевяжут руку.

Пленник побрел на террасу, поддерживая здоровой правой раненую левую руку.

«Значит, здесь не убивают пленных? – думал он. – А саибы говорили нам, что панди закалывают всех, без разбора».

Он вошел в лазарет. Женщина, повязанная белым, потушила бронзовый светильник – уже рассвело – и указала раненому койку.

«Значит, здесь не только не убивают пленных, а даже лечат? – продолжал удивляться раненый. – Зачем же нам лгали саибы?»

Там, в лагере англичан, раненые из туземной пехоты по много дней валялись на голой земле, без навеса, под солнцем, и никто не оказывал им помощи.

Индус-санитар принес корпию, бинты, приготовил мазь.

– Сейчас придет наш хаким, он тебя перевяжет.

«Хаким»? – пленный ожидал увидеть арабского ученого лекаря с седой бородой, в хитро повязанной чалме.

В зал вошел маленький сухой темнолицый человек с синими глазами европейца.

— Ты тоже пленный? — удивленно спросил сипай.

Хаким не отвечал.

— Покажи рану, — сказал Макферней.

Он ловко отодрал присохший рукав, разрезал ткань, омыл рану и уверенно начал накладывать повязку.

— А это что? — строго спросил хаким. Он увидел вздувшиеся темно-лиловые полосы на шее сипая и присохши гной.

— Избили, — неохотно ответил сипай.

— Зачем загноил? Зачем раньше не пришел? — рассердился Макферней.

— Это еще там. У них... — Сипай показал в сторону британского лагеря.

Макферней достал пузырек и протер загноившиеся рубцы раствором лекарства.

— Кто избил? — спросил он.

— Полковник. Ручкой пистолета, — покорно ответил пленный.

— Какой полковник? Как его зовут?

— Гаррис-саиб.

Хаким чуть-чуть изменился в лице.

— Гаррис? — спросил Макферней. — Ты твердо помнишь?

— Да, хаким, помню. Гаррис-саиб из Аллигура.

— Так, — сказал Макферней. — Так. — Он молча протирал раствором карболовой кислоты свои маленькие, обожженные лекарством руки.

«Значит, отец Дженни там, в лагере осаждающих...» — Пальцы Макфернея слегка дрожали.

— Скажи, хаким! — решился пленный. — Скажи, тебя силой привели сюда?

Макферней улыбнулся.

— Нет, — сказал Макферней. — Я мог и уйти. Но я не хотел.

— И ты по своей воле лечишь раненых панди?

Макферней кивнул головой.

— Значит, ты с ними заодно? — спросил пленный.

— Да, — просто сказал Макферней. — Я с ними заодно. Панди боятся за правое дело. Раненый замолчал. Боль в руке утихла, но он не уснул. Он лежал на койке и думал. «Даже и саибы с ними. Когда саибы честны», — думал пленник.

В час первой утренней еды женщина, повязанная белым, вошла и поставила перед ним чашку вареного риса.

— Я не хочу есть. Я хочу говорить с тем человеком, который допрашивал меня у фонтана, — сказал пленный.

Он был взволнован.

— Тот человек ушел, — сказала женщина.

Пленный лег на своей койке.

— Я буду ждать, — сказал пленный.

Допрос кончился. Инсур пошел осматривать посты.

По земляному скату, потом по каменным ступенькам, обложенным мешками с песком, он поднялся на вышку своего бастиона.

Солнце взошло. Широким взглядом охватил Инсур крепость и небо над крепостью.

Облака плыли над Дели. Дым трепетал над листвой, над плоскими крышами зданий. За садами теснились дома, храмы, голуби кружились над синим куполом Большой Мечети. Большой прекрасный город лежал по эту сторону крепостной стены.

За грядой холмов, по ту сторону стены, широким полукругом раскинулись палатки

британского лагеря. Слоны холмов, обращенные к городу, были почти обнажены, ни один человек не мог бы приблизиться к городской стене. Но в самом центре хребта, чуть правее Флагстафской вышки, довольно глубокий овраг пересекал гряду холмов и бежал наискосок по равнине. В этом месте Инсур видел какое-то движение. Черные фигурки шевелились по краю оврага, под прикрытием редких кустов.

Британцы начинали в этом месте какие-то большие земляные работы.

Долго смотрел Инсур на склон холма. Что замыслили саибы?.. Скоро на помощь им придут большие пушки из Пенджаба, – такие, которые смогут пробить брешь в могучих стенах Дели. И тогда настанет день штурма – решающий день.

Старый сержант Рунджит копался у своей пушки.

– Ты озабочен, Инсур, – сказал Рунджит. – Плохие вести оттуда?

Он указал на белые островерхие палатки за холмами.

– Вести добрые, – усмехнулся Инсур. – Саибы назначили за меня хорошую цену: пятьсот серебряных рупий.

Старые артиллеристы переглянулись.

– У нас с саибами другой счет: чугунной монетой, – сказал Рунджит и положил руку на ствол своей большой пушки.

– А сдачу даем картечью! – подхватил Шайтан-Ага, глядя веселыми озорными глазами прямо в глаза Инсуру.

Инсур улыбнулся. Он знал, что эти не подведут.

Пока сердца повстанцев сплочены единой волей, единственным желанием отстоять крепость, до тех пор Дели стоит крепко.

Только бы злые силы не разбили этого единства.

В самом Дели есть враги восстания. Сипайская вольница досаждает богатым горожанам. Всё чаще слышатся недовольные разговоры. Надо кормить и содержать многотысячное войско. Купцы не любят войны, если на ней нельзя наживаться.

И еще... Инсур поглядел в сторону высоких стен красного камня над самой рекой. Как крепость в крепости, огражденное стенами, укрепленное фортами, высилось над водами Джамны великолепное здание шахского дворца. Там затевались интриги, споры то одной придворной партией, то другой. Многочисленная челядь, советники, слуги, огромная разросшаяся семья, враждующие друг с другом принцы, и в центре всего этого – старый, выживший из ума шах – игрушка в руках тех, кто его окружает.

Гнездо предателей, откуда рано или поздно попытаются нанести удар.

Обходной дорогой, мимо развалин Арсенала, Инсур пошел обратно к дому резиденции.

Повстанческий табор шумел, просыпаясь. На майдане перекликались первые утренние голоса. Из раскрытых дверей кузницы летела сажа, слышались гулкие удары железа по железу. У входа в Большую Мечеть толпились нищие. Из ворот большого дома, брошенного своим владельцем, с звонким цоканьем копыт выезжали конные совары. Слуги несли в нарядных носилках знатную женщину-мусульманку, и ханум, отогнув уголок ковра, со страхом глядела, как скачут через площадь молодцы-совары, как пробуют остроту своих шашек на связках свежего тростника.

Скоро начнется бой, решающий бой за Дели. Будут ли сердца горожан едины, когда начнется бой?..

Две плетельщицы циновок сидели под навесом своего дома. Одна сучила в ладонях толстую травяную нить, вторая натягивала ее на колышки и переплетала другими. Обе поглядели на Инсура.

— Вон идет Инсур-Панди, — сказала одна. — Саибы назначили за его голову пятьсот рупий... Он идет, не прячась: должно быть, не боится.

— Чего ему бояться? — сказала вторая. — Разве есть в Дели хоть одна плетельщица циновок, которая отдаст саибам Инсура-Панди?..

Инсур свернул в тесную улицу Оружейников. Из раскрытых дверей низкого каменного строения на него пахнула волна жара, более сильная, чем накаленный солнцем воздух улицы. Это была оружейная мастерская. Молодой оружейник Застра склонился над изогнутым клинком. Пламя горна освещало его худое красивое горбоносое лицо, темное от копоти, и блестящие глаза.

— Привет тебе, Застра! — сказал Инсур. — Слыхал о новостях?

— Слыхал, — сказал оружейник. — За тебя назначили большую цену.

Застра улыбнулся.

— Ты можешь ходить открыто, Инсур, — сказал оружейник. — Нет в городе Дели кузнеца, медника, жестяника или оружейника, который выдаст тебя саибам.

В восточном тупике Серебряного Базара шумел Девятый артиллерийский полк. В этом углу сипайского стана распоряжался Лалл-Синг. Он вышел из рядов к Инсуре, разгоряченный, потный, полный забот и веселья, со смеющимися глазами, как всегда.

— Саибы назначили за меня пятьсот рупий, — сказал ему Инсур.

— Слыхал! — ответил Лалл-Синг. Он хитро улыбнулся. — Я скажу тебе: никто в Дели не получит этих денег.

— Почему же? Я хожу не прячась, все знают меня.

— Нет такого сипая в крепости, который выдаст саибам своего Панди, — твердо сказал Лалл-Синг. — Это значило бы выдать всех панди в городе.

У ворот резиденции Инсура окликнула женщина.

— Тебя ждет сипай, из тех, что привели сегодня ночью, — сказала женщина. — Не ест, не спит, ни с кем не разговаривает, всё спрашивает начальника. Он хочет что-то сказать тебе, Инсур.

Инсур прошел в лазарет. Пленный сразу сел на своей койке.

— Я ждал тебя, начальник! — сказал пленный.

Кровь прилила к его бледному лицу, даже след пендзинки на щеке стал светло-багровым.

— Прости, начальник, я не знаю, как тебя зовут, — послушай меня, я хочу видеть Панди, самого главного Панди, того, за которого назначили пятьсот серебряных рупий... Я хочу ему сказать... Большой разговор будет у меня с вашим Панди, о-о!..

— Что ты ему скажешь? — спросил Инсур. Он внимательно смотрел на худое, искашенное волнением лицо пленного.

— Позови ко мне его самого! — настаивал сипай.

— Ты не боишься? — спросил Инсур. — Он такой страшный, дьявол со стальными зубами... Ведь тебе говорили саибы?

— Нет, не боюсь, — с усилием выговорил пленный. — Я скажу этому Панди, что я и мы все, сколько нас ни есть пленных, мы все пойдем биться за Дели... Позови ко мне Панди, я хочу сказать ему самому!..

Улыбка осветила смуглое лицо Инсура.

— Ты уже сказал, — медленно произнес Инсур. — Я и есть Панди, тот самый.

Глава тридцать третья **ФАКИР ИЗ ФАКИРОВ**

Со всех концов Верхней Индии стекались в крепость восставшие войска.

Новый полк сипаев пришел в Дели из Сахранпуря. Его размещением занялся Лалл-Синг.

Лалл-Синг выжил из южного угла Серебряного Базара торговца топливом.

— Убери, сын навоза, свой грязный товар! — сказал торговцу Лалл-Синг. — Здесь расположатся герои Сахранпуря.

Торговец снабжал сущеным навозом несколько богатых домов и потому считал себя важным человеком.

— Уходи, не мешай моей торговле, сын опозоренной матери, — сказал торговец. — Половина города умрет без моего товара, не приготовив пищи. Если опустеет моя лавка, на чем люди будут варить баранину с рисом?..

— На твоих костях, сын верблюжьего помета! — отвечал Лалл-Синг. — Уходи скорее, если не хочешь, чтобы брюхо шакала стало могилой для твоих останков!..

И Лалл-Синг вытолкал купца из лавки, а вслед ему кинул несколько больших лепешек его сущеного на солнце товара.

Торговец коврами сидел на улице, тоже изгнанный из своей лавки, и громко причитал.

— Они разорили меня, — кричал купец, — несносные сипаи! Они выгнали меня вон, а сами расположились на моем товаре. С каких пор нищие сипаи спят на дорогих мирзапурских коврах?..

— Проклятые сипаи! — кричал торговец зерном. — Из самого лучшего, отборного риса они пекут лепешки для своих раненых!

— Лавка моя опустела! — продавец навоза бился лбом о землю у входа в торговые ряды. — Весь мой товар сипаи раскидали по городу, я разорен!

К концу дня на Конном базаре появился старик. Он пробежал к деревянной башне водокачки в самом центре площади, к месту водопоя коней и верблюдов, где всегда толпился народ, упал на землю, зарылся в пыль и начал молиться.

Старик был несомненно святым. Ногти на руках и на босых ногах у него были значительно длиннее самих пальцев, волосы не стрижены с самого рождения, всё тело в язвах от лишений и усердных молитв.

Простой народ, став тесным кругом у водокачки, с почтением и страхом глядел на старика.

— Я знаю его, — сказал торговец коврами. — Это святой человек. Он прошел на коленях весь путь от Бенареса до великих гробниц Агры. Все часы дня от восхода солнца и до захода он проводит в молитве, а по ночам спит на голой земле.

— Не на земле! Он спит на острых гвоздях, вбитых в доски!..

— Истинно святой!.. Факир из факиров!

Кончив молиться, незнакомый старик начал вещать Народу:

— Темный век настает! Брамины бросают Веды и совершают запретные дела. Рабам они объясняют закон, рабам служат, едят еду рабов. Презренные сипаи, рабы, набравшись гордости, уже занимают места дважды рожденных... Горе нам, горе, железный век настает: парии, чандалы, чамары будут властвовать над землей!..

Старик катался по земле, бил себя в грудь, тряс головой, хрюпал. Шапка из грязных омертвевших волос послушно следовала каждому движению его головы.

Купцы одобрительно кивали головами. Какой-то человек в парчовой расшитой

безрукавке, в зеленой шелковой чалме, завязанной хитрым узлом над самым лбом, как завязывают ученые, подойдя ближе, внимательно слушал факира. Это был Ассан-Улла, лекарь из шахского дворца.

— Горе нам, смешение каст настает, темный век, рабы, шудры властвуют над избранными! — вопил старик.

— Факир мудр! — сказал Ассан-Улла. — Он вещает правду.

Когда факир кончил свои завывания и народ начал расходиться, Ассан-Улла позвал старика в сторону и долго беседовал с ним.

В тот вечер старый факир ел баранину с рисом на заднем дворе у шаха. Там же провел ночь, а на утро ушел через южные ворота за городскую стену.

Глава тридцать четвертая

СОВЕТ ПРИНЦА

Южные ворота Дели долго оставались открыты. Через эти ворота в крепость подвозили продовольствие, свободно входили и выходили сипаи, крестьяне, странствующие торговцы, посланцы из других городов.

До самого конца августа у британцев не хватало войска, чтобы обложить крепость со всех сторон.

В переулках подле ворот, на порогах курилен, в чайных, у водоемов постоянно толпился и шумел народ.

И вот, как-то раз поздним августовским утром жители Дели увидели необыкновенное зрелище.

Длинный поезд крытых коврами повозок, открытых телег, носилок, паланкинов выезжал из южных ворот.

Богато одетые женщины, слуги, дети выглядывали из носилок. Впереди на добрых конях ехали купцы, — богатейшие, именитейшие купцы города: Иссахар-Али, Нах-рандат-Бабу, Гуффур-Эддин и другие. Пояса купцов отяжелели от золотых и серебряных монет, зашитых в потайные карманы.

Позади, груженные огромными выюками, шли верблюды.

Купцы уходили из Дели. Почувствовав близкую опасность, они первыми бежали из крепости.

В тот же день к вечеру в крепости разнесся слух: у ферингов прибавилось войска, они собираются обложить Дели со всех сторон. С севера к ним подходят большие подкрепления.

Лица горожан помрачнели. Факиры и нищие в храмах вещали недобroe. Слухи росли, умножались, уже трудно было различить, что в них правда и что неправда.

— Нана-саib разбит!.. — шептались в Дели. — Его войска сдались на милость ферингов...

— Восстание в Фаттехпуре подавлено. Морадабад окружена.

— Неправда! — говорили другие. — Еще силен Нана-саib, и войска у него много. Он только отступил в леса, чтобы оттуда вернее нанести удар английскому генералу.

Посланцы с юга и с запада действительно скоро перестали приходить, и Дели, оторванный от других очагов восстания, отныне был предоставлен самому себе.

Никто не руководил собравшимся в крепости повстанческим войском. Каждый полк, — больше того, — каждый батальон и даже каждая рота отдельно от других решали для себя вопросы обороны и нападения и выходили на вылазку за стены крепости храброй, но беспорядочной толпой.

Никто не заботился о снабжении солдат, о выплате им жалования. Купцы отказывали сипаям в муке и соли. Купцы требовали денег за продовольствие, а у солдат нечего было платить.

Выборные от войска пришли к Бахадур-шаху.

— Купцы требуют у нас денег, — сказали выборные. — Большая армия собралась в нашем городе, великий шах, а ты не платишь ей жалования. Купцы закрыли свои лавки, они не дают нам хлеба.

Старый шах вышел на балкон. Старческими подслеповатыми глазами он оглядел солдат, собравшихся у его дворца.

— Нет у меня золота для вас! — слабым голосом крикнул шах. — Глядите, как я беден, сипай! — Он выхватил маленький коврик из-под ног и затряс им над головой. — Вот всё мое имущество, нет у меня ничего для вас, солдаты!..

Шах заплакал. Министры увели его под руки с балкона.

Лазутчики из британского лагеря проникали в крепость и приносили своим офицерам утешительные вести: в городе нет порядка, все врозь, повстанцы не могут ни о чем договориться с шахом, а у шаха несогласия внутри самого дворца.

В сипайском таборе до ночи не утихал шум. Файзабадские сипаи хвалились своими заслугами, порочили сипаев других полков.

— Мы храбрее всех! — шумели файзабадцы. — У нас самые меткие стрелки!.. Мы больше чем все другие убили в бою офицеров-саибов!

— И мы сражались наравне с вами!.. Разве наши пули летят мимо голов ферингов? Кто из нас дрогнул перед штыком англичанина? — говорили другие.

— Да, да! Стрелки, гренадеры, саперы, конные, пешие, — все мы братья одного дыхания! — раздавались голоса. — Всякий, кто обнажил меч в войне против чужеземцев, достоин равной славы.

— Мирутские, файзабадские, бэрелийские сипаи — все братья! Бхай-банд!..

Но файзабадцы ничего не хотели слушать. Перессорившись со всеми, они ранним утром протрубыли подъем, снялись с места и, громко крича, стреляя в воздух, двинулись прочь из крепости по плавучему мосту через Джамну.

Английские офицеры смотрели на уходящих в бинокли со своей вышки на Хребте и поздравляли друг друга, поднимая руки в белых перчатках.

— Веселый сегодня день у саибов, — с грустью сказал в тот вечер Инсуру Чандра-Синг.

— Войско без начальника, что тело без головы! — сокрушался старый Рунджит, товарищ Инсура по батарее. — Саибы уже роют траншеи в трех местах по равнине, готовятся ударить по стенам Дели, а мы всё еще не знаем, кто будет руководить защитой крепости.

Пальба по ночам становилась всё сильнее, свежие силы подходили к британцам. Беспокойнее стало в покоях шаха, на дурбара слышались уже не пение и музыка, а резкие голоса, крик, свара. Бахадур сердился на своих министров: зачем допустили сипаев в город? Зачем связали судьбу его трона с судьбой восставшего войска?..

Всё реже звали музыкантов, плясуний во дворец, всё меньше объедков высыпали им к фонтану. Уныние настало во дворце, слитный гул до полуночи стоял в городе.

А по Курнаульской дороге, подняв длинные стволы к небу, уже ползли, влекомые слонами, мощные гаубицы, большие осадные мортиры, ящики со снарядами, с ядрами, с боевым снаряжением.

Джон Лоуренс наконец решился. Он снимал пушки с афганской границы и посыпал

их на помощь британцам, осадившим Дели. Своей Летучей панджабской колонне сэр Джон велел готовиться к походу.

Лазутчики из Курнаула принесли о том первые вести. Боевой жар, волнение охватило собравшиеся в крепости полки. Стрелки, гренадеры, конники, артиллеристы вышли на Большую площадь.

— Чего мы здесь сидим, как мыши, которые ждут, чтобы их заперли в мышеловку? — зашумели сипаи Девятого аллигурского полка. — Выйдем из крепости, ударим по врагу! Пробьемся на юг, на восток, вся страна за нас, соединимся с повстанцами Агры, с войсками Нана-саиба, они боятся за то же, за что бьемся и мы!..

— Да, да, братья!.. — кричали конники. — Индия велика. Пробьемся на юг, соединимся с повстанцами Ауда, Рохильканда, — тогда скоро ни одного англичанина не останется на индийской земле!..

— Не обороняться надо, а первыми бить по врагу! — поддержали конников опытные старые пехотинцы, помнившие волнения в Бенгале в 1842 году. — Оборона погубит восстание.

— Шах еще не отдал приказа о выходе из крепости, — возражали солдаты Восемьдесят второго. — Шах совещается со своими министрами.

— Слишком долго совещается великий шах! — кричали конники. — Пускай пойдут наши посланцы во дворец, поговорят с самим Бахт-ханом.

— Панди пошлем!.. Нашего Панди! — подхватили артиллеристы Тридцать восьмого. — Он сумеет поговорить с дворцовыми начальниками.

— Да-да!.. Пускай Инсур-Панди, наш лучший бомбардир, пойдет во дворец к шаху! — зашумел весь Пятьдесят четвертый полк.

Инсур пришел во дворец Бахадур-шаха.

Бахт-хан, назначенный начальником над всеми конными и пешими войсками, разрешил Инсуру войти в стланный коврами нижний зал дворца.

Бахт-хан был невелик ростом, худ лицом и шеей. Глаза с темными болезненными подглазьями глядели мимо Инсура.

Движением руки он пригласил сипая сесть у стены на подушки, устилавшие ковер.

Инсур не сел на шитые шелком подушки, не взял в руки длинной трубки кальяна и не начал речи с обычных приветствий. Лицо у Бахт-хана сразу помрачнело.

— У тебя двадцать пять тысяч солдат в крепости, начальник! — сказал Инсур. — Мирутские конники, молодцы-аллигурцы, гренадеры Тридцать восьмого рвутся в бой. Есть и легкие и тяжелые орудия в нашем Тридцать восьмом, есть и бомбардиры к ним... Мои артиллеристы послали меня к тебе, Бахт-хан... Зачем ты ждешь, когда феринги накопят силы за своими холмами и пойдут штурмом на крепость? Отдай приказ, вели своим солдатам ударить по войску противника и отогнать его далеко от стен Дели... Вся страна, все города Индии поддержат войско повстанцев.

Бахт-хан недовольно глядел на Инсура.

— Зачем полкам, присягнувшим шаху, выходить за стены Дели и ослаблять город? — ответил Бахт-хан. — Великий шах говорит: оборона трона — превыше всего. Если трон делийский качнется, кто поддержит его в других городах Индии?

На том и кончил Бахт-хан разговор с Инсуром.

— Не жди добра от Бахадур-шаха, — сказал в тот вечер Инсур своему другу и помощнику Лалл-Сингу. — Слишком много думает шах о своем троне и слишком мало — об Индии.

Сам шах, узнав о приходе посланца сипаев, смертельно испугался. Он приказал

никого больше не впускать во дворец, ни от горожан, ни от повстанческого войска.

Шах укрылся в своих покоях, велел плотно занавесить все окна, а у дверей поставить охрану из черных африканских слуг. С полудня до полуночи по всем внутренним залам жгли свечи розового воска и сладко пахнущие травы. Черной тушью по голубой персидской бумаге шах чертил стихи о любви соловья к розе, тысячу раз воспетой поэтами старого Ирана.

Шах не дописал своих стихов. Какой-то старик в одежде мусульманского нищего, оттолкнув сторожа, прорвался во внутренние покои и лег у самих ног шаха.

— Спаси нас, великий падишах, сияние неба! — кричал старик. — Спаси город правоверных и святую мечеть!.. Летучая колонна ферингов идет на Дели с севера, две тысячи конных сикхов, свирепых, как шайтан...

Сам Никкуль-Сейн, полковник ферингов; бородатый демон, ведет их на тебя, повелитель!..

— Смилийся над нами, всемогущий аллах! — простонал Бахадур-шах.

— Это еще не всё, великий шах, надежда правоверных!.. Большие пушки Пенджаба идут на помощь к ферингам.

— Пушки Лоуренс-саиба? — побелевшими губами спросил бедный шах.

— Да, падишах, сияние неба!.. Могучие слоны ташат эти пушки, пыль поднимается до самого неба, от гула и топота дрожит земля... И это еще не всё, великий падишах!.. Маленькие дьяволы идут на Дели с гор, косматые дикие гурки безобразного вида. Они мчатся на легких телегах, и, когда спускаются с гор в равнину, ты станешь от восхода солнца и до захода считать их и не сочтешь... Не надейся больше на сипаев, повелитель, подай руку Вильсон-саибу, если хочешь спасти себя, своих сыновей и внуков, надежду трона!..

В тот же день Бахадур-шах созвал своих министров на совещание. Шах сорвал с себя чалму в знак отчаяния и выдрал кольца волос из своей серебряной бороды.

— О я, несчастный! — сокрушался шах. — Погиб мой трон, сыновья и внуки, надежда трона! Будь проклят день и час, когда сипаи вступили в мой город!

Министры почтительно вздыхали, скребли головы под чалмами и не знали, что сказать.

— Не так слаб Дели, как думают трусы! — пытался успокоить шаха Мукунд-Лалл, хранитель печати. — Снарядов и пушек много в крепости. Хоть и разбрелись файзабадцы, но войска еще у нас немало, и сипаи сражаются храбро.

— Снарядов и пушек много, пороха мало, — вмешался Ассан-Улла, придворный лекарь. — Без пороха молчат и пушки и ружья.

— Нет, не спасти Дели! — сказали министры. — Лучше уйти нам отсюда, повелитель, уйти из южных ворот, пока Вильсон-саиб не обложил крепость со всех сторон.

— Уйти уже трудно, конные разъезды ферингов перерезают и южную дорогу, — сказал Ассан-Улла.

— Гибнет великий трон!.. Всемогущий аллах разгневался на нас!

— Можно еще спасти трон, — неторопливо сказал принц Мирза-Могул.

Все министры повернулись к нему.

— Феринги копят силы, — сказал Мирза. — Жирный Лоуренс посыпает им из Пешавара пушки. Большой бой будет под стенами Дели, и мы еще не знаем, кто одержит победу.

— Ты прав, Мирза-Могул, — печально сказали министры.

— Если мы поможем ферингам взять крепость, шах Дели останется шахом Дели.

– Научи же меня, Мирза, мой верный сын, – научи как быть, – слабым голосом попросил шах.

– Надо тайно открыть ферингам вход во дворец со стороны Речного бастиона. Когда начнется штурм, надо впустить ферингов в город. Генерал Вильсон не забудет нашей услуги.

Все молча смотрели на шаха. Шах кивнул головой.

– Ты прав, Мирза! – сказал шах.

– Ты мудр, великий Мирза, сын великого отца! – повеселев, сказали министры.

Движением руки шах повелел им всем уйти. Министры удалились.

Остались только: принц Мирза-Могул, придворный лекарь Ассан и Мукунд-Лалл, хранитель печати.

Мукунд-Лалл поставил на низкий столик лакированный ящичек с перьями, серебряный сосуд с тушью. Он вопросительно смотрел на лекаря.

– Прикажи, великий падишах, написать письмо Вильсон-саибу, – низко поклонившись шаху, сказал Ассан-Улла. – Я найду способ, как передать твоё письмо в лагерь ферингов.

Глава тридцать пятая ВО ВРАЖЕСКОМ ЛАГЕРЕ

Поздно вечером из Кабульских ворот крепости вышли двое: молодой рабочий оружейной мастерской – Застрой – и мальчик-конюх, в белой безрукавке, в желтой чалме и широком поясе, небрежно повязанном вокруг тонкой талии. Инсур проводил их, до самых ворот. На прощанье он положил руку маленькому конюху на плечо.

– Ты смела, Лела, – сказал Инсур. – И ты хорошо знаешь язык саибов.

Он нарисовал на песке извилистую линию холмов, старое русло канала и уходящую на северо-запад узкую черту Курнаульского шоссе.

– Вот! – сказал Инсур, ткнув палочкой в левое крыло лагеря. – Здесь идут какие-то большие работы. Надо узнать, что замыслили саибы.

До старого русла канала, замыкавшего британский лагерь слева, добраться было легко, постройки загородного Птичьего Рынка, хоть и наполовину разрушенные стодневной артиллерийской стрельбой, служили достаточным прикрытием. Но дальше, за Птичьим Рынком, начиналось открытое поле. Конные пикеты противника постоянно разъезжали здесь.

Лела с Застрой пробрались вдоль выбоин в земле, вдоль побитых пулями кустов, и сползли потихоньку в русло высохшего канала, обегавшего лагерь с левой стороны.

Всё было тихо. Они осторожно поползли дальше по высохшему руслу. Сухой бурьян зашуршал у Лелы под рукой.

– Кто идет? – тотчас крикнули где-то близко, на английском языке с туземным акцентом.

На другой стороне канала стоял кавалерийский пикет.

Лела замерла.

Возглас не повторился.

Они ждали долго, потом осторожно поползли дальше.

По правому берегу канала длинным рядом стояли крытые обозные повозки. Лела с Застрой выползли на берег и спрятались между колес.

Прокакал разъезд конных, в красных и синих тюрбанах. Длинные волосы всадников трепались по ветру. Лела узнала резкую раскатистую речь сикхов.

Снова всё стало тихо. Потом несколько человек подошли к повозке. Они уселись на землю с другой ее стороны.

— Завтра придется всё перетаскивать на другое место, — сказал один. — Белуджи пришли.

— Да, тесно стало в лагере. Их больше тысячи человек.

— Послезавтра ждут новый батальон кавалерии.

— Сикхи?

— Нет, кашмирцы.

— Вильсон набрал сюда людей со всей земли.

— Он хочет запереть перед штурмом все выходы из города.

Они замолчали.

— Ползем дальше, Застра! — прошептала Лела.

— Погоди, пусть отойдут, — тихонько сказал ласкар.

Обозные отпрягли волов ивели их к водоему. Лела с Застрой выбрались из путаницы телег. Осмелев, они шли дальше.

Справа дымились костры. Какие-то люди сидели вокруг огня. Пахло дымом, козлятина варила в больших котлах.

Лела видела туго завернутые чалмы людей, с узлом над правым ухом, их белые халаты с резкой черной каймой, слышала незнакомую горянную речь.

— Это белуджи, — сказал Застра. — Белуджи-кочевники, я знаю их язык. Ласкар стал слушать.

— Запрем город, — говорил высокий человек в полосатом бурнусе, с кудрявой черной бородой, — обложим его со всех сторон и всех проклятых пурбийцев¹⁶ перережем. Они поносили имя аллаха!..

— Пурбийцы!.. Так они называют индусов Доаба! — взволнованно прошептал Застра. — Их научили саибы!

— Всех перережем! — повторил чернобородый. — Иначе они пойдут на нашу землю, заберут наши пастбища, угонят наш скот...

— Кто тебе говорил это! — вдруг, не стерпев, закричал из темноты Застра. — Кто тебе говорил это, глупый человек?..

Забыв об опасности, Застра вышел к костру. Он был бледен от злобы.

«Что он делает!.. — Лела замерла в траве. — Он всё погубит, сумасшедший ласкар!..»

— Феринги обманули вас! — задыхаясь, сказал оружейник. — Они хотят вашими руками взять Дели, а потом задушить и наш народ, и ваше вольное племя.

— Что он говорит? — громко спросил человек в полосатом бурнусе. — Что он такое говорит?

— Они так всегда делают, феринги, — сказал Застра. — Воюют чужими руками.

Все головы повернулись к нему. Ласкара слушали.

— В городе у вас нет врагов, — сказал ласкар, широким жестом указывая на крепость. — Там живут мирные люди. Они как братья готовы дружить с вами и не хотят вашей земли. Надо прогнать чужеземцев-ферингов, — говорят наши индузы, — и тогда каждый сможет спокойно возделывать свое поле, пасти скот на своей земле и веровать в своего бога. Феринги обманывают вас, чтобы посеять рознь между братьями — земледельцами одной страны и пастухами другой. Не верьте чужеземцам, сыны пустыни!

¹⁶ Пурбийцы или „пурби” — так в Белуджистане называют жителей Верхней и Центральной Индии.

Все молчали вокруг костра. Застра видел смущение на лицах.

– Он говорит правду, – несмело сказал чей-то голос.

Но высокий белудж в полосатом бурнусе, должно быть начальник отряда, подбежал к огню.

– Индус лжет! – крикнул высокий. – Он подослан оттуда!

Оскалившись, белудж указал в сторону Дели.

– Он подослан из города, – бессмысленно смеясь, сказал белудж. – Я знаю, мне говорили офицеры ферингов... Проклятые пурбийцы, они ополчились на нашу веру! Они хотят, чтобы мы поклонялись их поганым богам, двухголовым и шестируким. Чтобы мы верили в бога, сидящего на цветке, немыслимого бога, едущего на летучей мыши, на рыбе, на орле... Бога, который каждый год умирает и каждый год рождается снова... Чтобы трупы наших воинов мы не хоронили в земле, а сжигали на кострах, как тела презренных индусов. Тьфу!..

Белудж плонул на землю.

– Да, да! – послышались голоса. – Гаффар прав! Гаффар знает лучше, – он дружен с большими начальниками ферингов. Сам Никкуль-Сайн подарил ему серебряную шашку.

– Да, да... Индус лжет!

– Взять его! Поганого пурбийца!

Застра стоял не шевелясь. Но едва белуджи подбежали к нему, одним прыжком, почти без разбега, он перемахнул через костер. От неожиданности люди по ту сторону костра расступились. Но тотчас бросились за ним вслед. Шагах в двадцати плотным строем в несколько рядов стояли обозные фуры. Ласкар нырнул под них.

– Он там, там! – закричали кочевники, несколько человек полезли под колеса телег. Ласкар, быстро изменив в темноте направление, уходил уже другой стороной. Он пробежал, прошелестев по траве босыми ногами, у самого плеча Лелы. «Уходи скорее», – успел шепнуть ласкар. И действительно, белуджи уже рассыпались по всем направлениям, шарили во всех кустах. Лела тихонько приподнялась и побежала.

В замешательстве она вдруг перестала понимать, где канал и куда ей нужно повернуть. Кажется, она бежала в сторону, противоположную каналу. Длинный поезд крытых парусиною пушек преградил ей дорогу. Лела побежала в обход, завернула за какие-то деревянные будки и неожиданно для самой себя очутилась среди офицерских палаток.

Их было много. Спальные палатки, обеденные, гостиные, большая четырехскатная палатка офицерского собрания, – целый город, белый, шелестящий полотняный город. Куда же теперь идти?

Лела стояла в узком проходе, не зная, куда повернуть.

– Кого ищешь? – строго окликнул ее какой-то проходивший мимо солдат.

– Полковника Гарриса, – быстро ответила Лела. – Меня послали к нему в конюхи.

– Разве полковник не в своей палатке?

– Нет.

– Да вот как раз он сам идет! Должно быть, на совет к генералу.

Высокий офицер с коротко подстриженными светлыми усами шагал им навстречу.

Просившийся к нему в конюхи молоденький индус неожиданно побледнел и быстро шмыгнул куда-то вбок, за палатку. Полковник шагал туда же.

Лела легла на землю и заползла под наружную полу какой-то большой палатки. Внутри пахло дорогим табаком и цветочной эссенцией.

Полотняные стены палатки были двойные, — так всегда делают в Индии для защиты от солнца. Между одной полой и другой было около фута пространства. В этом пространстве поместились Лела.

Сквозь второе полотно Лела видела тени, чьи-то головы склонились над неярким светом. Здесь совещались сайбы.

У Лелы сильно забилось сердце.

— Можно ли верить старой обезьяне? — говорил очень близко за полотном чей-то насмешливый голос.

— И всё же обратить внимание на последнее предложение шаха необходимо! — возразил другой голос, скрипучий и бесстрастный. — Может быть, старый шут не врет? Надо добиться ясности. Если стариk не лжет и действительно готов открыть нашим войскам ворота дворца со стороны реки, то такой план штурма города, конечно, представит ряд выгод по сравнению с первым. Во-первых, тогда наш левый фланг будет упираться в реку, и, значит, слева мы будем неуязвимы. Во-вторых...

Это говорил Чемберлен.

«Если бы щука заговорила, у нее был бы точно такой голос», — подумала Лела.

Невилль Чемберлен уже оправился от своего ранения и принимал участие в военном совете. Обсуждался окончательный план штурма крепости Дели.

— ... во-вторых, — продолжал медленный голос, — если мы беспрепятственно проникнем во дворец и овладеем столь важным участком на правом фланге противника, наши войска смогут непосредственно через западные ворота дворца войти внутрь города и по широкой улице Серебряного Базара начать постепенный захват глубоких позиций неприятеля...

— Я полагаю иначе! — сказал другой голос, отрывистый и энергичный.

Это говорил Никольсон.

— Я полагаю иначе. Лобовой штурм крепости, с Кашмирских ворот, будет, по моему мнению, в данных условиях более правилен. Фланговый штурм, обход и глубокое проникновение в тыл могут оказаться опасными в условиях, где буквально каждый переулок, каждый дом будет оказывать сопротивление. Правильнее будет, если шах откроет нам ход под Кашмирские ворота.

— А есть такой?

— Конечно, есть. Ответвление главного хода, несколько добрых мин, и Кашмирские ворота летят в воздух... Брешь в стене, и мы, начинаем штурм крепости прямо с лобового участка.

— Великолепно! Браво, Никольсон.

— Блестящая мысль!..

— Предложим старику такой вариант. Пускай тешится тем, что мы сохраним за ним престол Дели.

— Кто же займется этим?

— Ходсон, конечно, Ходсон!.. У него есть люди для таких поручений.

— Бедный Ходсон!.. Весь день у него толкуются в палатке какие-то грязные нищие факиры. Я не знаю, где Ходсон добудет достаточно лавандовой воды, чтобы отмыться после таких посещений.

— К делу, джентльмены!.. Окончательный ответ из дворца будет не раньше чем послезавтра. Мы должны сперва проверить: действительно ли шах готов впустить нас в город или это очередная восточная уловка...

Лела не стала слушать дальше. Бахадур-шах хочет впустить сайбов в крепость!

Отдать Дели и погубить восстание!.. Лела опрометью бежала обратно, не думая об опасности. Добежав до канала, она разом скатилась на его сухое дно; здесь, остановившись на минутку, сорвала с себя безрукавку, стеснявшую грудь, скинула узкие сапожки и дальше бежала уже босиком, не чувствуя, как колючая трава обжигает ей босые ноги... Скорее, скорее!.. Всё рассказать отцу, пока не поздно.

Глава тридцать шестая НОЧЬ В ДЕЛИ

Стража у Кабульских ворот была предупреждена, Лелу тотчас пропустили в крепость. Сокращая дорогу переулками, она пробежала к дому резиденции. В помещении для стражи кружком сидели на полу сипаи. Отца на его обычном месте не было.

«Скоро полночь!.. – хватилась Лела. – С полуночи отец дежурит на бастионе».

По ночам у бастионов особая охрана, а она не спросила у отца пароля этой ночи! Лела стояла у ворот. Издалека доносились пение молитв и приглушенный звон медных колокольчиков в индусском храме. Ночная стража перекликалась на Серебряном Базаре. Луна еще не взошла, в полуночье слабо серебрились крест и купол христианской церкви за улицей Садов. Лела всё стояла у ворот, не зная, на что решиться.

Бирманский гонг ударил в воротах дворца, возвещая полночь. Кто-то подошел в темноте к садовой ограде. Из-за высокого вороха скошенной травы на Лелу внимательно глядел какой-то человек. Этот человек пришел оттуда же, откуда и она, только другой дорогой и несколько позже. Приметил ли он ее в вечернем полумраке, в путанице белых палаток? Может быть и приметил. Он стар, но глаза у него глядят зорко, он хорошо видит и в полуночье.

Лела вышла из ворот. Старик проводил ее взглядом. Он видел, как девушка, перейдя широкую площадь, свернула в узкий переулок за Большой Мечетью. Две старые ковровщицы живут в переулке, они хорошо знают Лелу. Она решила ночь провести у них, а рано утром, когда сменятся дозоры, пойти к отцу.

Проследив, куда она пошла, старик через пролом в каменной ограде перебирается на просторный дворцовый двор.

Высокие стены дворца бросают густую тень, двор темен, но старик идет уверенно, точно днем: во дворце ему знакомы все ходы и выходы.

Прошедший день был жарок, но и наступившая ночь не принесла прохлады. Небо, как прогретый огнем душный синий купол, опрокинулось над задыхающимся, обреченным городом. Накалившаяся за день земля ночью отдавала тепло. Ни свежего дуновения, ни ветерка не доносилось с окружающей равнины. Казалось, Джамна струит не воду, а раскаленное серебра в нагретых берегах.

Ища прохлады, люди выходили на воздух, поднимались на плоские каменные крыши, выносили свои постели и спали под открытым небом.

Лела собрала с полу циновки, расстелила их на крыше и легла рядом с женщинами из своего дома.

В юго-восточной башне дворца, глядящей на темную реку, при свете бронзового светильника двое людей склонились над листом бумаги, разбирая сложную вязь персидского письма. Несмотря на восточную цветистость речи и на обязательные в таком послании учтивые комплименты, письмо было коротко и по-европейски деловито. В нем слышался властный голос англичанина.

«Мы вновь обращаемся к тебе, величайший из шахов, надежда твоей страны!» – так начиналось письмо.

– Это Руджуб-Али писал под диктовку своего господина, – сказал Ассан-Улла. – Саиб сам поставил внизу свою подпись. Взгляни, свет души!.. – Он протянул письмо принцу.

«Вильям Ходсон», – четко выведено было латинскими буквами под текстом письма.

Руджуб-Али, туземный офицер, мусульманин, был помощником Ходсона и правой его рукой по Корпусу туземной разведки.

Что же пишет Ходсон-саиб?..

«Мы вновь обращаемся к тебе, величайший из шахов, надежда твоей страны. Наша добная королева соглашается вернуть тебе свою прежнюю милость. Не упусти счастливую возможность, дай нам доказательства чистоты твоего сердца. Сколько раз, мудрейший из шахов, ты вредил себе тем, что не слушался британцев!.. Ответь генералу, согласен ли ты, по знаку из лагеря, открыть доблестным британским войскам подземный выход из твоего дворца к Кашмирским воротам...»

Ассан-Улла поднял глаза.

– Он хочет, чтобы повелитель открыл солдатам генерала ход к городской стене, свет души!..

Принц молча кивнул головой.

Ассан-Улла дочитал письмо:

«Согласись, великий шах, и мы поможем тебе освободить город от власти презренных сипаев, возродить в прежнем великолепии славу твоей династии, а старшему твоему сыну, Мирзе-Могулу, подарим все права наследного принца».

– Он обещает тебе права на престол, свет души!..

Принц всё еще молчал. Он опустил веки над черными тусклыми глазами, точно обдумывая что-то.

– Где старик, принесший письмо? – минуту спустя спросил принц.

– Я приказал дать ему еды. Он ждет.

Принц неторопливо поднялся, достал из ниши в стене «большой ларец с затейливо изрезанной крышкой, осторожно выдвинул боковую стенку и спрятал письмо на второе потайное дно ларца.

Ассан-Улла вопросительно поднял брови над слегка припухшими темными проницательными глазами.

– Ты не велишь мне прочитать это письмо повелителю, свет души?.. – спросил Ассан-Улла.

Но принц, усмехнувшись, поставил ларец обратно в нишу.

– Зачем беспокоить шаха? – сказал принц. – Разве мы с тобой сами не знаем, что надо ответить ферингам?

Пламя в бронзовом светильнике слегка дрогнуло, язычок огня из ярко-желтого стал красноватым и начал шипя гаснуть. Ассан-Улла поправил фитиль, потом положил перед собой полоску тонкой плотной, как банановый лист, персидской бумаги, придинул серебряный сосуд с тушью.

– Моя рука стала твоей рукой, свет души!.. – сказал Ассан-Улла.

Принц продиктовал ему письмо.

Ассан-Улла вышел в соседнюю комнату и здесь негромко хлопнул в ладоши. Черный слуга-африканец в желтой повязке вокруг бедер неслышно ступил на порог

босыми ногами. Слуга взял письмо и также бесшумно исчез.

Принц с Ассан-Уллой еще долго сидели в башне, совещаясь. Ночь была душна, после полуночи хлынул дождь. Они словно ждали этого. Под завесой дождя и тьмы, притушив светильник, принц с лекарем бесшумно прошли к задней стене дворца, выходившей на реку. Ассан-Улла откинулся дерн над одной из каменных плит, устилавших двор. Вдвоем с принцем, взяв за кольцо, они приподняли плиту, отвернули ее и спустились вниз, в потайной ход.

Река билась о гранитную стену дворца где-то очень близко, над самыми их головами. Одно ответвление подземного хода уходило под реку, к форту Селимгур, другое поворачивало на север и вело к городской стене, к Кашмирским воротам. Ассан-Улла осторожно засветил огонь, и они с принцем внимательно осмотрели глубокий спуск, высеченные в твердом грунте ступеньки, подземные крепления сводов, потом потушили свет и вернулись в башню.

Ночь. Поздно взошедшая луна медленно клонится к горизонту. После полуночи прошел короткий дождь, женщины вынесли на крыши тазы, кувшины, чтобы собрать воду. Лунный свет дробится в серебряных боках кувшинов, в запястьях женщин. Измученные жарой, люди лежат вповалку, как трупы.

Ночь. Крыши освещены луной. Весь город можно пройти по крышам, как по огромным ступенькам, – уступами, от крыши к крыше.

Сутулый человек в высокой шапке тихо бредет под лунным светом. Еще двое идут за ним, неслышно ступая по гладким камням. Лела спит в тени, рука откинута в сторону.

Человек идет медленно, он ищет кого-то. Вот свет луны упал на откинутую девичью руку, и синие стеклянные браслеты блеснули под луной.

– Она! – Человек подходит. – Батма-Севани носила такие!.. Да, это она, ее дочь!..

Он наклоняется, грязной ладонью зажимает Леле рот. Двое других берут ее на руки, торопливо уносят. Белый платок, соскользнув с плеч Лелы, остается лежать на крыше.

Глава тридцать седьмая

ФАКИРСКАЯ ПОЧТА

Весь, день было много раненых, к ночи стало еще больше. На Курнаульском шоссе шел бой за дом Рао – старое полуразрушенное здание, с вышки которого можно было вести наблюдение за большим участком шоссе. Сипаи, сделав вылазку, в полдень захватили дом Рао, но к вечеру британцы оттеснили их, с большими потерями для обеих сторон. Настала ночь, а добровольцы-санитары всё еще несли и несли раненых. Макферней перевязывал раны, останавливал кровотечение, давал укрепляющее питье. Вторые сутки без сна, – он едва держался на ногах. К концу ночи санитар-индус посмотрел ему в глаза.

– Иди отдохни, хаким! – сказал санитар. – Что мы будем делать, если и ты заболеешь?

– Ты прав, пожалуй, – сказал шотландец. Он кликнул Сама и вышел в сад.

Ночь была душной. В густой тени платановых деревьев белели огромные, распластавшиеся по земле сладко пахнущие цветы. Ползучий хмель перекинулся от деревьев к каменной ограде, заплел всю ограду, вился по земле. Макферней хотел пройти дальше, и остановился. Эти разваленные камни садовой ограды и земляные ступеньки рядом, ведущие куда-то вниз, в темноту, были ему знакомы. Здесь ютились

фокусники, факиры с шахского двора, нищие. Но всегда здесь было тихо, только дымный смрад изредка поднимался над земляной крышей. А сейчас он слышал голоса.

Нет, не голоса, а голос!.. Каким-то особенным напевом один человек на разные тона повторял слова, всё одни и те же:

– Чунда-Наг! – твердил голос с каким-то странным напряжением, настойчиво, грозно, точно призывая кого-то. – Чунда-Варуна-Наг!..

Слова были шотландцу знакомы. С внезапно забившимся сердцем он стал спускаться по земляным ступенькам.

Смрадом и сыростью пахнуло ему в лицо. Макферней вошел внутрь. Слабый лунный свет косой полосой падал из прореза в крыше. Худой, обросший грязным волосом старик сидел спиной к входу, на земляном полу.

– Великий Брама родил орла! – бормотал старик. – Великий орел родил обезьяну...

В глубине землянки Макферней услышал стон и затрудненное человеческое дыхание. Сам взвизгнул и бросился туда.

– Что такое? Кто там? – спросил Макферней. Он шагнул вперед.

– Сакра-Ануман! – грозно сказал старик, вставая навстречу. – Змей сильнее обезьяны!

Старик загораживал ему путь.

– Чунда-Варуна-Наг!.. Орел сильнее змея!.. – ответил Макферней.

Старик замолчал, оторопев. Чужеземец знает тайну его заклинаний?

– Сакра-Варуна-Дар! – неумолимо продолжал Макферней. – Человек сильнее орла!

«Великий Брама! – старик затрясся. – Хаким знает больше, чем он сам?.. Значит, хаким сильнее?..» – Он отполз к стене.

– Батта-Бхаратта-Лелл! – наступал на него Макферней.

Старик не шевелился. Да, хаким знает больше. Он с трепетом глядел на шотландца.

Макферней прошел в глубину землянки и увидел Лелу.

Она лежала на полу. Чья-то грязная чалма, натянутая на глаза, прикрывала ей половину лица.

– Отпусти меня, проклятый старик! – сказала Лела, не видя, кто стоит над нею.

Макферней развязал чалму, освободил руки Лелы, прикрученные к бамбуковому стояку. Она приподнялась и, сдерживая стон, начала растирать затекшие кисти рук.

– Это ты, Макферней-саиб!.. – сказала Лела. – Какое счастье, что ты пришел!..

Она показала Макфернею тонкий джутовый шнур, валявшийся на полу.

– Он хотел меня задушить, – сказала Лела. – Он прикрутил мне руки и завязал глаза. Он стал читать надо мной свои заклинания и читал до тех пор, пока у меня не закружилась голова. Еще немного, и он бы осилил меня... Какое счастье, что ты пришел, Макферней-саиб!

Сам вдруг заволновался и бросился к порогу. Макферней оглянулся. Никого не было в землянке, – старик ушел.

Сам заметался у выхода и выскочил было за порог, но тотчас вернулся и тихо заскулил, глядя в глаза хозяину, точно приглашая его идти за собой.

– Ищи! – сказал ему Макферней.

Он и Лела пошли вслед за собакой.

Сам вел их к пролому в ограде, на двор шаха, мимо дворцовых пристроек, к задней стене дворца, выходящей на реку.

Здесь, у самой стены, пес остановился и жалобно взвизгнул.

– Потерял след! – сказал Макферней.

Нет! Тихонько рыча, пес скреб лапами у самой стены.
Большая квадратная плита слабо белела в ночной темноте.

Лела с шотландцем подошли ближе. Они увидели укрепленную слегка наискось к поверхности земли каменную дверцу, подбитую по краям мелкими камешками и дерном. Прошедший накануне дождь размыл дерн и обнажил края плиты. Это походило на вход в потайной склеп. Сам упорно скреб камень лапами, точно пытался приподнять тяжелую дверцу.

– Старик ушел вниз! – сказала Лела.

– Да, – сказал Макферней. – Ход к Селимгуру и второй ход на север, к бастионам. Я немного знаю устройство этого дворца.

– Что же теперь делать? – сказала Лела.

– Сам знаменитый шах Джежан чертил план Селимгурского форта, северных укреплений и подземных ходов. В те времена и под индусским храмом был подземный ход, но его давно завалило...

Лела не слушала шотландца.

– Надо догнать! – сказала Лела.

Она наклонилась и взялась за железное кольцо.

– Нет, нет, – сказал Макферней, – это невозможно! Надо знать направление, подземные переходы, провалы, повороты внизу, в кромешной тьме... Ты не пройдешь и двухсот шагов, а старик уже будет далеко.

– Старику нельзя отпустить! – чуть не плача сказала Лела. – Бог знает, что он уносит с собой.

– Беги поверху! Подземный ход ведет к бастиону. Ты прибежишь к отцу раньше, чем старик пройдет тот же путь под землей.

– О, как ты хорошо придумал, Макферней-саиб! – Лела уже бежала к воротам.

Санитар вышел на террасу искать хакима.

– Я здесь! – сказал Макферней.

Он вернулся к своим раненым.

Весь город можно пробежать поверху, по крышам. Пока старик ползет, как крот, под землей, она уже будет у бастиона. Узкий переулок позади дворцовой стены, потом площадь Большой Мечети, а там – по крышам, короткой дорогой, наперерез к северной стене. Лела летела, как птица, перепрыгивая через невысокие каменные ограды крыш, переступая через тела спящих. Луна уже зашла, но Лела угадывала дорогу и в полутьме. Огромный купол и минареты Большой Мечети остались позади, она бежала уже по домам Индусского квартала. Перепрыгивая с крыши на крышу, она спустилась на узкую немощеную улицу. Христианская церковь, казармы, переулок Трубачей, – вот она уже возле городской стены. В темноте перекликаются ночные дозоры.

– Кто идет? – сторожевой патруль шагает ей навстречу. Лела останавливается. Ее не пропустят дальше: она не знает пароля этой ночи. Она не дойдет. Лела прижимает руку к сильно бьющемуся сердцу. Патруль подходит ближе, начальник патруля поднимает свой маленький фонарь и освещает лицо Лелы. Но свет фонаря ложится и на лицо начальника, и Лела узнает серые блестящие глаза и слегка тронутые оспой знакомые худые щеки Чандра-Синга.

– Чандра-Синг!.. Веди меня на бастион к отцу! Важные вести, Чандра-Синг!..

Чандра-Синг не спрашивает ни о чем, патруль молча раздается в стороны, Чандра берет Лелу за руку и ведет. У подножия бастиона, на земляном подъеме, выстланном

камнями, стоит охрана. Чандра-Синг говорит пароль, и их пропускают.

Отец спокойно слушает Лелу.

– Что ж, я хорошо выбрал своего лазутчика, дочка, – усмехается отец. – Садись на камешек, посиди, времени у нас много.

– Что ты, отец!.. Старик уже давно спустился, он уйдет на ту сторону. Ты не знаешь, как хитер старик.

– Я знаю, как хитры подземные переходы. Старик небыстро идет под землей и куда бы ни повернул, всё равно придет к бастиону.

– Клали мины при Виндхам-саибе, знаем, – хрипит Шайтан-Ага, подмигивая Инсуре.

Оба спускаются вдоль внутренней стороны бастиона, обращенной к городу, и исчезают в провале между камнями.

Проходит много времени, уже бледнеет небо на востоке, когда Инсур с товарищем возвращаются наверх.

Инсур несет кого-то на одной руке, перехватив у пояса, и бросает на землю, как кулья тряпок.

– Обыщите его! – говорит Инсур.

В поясе у человека крепко завязан свернутый в трубку и дважды запечатанный лист голубоватой персидской бумаги. Инсур ломает печать.

«... Поверь мне, генерал-саиб, звезда моей души, поверь в чистоту моего сердца... Разве твоя королева не была и моей повелительницей долгие годы?.. Смиреннейший из слуг Виктории-ханум, я за счастье считаю вернуть себе ее прежнюю милость. По первому твоему знаку, генерал-саиб, я готов открыть солдатам королевы подземный ход из моего дворца под Кашмирские ворота»...

Инсур опускает руку с письмом. Он бледен.

Письмо шаха генералу Вильсону!..

Вслед за письмом из пояса сыплются золотые монеты. Старик бросается их подбирать. У него трясутся руки, настоящие слезы текут из больных, изъеденных язвой глаз.

Рунджит, старый сержант, с презрением глядит на него.

– Так вот кому платит свое золото тощий саиб, – говорит Рунджит.

Глава тридцать восьмая

ИЗМЕНА ВО ДВОРЦЕ

– Намак-Харам!.. Измена!.. Измена во дворце!.. Сам Бахадур-шах предался ферингам!..

– Измена!.. Шах Дели хочет обойти повстанцев. Он засыпает письма во вражеский лагерь!..

Сипаи бегали по мраморным залам дворца, потрясая оружием:

– Где они, советники Бахадур-шаха?.. Изменники, ломающие братскую соль!

– Предателям не будет пощады!..

– Я вырву им глаза, сынам бесчестных матерей!.. – кричал, трясясь кривой саблей, Лалл-Синг.

Сипаи метались по дворцовым покоям, среди раскиданных подушек, перевернутых жаровен, испуганных слуг.

Черный евнух-африканец, с желтыми крашенными волосами, в оранжевой повязке на бедрах, с ног до головы натертый пахучим маслом, лег на пороге женской

половины.

– Нельзя! – жестом показывал евнух.

Лалл-Синг, взяв за скользкое от масла плечо, откинул евнуха в сторону и брезгливо вытер руку о широкий пояс.

– За мной, сипаи! – сказал Лалл-Синг.

На женской половине они нашли Бахадур-шаха, трясущегося от страха, в шальварах и кисейной чадре его жены. К шаху приставили стражу. Его и Зейнаб-Махал, старшую из шахских жен, заперли в дворцовом подвале.

Мирза-Могул, сын шаха, надменный, грузный, в парчовом халате, в белоснежной чалме, вышел к повстанцам из своих покоев.

– Прочь отсюда, сипаи! – сказал Мирза. – Кто дал вам право распоряжаться во дворце шаха?

– Молчи, сын ехидны! – ответил ему Лалл-Синг. – Ты тоже готов был открыть ворота саибам, чтобы спасти свою шкуру.

– Они все рады продать нас чужеземцам, трусы! – закричали сипаи.

Мирза ругался, грозил, – его потащили и заперли вместе с отцом.

Сипаи обыскивали дворцовые пристройки. Вся шахская челядь попряталась, советники и министры сбежали.

Сипаи поставили свою охрану у всех ходов и выходов огромного дворцового здания.

В башне Селимгура – древнего пятиугольного форта на речном островке, посредине Джамны, – засел Чандра-Синг со своим отрядом.

– Водяная мышь не проскочит здесь, не то что саиб, – сказал Чандра-Синг.

Отряд вооруженных горожан прошел дозором по Дарао-Гяндж, по Шайтан-Пара, по Конному Базару, по всем кварталам города.

Отряд задержал нескольких дервишей, бродячих фокусников, храмовых нищих.

Ко всем воротам крепости встала двойная охрана.

Город притих. Город готовился к штурму.

Молчаливы и суровы стали улицы Дели.

Прежние споры утихли. Индузы и мусульмане объединялись перед лицом близкой опасности.

Окна домов закладывали мешками с песком.

Из Арсенала вытаскивали уцелевшие пушки и поднимали их на городскую стену. На перекрестках больших улиц устанавливали батареи.

Женщины помогали таскать ядра и складывали их подле пушек. Зубчатая ограда плоских крыш стала укрытием для стрелков. Ружья, составленные в козлы, выстроились вдоль переулков.

Дели стал похож на большой военный лагерь.

Глава тридцать девятая

БОЛЬШИЕ ПУШКИ ПЕНДЖАБА

Весь лагерь рыл траншеи. Британцы, белуджи и сикхи, здоровые и больные наравне. Генерал Вильсон поднял даже малярийных больных из лазарета и приставил к земляным работам.

– Эта работа всем здорова! – говорил генерал.

Поезд осадных орудий из Пенджаба наконец пришел, и прибывшие тяжелые пушки британцы устанавливали в трех далеко выдвинутых вперед земляных редутах.

Соединительная траншея кой-где проходила ближе чем в двухстах ярдах от городской стены.

Из среднего редута, где станет самая большая батарея, тяжелые орудия ударят по главному оборонительному участку повстанцев: Кашмирскому и Речному бастионам.

— Скоро заговорят, наконец, большие пушки Пенджаба! — радовались офицеры.

Копать начали четвертого сентября, в день прибытия тяжелых орудий.

Только через сутки опомнились в городе и начали копать встречную траншею.

Под прикрытием ночной темноты сипаи подвели свои контрапроши¹⁷ близко к земляным работам неприятеля, выкатили за городскую стену легкие пушки, и очень скоро пушечные ядра и бомбы начали ложиться на соединительную траншею британцев.

— Ни дюйма назад! — отдал приказ генерал Вильсон.

Люди валились десятками, на их место прибывали другие. Людей теперь было много в лагере: пять с половиной тысяч.

Королевская пехота, туземная кавалерия, кашмирцы, белуджи, сикхи, гурки — в лагере под Дели собирались племена всей Верхней Индии.

Готовился большой, решающий штурм.

В британском лагере рыли землю, по пятнадцать часов без смены. Каждый час уносили потерявших сознание. Завязанные платками поверх фуражек, оборванные, лихорадящие от жары, больные, британские солдаты походили на бродяг, собравшихся со всего света.

Штурм был назначен на восьмое. Но рано утром восьмого сентября самая большая пушка, глухо охнув раза два, вдруг замолчала, точно ей забили паклей глотку.

Битый щебень и гравий оказались примешаны к пороху, приготовленному для заряда.

Генерал Вильсон велел убрать от орудий всю туземную прислугу. На место индусов поставили британских солдат. Артиллеристов не хватало, — брали из пехоты и даже из кавалерии. Старые кавалерийские офицеры, никогда в жизни не знавшие другого оружия, кроме пистолета, кортика и шашки, копались в земле, изучая мрачный нрав больших осадных гаубиц и скорострельных мортир.

Рано утром одиннадцатого сентября, по знаку, поданному ракетой, большая двадцатичетырехфунтовая гаубица передовой батареи открыла огонь по городу. За нею вступили остальные пушки.

Снаряд за снарядом ударял в крепостную стену, разворачивая мощную каменную кладку. К вечеру две глубоких бреши зияли в северной стене, у Кашмирского и у Речного бастионов.

Всю ночь не спали в лагере британцев: готовились к штурму.

Офицеры наворачивали по две и по три мусульманских чалмы поверх кепи, чтобы уберечь головы от метких сипайских пуль. Тихо переговаривались в палатках, писали последние письма родным.

Солдаты проверяли ружья, наполняли фляги свежей водой. К утру, при свете факелов, солдатам прочитали приказ генерала:

«Биться до крайности! — приказывал генерал. — Пленных не брать! Каждого индуза внутри города, — будь он при оружии или безоружен, — закалывать как бунтовщика. В этой войне не будет пленных, — каждого убивать без пощады! Жертв будет много! —

¹⁷ Контрапроши — подкопы.

предупреждал генерал. – Раненых из бою не выносить, людей слишком мало. Раненые пускай ждут на месте ранения. Если мы победим, окажем им помощь. Если нас разобьют, пускай раненые приготовятся к самому худшему».

Англиканский пастор лежал больной. Отец Бертран, католический священник, благословил перед штурмом офицеров и солдат и заранее помолился за спасение душ тех, кто падет в предстоящем бою.

Глава сороковая

ШТУРМ

Тремя колоннами пойдут британцы на город. Среднюю центральную колонну поведет сам Никольсон, лев Пенджаба. «Белые Рубашки» пойдут впереди. Старые «Белые Рубашки» лорда Лэйка хотят взять реванш за недавнее поражение.

Атака начнется с сигналом горниста, при первых лучах солнца.

Сипаи не спят на бастионах, сигнальщики ждут на наблюдательных постах. Всю ночь повстанцы закладывали камнями глубокие пробоины в стене, подтаскивали пушки к главной бреши, расставляли людей, Лалл-Синг со своими аллигурцами построился у бреши; на вышке Кашмирского бастиона дежурит Инсур.

Солнце встает, первые дымные лучи ложатся по равнине.

Солнце освещает купола, зубцы и башни обреченного города.

Пронзительно играет рожок. Это сигнал Шестидесятого, королевских войск.

Пыль и дым тучей поднимаются за Хребтом. Войска двинулись в атаку.

– К орудиям!.. Приготовиться! – командует Инсур. На Хребет взбегают первые ряды. «Белые Рубашки» впереди, – они хотят взять сегодня свой реванш.

– Средний фас, огонь!.. – командует Инсур.

Вступают пушки. Грохот и гул, со свинцовыми скрежетом летит картечь.

Тучей идут «Рубашки» со склона холма; падают одни, набегают новые. Правее – пенджабские сикхи, мощной колонной, в красных и синих тюрбанах. Сикхов ведет Никольсон.

Вдоль парапетов приготовились стрелки. Хорошо обучили британцы свою туземную пехоту: ни одна пуля не пропадет даром у сипаев, защищающих свой город.

«Белые Рубашки» близко. Их светло-серые мундиры темны от пороха и пыли. Зарываясь, они бегут вперед.

– Бери индуза на штык! – учили их офицеры. – Сипай силен в перестрелке и в артиллерийском бою. Штыкового боя не выдерживает индус.

«Белые Рубашки» бегут вперед, уже не слушая команды. Их деды полвека назад брали эту крепость, – теперь настал их черед.

Инсур-Панди не прячется в блиндаже. Его высокая фигура в белой чалме, в красном поясе, перетягивающем уже немолодой, слегка грузный стан, его длинные волосы далеко видны с вышки бастиона.

– Шайтан! – говорят о нем купцы в городе. – Оборотень! Пули не берут его.

– Пуля меня не берет, как и петля! – кричит Инсур.

Стрелки на стенах ждут: пускай «Рубашки» подойдут ближе.

Вот уже лица видны, темные от порохового дыма, синие от малярии. «Не легка вам была, саибы, служба на нашей земле, да мы и не звали вас к себе...» Бах!.. Бабах!.. Бах!

Первые из «Рубашек» взбежали на гребень высокого вала и тотчас упали, вскинув кверху руки. Их остановили меткие сипайские пули. За первыми бегут другие, еще и

еще, взбегают на гребень и скатываются в ров. «А-а, глубок крепостной ров, вы сами, британцы, велели нам копать поглубже».

Вот «Рубашки» тащат штурмовые лестницы за собой, но один за другим падают те, что несут лестницы, и больше не встают. Нет, несколько штурмовых лестниц, две-три, всё же успели приставить к противоположному скату.

«Рубашки» взбираются по ним, со штыками наперевес бегут к бреши. Сверху их бьют картечью со стен, с круглых башен кидают ракеты, свинцовым ливнем летят пули из бойниц.

«Рубашки» уже у самой бреши, снизу поднимаются еще и еще, но тут им навстречу с яростным воем, с примкнутыми штыками, с кривыми ножами тучей выбегают сипаи.

— Дэ-э-э-эн!.. — Это Лалл-Синг повел своих аллигурцев в контратаку.

— Дэ-э-эн! Дэ-э-эн! — слышен боевой клич индусов. Вот они встретились грудь с грудью и пошли в штыки.

Инсур смотрит сверху. Молодец Лалл-Синг! Вот его желтая чалма мелькает далеко впереди, вот он сцепился с рослым солдатом-britанцем, и солдат скатывается обратно в ров, смочив мундир собственной кровью. Дрогнули «Белые Рубашки», королевские солдаты готовы отступить под бешеным натиском повстанцев, но позади слышны новые крики, весь скат гласиса, вся равнина потемнела от черных косматых шапок, — это гурки Непала вышли на помошь королевским солдатам. Тучей идут узкоглазые дикие жители гор, волной накатываются к бреши, за ними новые и новые, и с диким криком, бешеною ордой, потеснив сипаев, начинают влияться в широкую брешь.

А там, правее, мощной колонной идут сикхи, рослые, бородатые, в голубых и красных тюрбанах. Кашмирский бастион встречает их картечью, но густо летят пули из передних рядов, канониры Инсура один за другим выходят из строя. Вот ему подбили одно орудие, другое, груды земли наворочены на бастионе. Ядра летят откуда-то слева, загорелись доски блиндажа; ослепленные дымом, задыхающиеся, выбегают люди. Инсур не прячется за прикрытием, он стоит на стене, высокий, в красном поясе.

— Уходи за прикрытие, Инсур! — кричат ему товарищи. — Тебя подстрелят сибы!

— Пуля меня не берет, — смеется Инсур. — Я Панди!

Но вот бомба разрывается на самом бастионе, летят комья земли, доски, падают сипаи у левой амбразуры, осколок ранит Инсура в голову. Тяжела рана, хлынула кровь, окрасив парусину мешка. Инсур бледен, его подхватывают на руки, несут.

— Заклепывай орудия! — успевает крикнуть Инсур.

Сибы уже близко, вот они облепили весь земляной скат бастиона, вот они бьются уже в узком переулке, по эту сторону стены. Они втаскивают свои пушки на бастион, и с горжи — с внутренней незащищенной его стороны — начинают бить по городу, по ближайшим кварталам.

Тесные улицы встречают их позади стены, кривые, изогнутые переулки, — древний азиатский город. Град пуль летит навстречу британцам, каждый дом ощетинился штыками. Каждый дом, как крепость, в каждом дворе — засада. До вечера бьются британцы и не могут пробиться дальше узкой полоски внутри города, вдоль северной стены.

Никольсон с небольшим отрядом прорывается вдоль стены до Бернейского бастиона, но тут Никольссна смертельно ранит сипайская пуля, и отряд его уходит обратно.

Приближается ночь, — осаждающие не могут продвинуться дальше. В руках у

британцев – только узкая полоса вдоль городской стены, в руках у повстанцев – весь город. Глухие стены, бойницы, дома в каменных оградах. Весь огромный старый город в руках повстанцев, и каждый дом этого города будет биться до конца. Могилой станут каменные закоулки Дели для тех, кто проник за его стену.

Приближается ночь, британцы считают потери. Список выведенных из строя офицеров огромен, солдат вдесятеро больше. Почти третью часть всех своих сил положили британцы в первый день штурма.

Весь день наблюдал за ходом боя с Ладловской вышки генерал Вильсон. К вечеру ему доложили результаты: больше тысячи солдат убито, смертельно ранен бригадир Никольсон, тяжело ранен Кэмпбелл, ранен Рэйд, – все, кто стоял во главе трех атакующих колонн. Шестьдесят семь офицеров погибло, ранено вдвое больше, жертвы огромны, и занята только узкая полоса, несколько переулков внутри города у северной стены.

Мужественный Вильсон дрогнул. Биться ли дальше? Сомнения одолели его.

Он послал записку Чемберлену, на соседнюю вышку, с просьбой о совете.

«Наши потери огромны. Позиции внутри крепости ненадежны. Враг сопротивляется упорно. Я готов отозвать мои войска из города и уйти за Хребет».

Но Чемберлен не согласен с генералом.

«Раз уже вошли, – надо держаться», – отвечает Чемберлен.

Глава сорок первая **ЗАЩИТНИКИ ДЕЛИ**

Наутро подрывному британскому отряду удалось взорвать Лагорские ворота, и третья колонна британцев проникла в город.

На перекрестке поставили пушки, и пушечные ядра пошли дырявить белый мрамор знаменитой Большой Мечети, крошить в мелкий щебень драгоценную мозаику ее украшений.

Скоро опомнились повстанцы и погнали врага обратно. Третья колонна отступила к северной стене, соединилась со второй и первой, и снова на участке у северной стены, близ христианской церкви, закипел отчаянный бой.

Пушки британцев, поставленные на бастионы, поливали раскаленным металлом ближние и дальние переулки. Весь купол церкви Сент-Джемса изрешетили пули, даже крест на церкви был сбит орудийной стрельбой.

Мирные жители, не успевшие бежать, залегли в подвалах, в склепах, в подземельях храмов.

В нарядном белом здании европейской резиденции, примыкающем к дворцу шаха с северной стороны, собрались женщины, дети, беспомощные старики.

Дженни трудно было узнать в этой толпе, она походила на нищенку: растрепанная, с запавшими глазами, в изодранном платье. Ее давно уже не стерегли. Никто не обращал на нее внимания в этом огромном, истекающем кровью городе, который бился за свое существование.

Который уже день Дженн слушала утомительный, равномерно повторяющийся грохот, тяжелые удары ядер и близкие разрывы гранат.

Ощетиниваясь штыками, упорно отстреливаясь, улица Башмачников, улица Ковровщиц, улица Садов дом за домом медленно уступали продвигающимся вперед британским соединенным войскам.

Сипаи разбились на отдельные отряды и сражались каждый на своем участке,

упорно отстаивая каждый дом, каждую улицу. Британцы наступали тремя колоннами, всё время поддерживая связь друг с другом.

Сипаи медленно отходили к центру города, каждый шаг поливая своей кровью. К вечеру семнадцатого сентября, на седьмой день штурма, только третья колонна была занята осаждающими. Главные укрепленные пункты: Арсенал, дворец и форт Селимгур оставались в руках повстанцев.

Помощника Макфернея, молодого мусульманина, сведущего в медицине, убило осколком снаряда. Шотландец работал один, он не спал четвертые сутки. Раненые прибывали. Нехватало коек, раненых клали уже прямо на пол; весь мозаичный пол был залит кровью, а санитары несли всё новых и новых. Легко раненные приходили прямо из боя, им перевязывали раны, и они снова шли в бой.

Пальба не утихала и ночью. Яростная канонада бушевала по всем улицам центра и восточных кварталов. Мальчишки прибегали с улицы и приносили вести: Арсенал держится, сдалась улица Садов; бой идет уже у Большой Мечети.

На восьмой день штурма полковник Гаррис велел поставить свои пушки на углу улицы Оружейников. Отсюда как на ладони виден был весь фасад огромного здания дворца и нарядный белый с колоннами дом резиденции, примыкающий к дворцу с левой стороны.

– По левому крылу дворца – огонь! – скомандовал полковник Гаррис.

Пушечные снаряды ударили по углу двора, по террасе, по кровле белого здания.

Женщины и дети стеснились в западном углу двора, у стены. Знакомая Дженни индуска Даринат, постелив циновку в тени, пригласила Дженни сесть с собою рядом. Она принесла воды и разделила с Дженни свою утреннюю еду.

В этот день в доме не раскладывали огня, даже раненым не приготовили горячей пищи. Даринат высыпала в ладонь Дженни горсть сущеных кукурузных зерен.

Зерна были ярко-желтого цвета и тверды, как металлические бусы. Дженни едва удалось разжевать два-три зернышка. Даринат показала ей, как размачивать зерна в воде, согретой солнцем, а потом разминать в маленькой деревянной ступке. Она дала ей свое ведерко и указала, где брать чистую воду.

В полдень снаряды начали ложиться и в западном углу двора.

– Всемогущий аллах, пощади нас!.. – женщины, подхватив детей, метались из угла в угол, не зная, куда укрыться. Снаряд ударили в каменную стену двора, рядом с Дженни; стена поползла, разваливаясь на крупные камни. «Спасите!.. Спасите!..» – Даринат, не помня себя, выбежала, с ребенком на руках, на середину двора. Бомба ударила в фонтан, пробила мраморный бассейн, вода брызнула, растекаясь по двору. Новый удар, грохот, крики... Даринат пошатнулась, ребенок вскрикнул у нее на руках и замолчал. Кровь окрасила смуглый лобик девочки: осколок пробил ей висок.

– Ай-ай, с нами бог! – закричали женщины. В ответ где-то совсем близко ухнула пушка, затрещала ружейная пальба.

– Милосердия, великий аллах, милосердия!

Женщины заплакали. Даринат с ребенком унесли в лазарет, за нею еще нескольких женщин повели на перевязку. Дженни сидела, оглушенная, в углу двора. Обстрел усиливался.

– Саибы не давали нам хлеба, зато теперь они не жалеют нам свинца!.. – причитали женщины. Обломки кирпичей, щебень, куски штукатурки летели в воздух. Дженни поднялась на террасу, иска, где укрыться, и села здесь, в глубине, прислонившись к мраморной колонне. Сам, постоянно дежуривший у входа в лазарет, подошел к ней и

доверчиво прилег у ног. Пес тихонько взвизгивал при каждом выстреле, поднимал голову и приоткрывал влажные печальные глаза.

– Не бойся, Сам, милый, не бойся! – шептала Дженни и гладила его по черной блестящей шерсти.

Так прошло много часов. Обстрел несколько утих, однако Сам всё чаще повизгивал и умоляюще глядел на Дженни. Он точно просил ее о чем-то.

«Пить!» – догадалась Дженни. Она взяла ведерко и пошла к водоему. Две-три беглые пули щелкнули по верхнему краю садовой ограды, и тотчас жалобный собачий плач, не похожий на обычный голос Сама, разнесся по всему саду. Дженни поспешила обратно на террасу. Из лазарета, бросив перевязку, вышел Макферней. Сам уже полз к нему навстречу, оставляя кровяной след на голубом мозаичном полу. Он лег у ног своего хозяина, всхлипнул в последний раз и замолчал.

Макферней наклонился над ним.

– И тебя не пощадила британская пуля, бедный мой пес, – сказал шотландец.

Индус-санитар подошел, но не коснулся трупа собаки, – ему не позволяла каста. Индус только встал поодаль и жалостно зацокал языком. Макферней бережно приподнял остывающее тело друга, унес его на руках в угол двора и завалил камнями.

– Вот ты и не вернулся домой в Шотландию, Сам, – сказал, постояв над ним, Макферней. – И никто не знает, вернется ли твой хозяин.

На утро штурм возобновился с новой силой. Повстанцы отдали здание почты, Большая Мечеть держалась, бои шли на Главной площади и у Раджратских ворот.

Отряды повстанцев жестоко дрались за каждый дом, за каждую улицу. Но единому плану наступления британцев сипаи не сумели противопоставить единый план сопротивления. Они сражались в отдаленных кварталах и гибли порознь, потеряв связь друг с другом.

К полудню пало здание Индийского банка, бой шел уже на Серебряном Базаре.

После короткой передышки полковник Гаррис велел возобновить бомбардировку белого здания.

– Упрямые там засели индусы! – сказал он своему помощнику, капитану Бедфорду. – Надо их выкурить орудийным дымом.

Снова завыли снаряды во дворе резиденции. От выстрелов вздрогивала земля: у Гарриса прибавилось пушек.

Снаряды разворотили плиты в нескольких местах двора. Женщины и дети, спасаясь от обстрела, ушли под защиту самого корпуса здания.

Пушечная бомба пробила кровлю здания. Все двери в доме вздрогнули, штукатурка посыпалась со стен.

– Спасите!.. Спасите! – Люди, прятавшиеся во втором этаже, побежали вниз.

Удар и грохот... Новый снаряд разворотил угол дома. Женщины, заметавшись, бросились со двора на террасу, стеснились здесь, отсюда забежали в нижний зал, где лежали раненые.

Частая ружейная пальба затрещала вдруг под самыми окнами. Даже раненые приподняли головы. Один, рослый, с забинтованной головой, привстал на койке и выглянул в окно.

Окна главного зала выходили на улицу, ведущую к воротам дворца.

– Смотрите, смотрите! – закричала какая-то женщина, подбегая к окну. Дженни подошла к окну вслед за нею. Оглушительный треск ружейной стрельбы приближался из-за угла, сипаи наискось перебегали улицу, яростно отстреливаясь. Не понимая

толком, что происходит, Дженни прижалась, побледнев, к решетке незастекленного окна. Еще чаще затрещали выстрелы, крики послышались совсем близко. И тут рослый сипай с забинтованной головой сорвался с койки и пошел к выходу. Макферней, бросив свои бинты, побежал вслед за ним.

– Нельзя! – кричал шотландец. – Не позволю!.. Еще не зажила рана!.. Нельзя!..

Но сипай уже выбежал из ворот резиденции на улицу. Это был Инсур. Он поглядел направо, налево и быстро оценил положение. Большая колонна повстанцев отступала под натиском британских солдат к воротам шахского дворца. Второй отряд британцев подходил с поперечной улицы, чтобы перерезать путь отступающим. Надо было, во что бы то ни стало задержать этот второй отряд, дать сипаям уйти под защиту дворцовых стен.

Двое-трое сипаев, отстреливаясь, побежали мимо. Один упал, тяжело раненный в грудь, у самых ног Инсура и выронил карабин.

– За мной, сипаи! – Инсур поднял упавший карабин и бросился наперерез через улицу.

– Братья, за мной! – кричал он.

Большая группа повстанцев побежала за ним. На заворачивающих из-за угла британских солдат неожиданно посыпался град пуль, обнаженные штыки засверкали перед их глазами. Британцы затоптались на месте и повернули назад.

Дженни всё стояла у окна и смотрела. Она видела, как Инсур с горстью людей теснит большой отряд британцев, как дрогнули и кинулись врассыпную британские солдаты, как Инсур дальше и дальше бежит по улице, гоня врага. На повороте она увидела на одно мгновение лицо сипая: еще бледное от недавнего ранения, упрямое и мужественное лицо.

«О господи! – подумала Дженни, – как они боятся!.. Как они ненавидят нас!»

– Внимание, Дик! Там какие-то передвижения. Взгляни!..

Гаррис взял бинокль из рук капитана Бедфорда.

Он увидел, что отряд сипаев теснит британских солдат и отгоняет их в поперечную улицу.

– Откуда же они взялись?

– Очевидно, прятались в здании резиденции. Там, невидимому, засели главные резервы мятежников.

– Да, ты прав, Генри.

Полковник Гаррис велел перетащить свои пушки несколько правее.

– По главному зданию резиденции – огонь!

Несколько часов подряд артиллерия расстреливала нарядное здание резиденции.

Гаррис осмотрел в бинокль главный корпус здания. Он остался доволен: в кровле в четырех местах зияли пробоины.

– Не завидую тому, кто сейчас под этой кровлей, – сказал Гаррис.

В три часа дня, после передышки, полковник снова велел бить по той же цели.

И вдруг капитан Бедфорд тронул его руку.

– Посмотри, Дик!

Он увидел в бинокль невысокую фигурку, пробирающуюся через груды камней, через ямы развороченной мостовой.

– Это девочка, Дик! – сказал Бедфорд.

Гаррис взял у него бинокль.

– Она идет сюда. Смелая девочка!

Девочка быстро шла вперед, прыгая через камни и рыхвины.

– Разрешите, сэр! – сказал сержант Джонсон, вскидывая карабин. – Я стреляю без промаха, сэр!..

– Подождем, Джонсон! – сказал полковник. Он опустил бинокль.

Девочка была уже близко, шагах в восьмидесяти от них. Теперь хорошо видны были ее босые ноги, короткое коричневое платье, светлые незаплетенные волосы, беспорядочными прядями упавшие на плечи.

– Внимание, Дик! – неожиданно запнувшись, сказал Бедфорд. – Мне кажется, эта девочка...

И тут внезапная обморочная бледность разлилась по лицу Генри Бедфорда.

– Это она! – закричал Бедфорд. – Конечно, она, Дженни... Она идет сюда!..

Дженни уже стремительно бежала к ним.

– Отец! – задыхаясь, крикнула Дженни.

Гаррис выронил бинокль.

– Не стреляй!.. Не вели стрелять, папа!.. – Дженни добежала и упала на руки отца.

– Ты жива, Дженни!.. Какое счастье!..

– Прекратить обстрел! – крикнул Бедфорд. – Мы никак не думали, что ты останешься жива, Дженни.

– Брайт, Джонсон, сюда! – приказал полковник. – Надо отвести мою дочь в безопасное место. К церкви Сент-Джемса, где наш штаб.

Едва Дженни отошла шагов на десять, как полковник уже велел перезарядить орудия. И сразу услышал крик:

– Что ты делаешь, папа! Там есть еще люди!.. – Дженни бежала обратно.

– Как? Британские подданные?.. Что же ты мне сразу не сказала, Дженни?

– Нет, не британские подданные, – плача, сказала Дженни. – Там женщины, раненые, дети... Не стреляй по ним. Они были так добры ко мне!..

Гаррис с удивлением взгляделся в бледное, изменившееся за два года разлуки лицо дочери.

– Иди туда, куда тебе сказано, Дженни, – сурово сказал Гаррис. – К церкви Сент-Джемса.

– Ты не станешь по ним стрелять, папа!

– Иди, Дженни, или я велю отвести тебя силой. Брайт, сюда!

– Что ты делаешь, папа?.. Мистер Бедфорд, разве так можно?.. – кричала и плакала Дженни, вырываясь из рук солдат. Ее увели.

– Теперь, Дик, мы быстро покончим с этим зданием и перейдем к правому крылу дворца, – сказал Генри Бедфорд.

Он остановился, увидев, что у полковника Гарриса слегка трясутся губы и что он вытирает платком внезапно вспотевший лоб.

– Будь британцем, Дик! – сказал Генри Бедфорд. – Война есть война.

И снова большие гаубицы полковника Гарриса ударили по белому зданию резиденции, примыкающему к дворцу шаха с левой стороны.

По правому крылу дворца била вторая, еще более мощная батарея.

Глава сорок вторая

СИГНАЛ СЕЛИМГУРА

На девятый день штурма пал Арсенал. Сдалась вся южная часть города и Большая Мечеть. У Аймерских, Туркменских, Делийских ворот встала британская стража.

Только несколько сот сипаев, засевших во дворце Бахадур-шаха, еще оказывали сопротивление. И попрежнему неуязвимым оставался для британских пушек древний форт на речном островке под стенами дворца – Селимгур.

Бахадур-шах давно бежал из города через южные ворота. Во дворце засел Инсур-Панди со своим отрядом.

Сипаи расположились у большого фонтана в центре двора.

Две мощные батареи четвертые сутки крушили раскаленным металлом высокие тёмно-красные стены знаменитого дворца.

Настало утро двадцатого сентября. Дворец держался.

– Окружить здание и взять бунтовщиков живьем, любой ценой! – отдал приказ генерал Вильсон.

Из дворца было только два выхода: восточный – к берегу Джамны, и западный – в город, в руки врага.

Около пятисот человек укрылось за его высокими стенами: остатки Тридцать восьмого пехотного полка и человек двести бенгальской артиллерии.

Инсур велел подтащить к западным воротам старые бронзовые дворцовые пушки и забаррикадировать выход изнутри.

– Мы будем биться до конца! – сказал Инсур.

Несколько сот измученных людей, четыре старых бронзовых пушки, замолчавшие ружья, – у сипаев уже не было пороха, – и упорство, священное упорство повстанцев, которые решили умереть, но не сдаться, – вот всё, что мог противопоставить Инсур тяжелым орудиям британцев.

Две больших батареи без отдыха, без передышки били по высоким, сложенным из мощных глыб красного песчаника стенам, окружавшим огромное здание.

Инсур-Панди метался по просторному двору, среди замолчавших пушек. Его лихорадило от недавней раны, глаза блестели, ввалившись меж почерневших век.

В Девани-Хасе, зале аудиенций старого шаха, на мозаичных плитах корчились раненые. Убитые валялись на мраморных ступенях широких лестниц.

Пушки подтащили ближе, и снова смертоносный огонь из двух больших батарей полил по стенам, по крыше, по мощным сводам, по мраморным террасам дворца.

Большой отряд британцев начал заходить сбоку, чтобы занять запасный выход со стороны реки.

Лалл-Синг дежурил на наблюдательном посту на крыше.

– Они заходят с реки, Инсур! – кричал Лалл-Синг. – Они заходят с реки, и я даже не могу прострелить голову тому проклятому саибу, который идет впереди!..

Подрывной отряд британцев бежал к главному выходу.

– Конечно. Они сейчас взорвут ворота, – сказал Инсур.

Он послал сигнальщика к гелиоскопу, на вышку здания.

Стоял ясный жаркий день, солнце уже восходило к полудню. С вышки Селимгурского форта на дворец смотрел начальник форта Чандра-Синг.

Лела стояла возле него. Еще в первый день штурма отец велел ей уйти в форт.

И в ясном свете дня на вышке дворца повернулся диск солнечного телографа.

«Мы окружены! – подал сигнал сияющий под солнцем диск. – Выход к реке закрыт».

– Там есть другой, подземный, в саду! – закричала Лела. – Подай им знак, Чандра-Синг. Скорей дай им знать, там есть дверца у самой реки.

Чандра-Синг сам побежал к прибору.

Подрывной отряд уже был под самыми воротами дворца. Пригнувшись, британцы перебегали через ров, по настилу из бревен, который сипаи в последнюю минуту позабыли убрать.

Лейтенант Гом бежал впереди с фитилем. Лейтенант Мак-Кинн нес сумку с порохом и подрывную трубку.

И тут Лалл-Синг на вышке громко закричал. Он увидел ответный сигнал.

— Говорят форт Селимгур! — закричал Лалл-Синг. «Выходите подземным ходом! — сигналил форт. — Мы прикроем отступление по берегу реки».

— Выводи людей, Лалл-Синг! — сказал Инсур. — Я останусь у ворот.

Лейтенант Мак-Кинн заложил порох у основания ворот. Лейтенант Гом зажег фитиль и отбежал.

Вспышка пламени, взрыв, и западные ворота дворца распались в щепы.

Но за первыми воротами были вторые, забаррикадированные изнутри. Перегнувшись через бронзовую пушку, перегораживающую вход, не спуская глаз с ворот, с карабином наготове здесь стоял Инсур. Один заряд остался у него, для того, кто первым войдет в ворота.

Сипаи толпились позади пристроек, у каменной плиты, полузакрытой дерном. Плита была поднята, и один за другим люди входили в темноту и сырость подземного хода.

Без суеты, без крика, теснились сипаи у входа в подземелье. Ни один человек не толкнул, не опередил другого в этой очереди за жизнью.

Вторые ворота трещали под ударами ружейных прикладов.

Молодой сипай-сигналщик последним перебегал через двор.

— Погоди минуту, Хайдар! — сказал ему Инсур. — Поднимись на вышку и просигналь Чандра-Сингу то, что я тебе скажу.

Двор опустел. На вышке дворца медленно повернулся блистающий диск.

Чандра-Синг принял сигнал. Смертельная бледность покрыла его изуродованное оспой лицо.

«Ждите еще двадцать минут! — сказал диск. — Потом поворачивайте свои пушки и бейте по дворцу».

Первым вбежал в ворота британский лейтенант. Рослая фигура сипая, прилегшего за бронзовой пушкой, поднялась к нему навстречу. Сипай прицелился, не торопясь, и последнюю свою пулю послал прямо в лоб лейтенанту.

Британские солдаты рассыпались по двору. Они шагали через мертвого сипая, легшего у ворот. Просторный двор был почти пуст. У замолкшего фонтана лежало несколько убитых. Мозаичный пол великолепного зала аудиенции, Девани-Хаса, был забрызган кровью. Солдаты обыскивали зал. Они искали драгоценностей, но не могли унести с собою ни цветных мозаичных плит, ни прелестной росписи мраморных колонн. Этот зал построили потомки Тимура для приема почетных гостей, для пышных празднеств. «Если есть в мире рай, то вот он, вот он, вот он», — вилась по стене узорная надпись, хитро сплетенная из золотых персидских букв. Под этой надписью скребли руками плиты умирающие.

Отряд занял весь двор. Но едва королевские стрелки расположились у большого фонтана, как граната с шипеньем упала посреди двора, за нею другая, и скоро из первой партии, ворвавшейся во дворец, и половины не осталось в живых.

Это Чандра-Синг, повернув свои пушки, бил из форта Селимгур по дворцу. Чандра-Синг выполнял приказ своего начальника, Инсура-Панди.

Глава сорок третья **ГДЕ ЖЕ ПАНДИ?**

«Дели – очаг восстания и измены, в течение четырех месяцев являвший собой соблазнительный пример для всего Индостана, крепость, где мятежная армия Бенгала пыталась сосредоточить свои силы, наконец отбита нами у бунтовщиков. Правитель Дели – пленник в своем собственном дворце».

Так генерал-губернатор Индии, лорд Каннинг, писал несколько дней спустя в обращении ко всем британским подданным Индостана.

Правителя Дели привез Ходсон. На другой день после взятия крепости он получил чин майора, благодарность генерала и это ответственное поручение. Ходсон нашел сбежавшего Бахадур-шаха в нескольких десятках миль южнее крепости, в каменных пристройках огромной древней гробницы Хамаюна.

Майор подъехал к гробнице один, без своего отряда, с двумя только спутниками. Он послал к шаху парламентера.

– Сдайся нам добровольно, Бахадур-шах, – велел сказать ему Ходсон, – сдайся добровольно британцам, и мы обещаем тебе жизнь.

– Пускай сам Ходсон-саиб повторит эти слова при мне, – потребовал старый шах. Ходсон согласился.

Он вошел к шаху один, без охраны, и повторил обещание генерала.

Несколько часов спустя богатый поезд подъехал к Лагорским воротам Дели: нарядный парчовой паланкин с завешенным пологом и несколько крытых повозок. Жены, слуги сидели в повозках. Конная мусульманская стража окружала поезд. Длинный Ходсон ехал верхом подле пленника, один единственный европеец среди всего эскорта.

Все остановились у ворот.

– Кто в паланкине? – спросил Ходсона дежурный по страже офицер.

– Всего лишь шах Дели, – ответил майор.

Стража хотела приветствовать Ходсона троекратным «ура».

– Не надо, – сказал Ходсон. – Старик еще, пожалуй, примет приветствие на свой счет.

Он проехал со своим пленником по разрушенному бомбардировкой Серебряному Базару и в воротах дворца передал шаха с рук на руки гражданской страже.

За сыновьями и внуками шаха Ходсон поскакал к гробнице Хамаюна на следующий день, с небольшим отрядом.

Он начал с того, что обезоружил свиту наследников. Потрясенная челядь, сбившаяся в тесных каменных пристройках гробницы, без единой попытки к сопротивлению отдала оружие. Ходсон приказал всех сыновей и внуков шаха, в том числе и самого старшего, Мирзу-Могула, посадить в две крытые повозки и везти в Дели.

На полпути повозки остановились. Ходсон велел всем принцам выйти из повозок. Их было семь человек. Ходсон приказал им раздеться, снять пояса, кинжалы, всю верхнюю одежду. Те, дрожа, повиновались. Ходсон выхватил карабин у ближайшего солдата и собственной рукой застрелил всех семерых, в том числе и Мирзу-Могула, того самого, которому обещал престол.

Так майор Ходсон одним ударом покончил со всеми претендентами на трон Дели и положил конец династии потомков Тимура.

Генерал Вильсон похвалил майора за быстроту и решительность действий и дал

ему большой отряд британской конницы для погони за повстанцами, ушедшими на юг.

Но похвала генерала не веселила Ходсона. Тощий саиб искал Панди, самого главного Панди, и не мог найти.

Где он?.. Сложил голову вместе с другими на улицах Дели или сумел уйти и сражается где-нибудь в другом месте?..

Ходсон дал слово, честное слово британского офицера, найти его и казнить.

Пока эта голова не полетела с плеч, – все другие восставшие панди, все проклятые бунтовщики на севере, на юге и на востоке Индии будут чувствовать себя безнаказанными.

– Пушка слишком хороша для него! – объявил Ходсон. – Я велю индусу самой низкой касты накинуть веревку ему на шею и сам погляжу, как он заболтает ногами в воздухе.

Жестокая канонада гремела в те дни по многим местам южнее и западнее Дели – в Агре, в Джелали, в Рохильканде. Сотни тысяч панди бились на полях Индии за освобождение родной страны; может быть, и Инсур-Панди был среди них?..

– Ни живой, ни мертвый, он не уйдет от меня, – сказал майор. – Панди удрал из петли, – всё равно виселицы он не минует.

Люди Ходсона обшарили все закоулки в городе и во дворце. Панди не было нигде, или они не умели его найти.

Так много их было, убитых панди и городе; мертвые, они все походили друг на друга.

Сержант, доверенный Ходсона, несколько раз обошел дворцовые пристройки и двор.

Панди он не нашел, но у крайней стены, обращенной к берегу реки, увидел плиту с кольцом, похожую на дверцу погреба, и разбросанный дерн.

Сержант приподнял плиту. Он услышал в глубине под нею многоголосый человеческий стон.

Сержант побежал за дежурным офицером.

Глава сорок четвертая

БЕЗЫМЕННЫЙ ПРЕДАТЕЛЬ

Майор Ходсон сидит под нарядным ковровым навесом на главной улице города – Серебряном Базаре.

Муллы стоят по правую руку Ходсона, богатые купцы, именитые граждане, в седых бородах, в шелковых чалмах.

Сикхи выстроились позади, – почетная стража саибу, отряд сикхов, с начальником во главе.

По левую руку майора стоит сипай, молодой, испуганный, бледный.

– Смотри! – говорит сипаю тощий саиб. – Смотри зорко, сипай!.. Если пропустишь главного Панди, – петля. Смерть у пушечного жерла даю тебе, – почетную смерть, если найдешь и укажешь.

Сипай смотрит. В глазах у него рябит. Так много панди перед ним. Как найти того, самого главного?..

Их ведут связанными по десяти человек по главной улице, мимо майора.

– Смотри! – велит сипаю майор. – Если не найдешь Панди, – петля!

Хорошо знает Индию Ходсон-саиб. Сегодня всё утро он бился с этим сипаем. Нелегкий разговор.

— Мы никого не щадим! — сказал Ходсон. — Всем вам, бунтовщикам, приготовлена казнь. Хочешь оставаться в живых? Укажи мне, где самый главный Панди, и я дарю тебе жизнь.

Нет! Ценой жизни сипай не выдавал своих.

Но майор Ходсон знает Индию.

— Ты брамин, — говорит майор. — Для тебя у меня приготовлена петля! Мехтар низкой касты будет вешать тебя, и душа твоя после смерти будет скитаться по земле, не находя покоя.

Сипай задрожал.

— Не надо, Ходсон-саib! — сказал сипай.

Смерть от веревки для инду — позорная смерть. Так умирают отверженные.

— Дай мне хорошую смерть! — взмолился сипай. — Расстреляй меня из пушки, Ходсон-саib! И душа моя после смерти обретет покой.

— Заслужи! — сказал Ходсон. — Мы не можем найти вашего главного бунтовщика ни среди мертвых, ни среди живых. Укажи нам Панди, укажи главных зчинщиков, — получишь хорошую смерть. Почетную смерть получишь, у пушечного жерла.

Сипай поник.

— Хорошо, я буду искать его, саib.

Бедный безыменный сипай, он выдавал своих не за жизнь, а за почетную смерть!

И вот он стоит под навесом, по левую руку майора, и смотрит на тех, кого ведут.

Отведенные назад, за спину, и перетянутые веревкой руки мелкой дрожью дрожат у сипая. Он глядит на тех, кого ведут, и ему кажется, что он теряет разум.

Их выводят из склепа по десять человек, каждые десять связаны вместе одной веревкой.

Пятьдесят восемь часов они пролежали в темноте, в подземелье, один на другом, задыхаясь от недостатка воздуха, от сырости, от тесноты. Это те сипаи, которые последними вошли в подземный ход и не успели добраться до Селимгура.

Взрыв завалил выход к форту, и последние сто двадцать человек остались в темных переходах под землей.

Там нашел их Ходсон, и теперь их ведут на виселицу, всех до одного.

— Зчинщиков отделить! — приказал генерал, и майор Ходсон ищет самых главных бунтовщиков. Для устрашения прочих им будет особая казнь.

Сипаев выводят по десять человек, ведут к площади мимо майора.

После бессонных ночей, утомления после штурма, боев, после подземелья, они шатаются, как пьяные, глаза у них болезненно блестят.

— Улыбаться! — велел им майор-саib.

Он хочет узнать Панди, главного Панди, по изуродованным зубам.

Они идут, широко улыбаясь, показывая зубы майору. С улыбкой на виселицу, — шествие сумасшедших.

Ходсон сидит под навесом, зорко смотрит каждому в лицо.

— Ха-ла-а!.. Ходсон-саib! — смеясь, они приветствуют его.

Проклятые инду, они не боятся смерти!

— Ха-ла-а!.. Ходсон-саib!..

Босые ноги приплясывают в ритм; связанные веревками, они пляшут вместе, по десять человек.

Песня рождается в этом ритме, они поют:

Джин-Га-Джи, Джин-Га-Джи,
А-ла-а, Джин-Га-Джи-и...

Партия идет за партией, улица пуста, сикхи молча стоят позади; город мертв, даже купцы молчат по правую руку майора.

– Ха-ла-а!.. Ходсон-саиб!..

Сикхи угрюмо стоят позади, впереди их начальник, акали, в высокой остроконечной шапке, весь в сбруе из четок, с черной бородой.

– Что, сикхи Пенджаба!.. – кричат идущие мимо. – Поможет вам ваша богиня Девани, когда и вас поведут на казнь?

Сикхи молчат. Их бородатые лица мрачны. Может быть, они вспоминают 48-й год и взятие Мултана?

Джин-Га-Джи, Джин-Га-Джи,
А-ла-а, Джин-Га-Джи...

– пляшут осужденные.

Вот один, молодой, идет в веревках впереди. Он улыбается широко, у него блестят глаза. Лалл-Синг улыбается не потому, что велел майор. Он смеется и приплясывает в веревках.

В городе знают эту улыбку, эти блестящие глаза.

– Главных бунтовщиков называть! – приказал майор.

Торговец сухим навозом стоит среди купцов. Он помнит, как этот самый сипай гнал его на базаре из обжитого угла. Торговец наклоняется к майору:

– Бери этого, Ходсон-саиб!..

– Отделить!.. – велит майор.

Лалл-Синга уводят.

Партия за партией идет и идет.

– Где Панди? Самый главный Панди! – требует майор.

Сипай по левую руку майора бледен от страха. Панди нет, он не может его найти. Панди нет ни среди мертвых, ни среди живых.

– Как его найти? Он дьявол... Оборотень... – шепчут купцы.

Муллы смотрят зорко из-под седых бровей:

– Нет, Панди нет среди них.

– Шайтан! – шепчут муллы. – Он ушел под воду или обернулся в дым и пламя и вылетел в жерло своей большой пушки.

Вот невысокий человек идет, перетянутый веревками, – в ряду других, как брат среди братьев. У него синие глаза европейца. Макферней последним ушел в подземный ход и теперь, со всеми вместе, его ведут на казнь. Обрывки белой шляпы на седых волосах Макфер-нея, пятна лихорадки на измученном лице. Купцы узнают его и молчат. Купцы оборачиваются к своим муллам, – молчат и муллы. Это хаким – особенный человек, он лечил их больных. Даже муллы не хотят указать Макфернея. Но сипай у левого плеча Ходсона делает шаг вперед.

– Где Панди? Давай нам Инсура-Панди! – говорит ему майор. – Иначе будешь болтаться в петле.

– Я дам тебе другого, саиб, – шепчет сипай. – Я дам тебе другого, за хорошую смерть. Вот идет человек твоего народа, саиб, а ты не умеешь его отличить!..

– Европеец!.. Среди презренных сипаев? Европеец среди бунтовщиков?.. – Ходсон забывает даже о Панди, о главном мятежнике. Ходсон делает знак, и Макферней уводят отдельно.

«Джин-Га-Джи, Джин-Га-Джи», – пляшут осужденные.

Вот уже все прошли. Панди нет среди них.

– Оборотень! – шепчут купцы. – Шайтан!..

Глава сорок пятая СЕКРЕТНЫЙ ПРИКАЗ

Дома города темны, по вечерам в них не зажигают огни. Утром не вертятся жернова домашних мельниц.

Кошки разжирели, питаясь трупами убитых быков и мулов.

На главной площади, на гранитной плахе, лежат семь казненных: это сыновья и внуки шаха, по приказу Вильсона выставленные на устрашение горожан.

Смрад стоит над Дели от неубранных трупов.

«Расправиться с непокорными! – отдал приказ генерал Вильсон. – Убивать без пощады всякого, кто сочувствует бунтовщикам или прячет повстанцев у себя в доме».

На десятки миль вокруг Дели были сожжены и разрушены крестьянские селения.

«Произведенные нашими войсками зверства были просто душераздирающими, – писал один английский чиновник Джону Лоуренсу. – В отношении грабежей мы, конечно, превзошли Надир-шаха».

Много дней подряд пушечный салют, в полдень гулко разносившийся по равнине, возвещал о падении крепости и победе англичан.

Всех мусульман в городе заподозрили в сочувствии к казненным сыновьям шаха. Половина мусульманских семей была выселена из Дели в несколько дней.

Британские солдаты заваливали колодцы, взрывали молельни, жгли лавки, оскверняли храмы.

За каждого убитого британца казнили тысячу индусов. Десять суток подряд двенадцать городских телег с утра до поздней ночи возили тела казненных.

Чтобы не строить помостов у виселиц, для казни приспособили слонов. Слон послушно подносил на спине целую партию осужденных прямо к перекладине братской виселицы.

На плацу за городом длинным рядом стояли пушки. К заряженному орудию подводили сипая, и, привязав его спиной к жерлу, по офицерской команде, канонир давал выстрел на дальний прицел.

Так расстреляли веселого сипая Лалл-Синга.

Лалл-Синг сам подошел к пушке. Его хотели привязать, но он отвел веревку рукой.

– Не надо! – сказал Лалл-Синг.

Он стал спиной к жерлу, обвел взглядом войска, построившиеся на плацу.

– Сипай! – сказал Лалл-Синг. – Братья одного дыханья!.. Индусы, мусульмане, махранты!.. Готовьтесь к большому бою!.. Помните мою смерть... А вы, сыны чужеземцев, берегитесь!..

Офицерская команда, выстрел, и только несколько пятен крови да два-три темных обгорелых обрывка одежды остались на том месте, где стоял Лалл-Синг.

На одного из осужденных у военного прокурора был особый приказ. Осужденный был европеец.

«Казнь британского подданного может вызвать брожение умов среди наших солдат, – писали прокурору из Секретного комитета Индии. – Довольно будет, если вызванный к генералу, он выслушает приказ о помиловании и отблагодарит королеву за оказанную милость».

Британский штаб расположился в христианской церкви Сент-Джемса. Но генерала Вильсона тяготили каменные своды церкви. Он велел разбить свою походную палатку на просторном лугу перед церковью.

Несколько приближенных офицеров – Вильям Ходсон, молодой Робертс, майор Бэрд и военный прокурор Кэйт-Янг – дни и ночи заседали с ним в палатке.

– Привести ко мне Макфернея! – приказал генерал.

Заключенного повели издалека, через весь город, из дома резиденции, где он содержался в ожидании приговора.

Стан победителей расположился на улицах; белуджи, кашмирцы, панджабские сикхи, королевская пехота, – в палатках, в походных шатрах и просто под открытым небом.

Макферней ведут по главной улице под конвоем. На просторной площади табором стоят белуджи. Их пригнали сюда за тысячу миль, помочь британцам брать древний индусский город. Белуджи в широких полосатых бурнусах, до самых глаз закутанные в белую ткань, глядят на Макфернея и оборачиваются друг к другу. Вот он идет, маленький, синеглазый, легкий, как птица. Кочевники хорошо знают его, он учил их находить воду в пустыне и по звездам вычислять время.

– Он всегда говорил нам правду, этот человек. Куда его ведут?..

Белуджи провожают Макфернея глазами.

Сыны пустыни печальны, победа не веселит их сердца.

– Вот мы вошли в Дели... Что мы увидели в нем?.. Древнюю мечеть, разбитую снарядами ферингов. Половина города чтит Магомета и молится всемогущему аллаху точно так же, как мы молимся ему в наших кочевьях. Неужели мы пришли сюда для того, чтобы видеть, как мусульманские женщины плачут над трупами своих мужей?.. Феринги заставили нас убивать своих братьев по вере.

Макферней идет дальше. Дома молчат, окна глухи, лавки пусты, подвалы завалены трупами, Дели безмолвен. На Серебряном Базаре стоит королевская пехота. Солдаты толпятся у своих палаток.

– Гляди, Тедди Джонс!.. Вон идет тот самый старик, который был с нами на судне. Он немножко постарел, но все такой же хороший.

– Он всегда говорил нам правду, Боб. Почему же его ведут под конвоем?

– Потому и ведут, что говорил правду.

На улице Садов станом стоят панджабские сикхи. Их молчаливый начальник долго глядит вслед Макфернею. Он помнит войну за Пенджаб и битву при Собраоне, когда зелено-черное знамя сикхов легло под ноги британского коня.

– Вот мы вошли в город... Что мы увидели в нем?.. Трупы наших братьев по крови.

– А этот человек был с нами добр... Он слушал рассказы наших стариков. Он перевязывал охотникам раны...

– Глядите, и индузы приветствуют его!..

– О, несчастный народ, индузы Доаба!.. Сикхи убивали индузов, а индузы сикхов, чтобы саибы могли праздновать победу над трупами тех и других!

Макферней идет дальше. Пастухи Пятиречья, горцы Кашмира приветствуют его. Он лечил их детей. Он записывал песни их народа.

– Он всегда говорил нам правду, этот человек. Куда его ведут?

– Его ведут в палатку к своим.

– Он и своим саибам скажет правду, – с глубоким убеждением сказал старый седой индус и сел у штабной палатки на землю, в терпеливом ожидании.

Долго не выходил из палатки Вильсона шотландец Макферней. Старый индус, дожидавшийся у входа, слышал сначала резкий голос генерала, потом негромкую речь шотландца и долгую тишину после нее.

Когда Макферней вышел от генерала, он был всё так же спокоен. Молчали и в палатке, точно шотландец сказал им такое, на что даже у Вильяма Ходсона не нашлось ответа.

Первым очнулся молодой Робертс.

— Стариk сказал удивительные вещи, — смущенно произнес Робертс. — Что мы не вольны распоряжаться в этой стране... Что она принадлежит не нам, а народам, которые в ней живут. Что мы здесь чужие.

— Старый чудак упустил одну подробность, — желчно вмешался Ходсон. — Что мы эту страну завоевали.

— Нет, он сказал и про это. Но только сказал, что мы завоевали ее неправдой. И не своей кровью платили за победу, а чужой.

На минуту снова стало тихо в палатке. Только генерал Вильсон громко засопел над своей сигарой.

— И еще он сказал, что земля Индии горит у нас под ногами... Что нас здесь ненавидят... и рано или поздно прогонят отсюда.

— Совершенно достаточно для того, чтобы я мог сгноить этого шотландца в любой тюрьме Индии или Европы! — заявил военный прокурор.

— Европа вернее, — сказал Вильсон. — Мы отшлем его в Великобританию.

Вильсон сделал знак дежурному офицеру.

За полотняной стеной палатки звякнуло оружие. Это конвой, перестраиваясь, снова сомкнулся вокруг Макфернея.

— Скорее увозите его! — заторопился Ходсон. — Это опасный человек, у него здесь повсюду друзья. Скорее везите в порт, к морю, и под надежной охраной!..

— В Бомбей не советую, — отправьте его в Карачи, — подумав, сказал военный прокурор.

— Да, в Карачи, на судно, и прочь из Индии!..

Не стерпев, Ходсон выскочил из палатки. Никого не было у входа: ни Макфернея, ни солдат конвоя. Только всё тот же старый седой индус, скрестив ноги, сидел за стеной палатки на земле и, приложив ладони к глазам, читал слова молитвы, древние, как сама Индия.

— Где стариk? — спросил Ходсон. — Он не мог уйти далеко. Он только что был здесь.

Индус отнял ладони от глаз. Не спеша, он поднялся с земли и низко поклонился Ходсону.

— Не ищи его, саib! — сказал индус. — Он ушел далеко. Всё равно ты его не найдешь.

Точно ветром тронуло высокие шапки сикхов, столпившихся на лугу, легкое движение прошло по туземной пехоте. Ряды, слегка раздвинувшись и потом сразу снова сомкнувшись, едва приметно пропустили кого-то и укрыли, как высокая трава укрывает кузнечика в поле. Затем снова всё стало тихо.

Ходсон поглядел на лица солдат. И в первый раз за все годы службы в Индии слова приказания, готовые сорваться, застягли у него на языке.

Он понял, что Индия сильнее его.

Резко повернувшись, Ходсон пошел назад в палатку.

Глава сорок шестая

ДОЧЬ ПАНДИ

В темноте безлунной ночи четыре больших лодки отплыли от плоского песчаного берега маленького островка на реке. Лодки плыли на юг.

Люди тесной толпой стояли в лодках, – последняя партия повстанцев, до сих пор державшаяся в форту Селимгур.

На корме лодки, шедшей позади всех, стоял Чандра-Синг, и подле него Лела под своим большим платком.

Гребцы смотрели назад, в темноту.

Скоро сильное пламя полыхнуло над фортом, забурлила вода, с плеском ударяясь в берега. Форт Селимгур взлетел к небу.

Пламя пожара долго еще клубилось неровной завесой вдали, освещая темное небо, стены крепости, реку.

Чандра-Синг смотрел назад. Издали в свете пожара он видел дымное колеблющееся облако над городом, освещенное отсветами огня. Ему казалось, что он слышит стон над крепостью, долгий, многоголосый стон, поднимающийся к самому небу.

За поворотом реки всё закрылось, зарево пожара померкло, снова стало тихо.

Гребцы налегли на весла. Тьма укроет их, под покровом тьмы они дойдут до Бхагпата, а там дальше – форт Агра, шатры повстанцев на берегу, свободный путь, родные селения.

Конный отряд Ходсона наконец нашел себе дело: он вышел в погоню за повстанцами, ушедшими из Дели на юг. Все дни штурма кавалерийские части британцев оставались в резерве, в тесных улицах города коннице нечего было делать. Но сейчас Ходсон мог показать себя.

«Ходсоновы кони» – так называли британские офицеры его отряд – были впереди всех. «Кони Ходсона» плясали от нетерпения: по обеим сторонам Джамны в этих местах тянулись полосы топких болот, затонов, непроходимого для кавалерии зыбкого песку. И последние делийские повстанцы, отплывшие из форта, беспрепятственно уходили на юг, к Агре.

Глубоким обходом шли конные к дальнему изгибу реки, к излучине у Бхагпата, где можно будет проскочить на конях к самой воде и перерезать путь повстанцам.

Без отдыха, без остановки гребли гребцы Чандра-Синга.

Они уже миновали раскиданный к берегам, разбитый британцами плавучий мост недалеко от Бхагпата.

И на рассвете «Кони Ходсона», брошенные карьером, подскакали к самой воде.

Гребцы, дружно привстав, налегли на весла. Здесь были твердый проходимый берег и брод, удобный для коней.

Кони вошли в воду. Борясь с течением, они поворачивали наперерез лодкам.

Было уже светло, небо на востоке окрасилось ясным пурпуром утра.

Офицер-саиб шел на коне впереди, в кавалерийской форме, в чалме, навернутой поверх белого шлема.

Уже можно было хорошо видеть лицо офицера, его светло-рыжую бороду и широко открытый рот. Офицер что-то кричал, – ветер относил слова.

Первая лодка успела пройти. «Ходсоновы кони», теряя брод, плыли наперерез второй, третьей. Конские морды неровно вскидывались над водой.

– Целься в ко-о-оней! – закричал Чандра-Синг.

«Бах! Ба-бах!..» – со всех лодок стреляли. Кони, храпя, кружились в воде. Меткие пули сипаев разили их в головы, в лоб меж глазами. Кони тонули, увлекая всадников под воду.

– Сейчас они проскочат, проклятые панди! – путаясь в стременах, захлебываясь водою, кричали и ругались «Ходсоновы конники».

Все лодки уже проскочили вперед, оставалась самая последняя, та, в которой сидел Чандра-Синг. Офицер с рыжей бородой плыл к этой лодке, загребая одной рукой.

Он доплыл и левой рукой вцепился в борт, накренив тяжелую лодку; в правой у него был пистолет. Целясь, он кричал оскорбительное слово.

Лела шагнула к борту. Она выхватила кинжал из-под женского платка. Короткий хрип, и офицер, окрасив воду кровью, пошел на дно.

Лела окунула свой кинжал в воду и смыла с него кровь. Потом перешла к корме и взяла весло из руки уставшего гребца. С силой упервшись длинным веслом в дно реки, она одним движением далеко вперед выбросила лодку.

Чандра-Синг смотрел на Лелу, точно увидал ее в первый раз.

– Дочь нашего Инсур! – сказал Чандра-Синг. – Наша дочь.

Погоня давно рассеялась по реке. Лодки плыли и плыли вперед.

Джамна, дочь солнца и сестра Ямы, бога смерти, стремила на юг, к Гангу, свои светлые воды.

Впереди уже виднелись под солнцем белые зубцы стен, бастионы и башни высокого форта Агры.

Лела выпрямилась на корме, глядя вперед.

– Теперь мы будем биться в Агре, – сказала Лела.

Послесловие

С падением крепости Дели не окончилась история народного восстания в Индии. Центром национально-освободительной борьбы стал Ауд – большая область, расположенная юго-восточнее Дели. Население Ауда и соседних провинций, поднявшись на борьбу вслед за делийцами, храбро сражалось против значительно лучше вооруженной британской армии. Весь остаток 1857 года и большая часть 1858 года прошли в непрерывных боях. Повстанцы Джанси, храбрые бойцы Лакнау, сражавшиеся с генералом Хэвлоком, сипаи Барелли, крестьяне Рохильканда, – не одну книгу можно было бы написать о подвигах героев восстания. Борьба не закончилась и в 1858 году. Восстание не затихало, – оно уходило вглубь. «Эту страну нам предстоит завоевывать заново», – с тревогой писали в то время англичане в своих газетах. На это вторичное завоевание были брошены колоссальные средства. После того как был снова взят Канпур, войска Нана-саиба оттеснены и рассеяны, преодолено сопротивление повстанцев Лакнау, разгромлено восстание в Центральной Индии, – борьба еще продолжалась, но приняла форму упорной партизанской войны. В 1859 году англичанам удалось перебросить в порты Индии достаточно большое количество солдат и пушек; и все усилия повстанцев, не связанные единым руководством, были в конце концов сломлены действиями лучше организованных регулярных британских войск.

«Пока что англичане снова завоевали Индию », – писал Маркс, внимательно следивший за всеми событиями восстания. – «Но это вторичное завоевание не усилило власти Англии над умами индийского народа. Напротив, они сами признают, что как среди индусов, так и среди мусульман наследственная ненависть к незваным пришельцам... теперь сильнее, чем когда-либо ».